Фронт до самого неба (Записки морского летчика)

Василий Иванович Минаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: В документальной повести Героя Советского Союза В. И. Минакова рассказывается о боевых подвигах летчиков Черноморского флота, воспитанниках Ейского военно-морского авиационного училища, в трудный период Великой Отечественной войны, летом и осенью 1942 года. Книга адресуется массовому читателю.

Так обозначены страницы книги [44] (страница предшествует номеру).

lenok555: Следующие две книги мемуаров В. И. Минакова — "Командиры крылатых линкоров" и "Гневное небо Тавриды".

- Минаков Василий Иванович.
  - Красный самолет
  - Запал
  - Настроение бодрое
  - Тихий фронт
  - Кому-то надо
  - Новые однополчане
  - Боевое крещение — не ритуал
  - Сквозь огонь
  - Экипажи уходят в ночь
  - "Порядок, командир!"
  - Ни шагу назад!
  - Мы вернемся, Белореченская!
  - "Ваш вопрос легче"
  - "Мессер" пошел вниз
  - Живы, черти!
  - Хватило и на зенитки
  - Разнообразить ассортимент
  - Благодарность Буденного
  - Памятный день
  - Зоркость от злости
  - Из-под крыла летучего авианосца
  - Испытание на лобовых
  - За Жору Соколова!
  - Двое в море
  - Одиссея одного экипажа
  - Над перевалами
  - Дальний маршрут
  - В прицеле — корабли
  - Бомбы под эшелоном

- В разведке
- Еще полетаем вместе!
- Фронтовая академия
- Задача у нас одна
- Опять разведка
- "Главное — не растеряться!"
- Героический десант
- Приказ есть приказ
- О друзьях-товарищах (Вместо эпилога)
- ОГЛАВЛЕНИЕ

Минаков Василий Иванович.
Фронт до самого неба
(Записки морского летчика)

Красный самолет

Вряд ли возможно теперь узнать, кому принадлежала эта идея. Простая, как все гениальное, — вспоминали мы после, полушутя. Гениальное — это, положим, слишком. Но вспоминали же, и не раз. Всякий раз, когда требовалось найти единственное возможное решение из множества невозможных, выход из безвыходного положения, замену тому, что незаменимо и чего не оказывалось под рукой…

Но что — под рукой! В целом мире тогда не существовало, да едва ли и существует теперь такое техническое средство, чтобы разом оповестить тысячи находящихся в самых различных местах людей о событии, требующем немедленного их сбора.

Боевой самолет может быть выпущен в воздух лишь тогда, когда весь его экипаж на борту: летчик, штурман, стрелок-радист, воздушный стрелок. Когда техник с механиками и мотористом, подготовив машину к полету, проверив в работе каждый ее механизм и прибор, заправив баки горючим и маслом, доложат о полной ее готовности к вылету. Когда вооружены — если это боевой вылет, подвесят к бомбодержателям бомбы, укомплектуют боезапас и также доложат о том командиру.

Каждый на своем месте, у каждого четко определенные обязанности, каждый несет за них полный ответ.

Так у бомбардировщиков. Так у истребителей. Так и во всех авиационных частях.

На Дальнем Востоке солнце восходит раньше, и когда в Киеве, в Минске, в Одессе оно едва высветило край неба, мы его видели над головой. День в Приморье был в полном разгаре — солнечный, жаркий день, выходной, — и все те люди, необходимые для боевого полета, в нашем авиагородке и в других, по всему тысячекилометровому побережью, за исключением находящихся на дежурстве, дневальстве и в карауле, были свободны распоряжаться собой. В определенных, понятно, пределах, не покидая расположения части и прилегающих к нему мест, и чтобы домашние или соседи знали, где можно кого отыскать, — на речке, над омутом с удочкой или на солнечном пляже, в таежном мыске, где уж кто-то грибы будто видел, в поселке, где собирается по воскресеньям базар. Места всем известные, все в городке понаслышке друг друга знают, побегай, поспрашивай, и непременно найдешь. На то и посыльные в штабе полка, при дежурном.

Но сколько посыльных потребовалось бы в наряде, чтобы в течение, скажем, хоть часа собрать по тревоге весь личный

состав?

Мы с утра были в то воскресенье на речке. Студеная, быстрая речка, забыл названье, впадает в морской залив. Черная с виду, как все таежные водоемы, а зачерпни — не вода, хрусталь. И берег опрятный, со светлой полоской облизанного разливами плеса, под полуметровой ступенькой обрыва мелкая галька, как чечевица, белый, щекочущий ноги песок. В тени посидеть — ильмаки с обрыва услужливо наклонили огромные перистые зонты, скрыться от глаз, чтобы трусики выжать, — надежней курортных кабинок кусты лозняка. Любимое место всего гарнизона, а также и молодежи соседнего с нами села, что раскинулось между таежной опушкой и тою же речкой, его огибающей полукольцом. Скошенный луг с шелковистой отавой, ячменное поле, на глазах наливающееся желтизной, край тайги в легкой мреющей дымке, сопка Юркина шапка — удачней не назовешь. Круглая шапка, добротная, меховая, темной елью поросшая, кедрачом…

Наша непроизвольно составившаяся компания — несколько молодоженов с зелененькими, не успевшими войти в роль боевыми подругами, стайка беспечных холостяков — успела уже искупаться кто по два, кто по три раза: долго в реке не поплаваешь — костолом. Вбежишь, [6] как мальчишка, вздымая фонтанами брызги, помахаешь «саженками», сколько достанет духу, — и на берег греться, гоняя в кругу в волейбол. Дело к обеду шло, час самый шумный: всплески воды, гомон восторженных ребятишек, стук мячей, переборы гитары ли, мандолины, в душу просящийся голос Шульженко, разом из двух патефонов, наперегонки…

И вдруг все смолкло. Даже и патефоны выключились одновременно, и в воздухе будто повисли мячи. Затем в уши вторгся гул самолета — мощный, упругий и неожиданно близкий, словно он, молча, как планер, подкрался и только над нами взревел. Даже и силуэт показался как будто бы незнакомым. Условно очерченная, как собирательный образ, машина, с осоавиахимовского плаката, что поразила воображение в детстве, летела неторопливо, но быстро, и как бы всматриваясь в застывшие наши фигурки внизу. Споро прошла над пляжем, обогнула село, повторяя излучину речки, скрылась за сопкой-шапкой, вернулась и вдоль опушки тайги ушла в сторону нашего аэродрома…

— Красный! — тихо вымолвил кто-то.

— Красный, — отозвалось эхом несколько голосов.

Кружок тут же распался. Каждый заторопился к своим вещам.

Лишь одеваясь, я осознал, что была за машина.

Обыкновенный СБ! Только весь, от хвоста до кабины и от одного конца плоскостей до другого, будто обтянутый пламенным кумачом. Сигнальный самолет, знак боевой тревоги…

Все одевались, в момент исчезали. Никто никого не ждал, не звал, не торопил. Тревога есть тревога. После проверки готовности полк будет построен на летном поле, и командир всех расставит по надлежащим местам. На неделю, на месяц, на целый отрезок службы, до следующего учения или тревоги, каждую эскадрилью, звено, экипаж. Кому-то ходить в виноватых, испытывать тяжесть повышенного внимания и опеки, кому — неприметная, но ощутимая в строгой регламентации воинской жизни прибавка доверия. Этим и были мы озабочены прежде всего. Тревоги проводились часто, с вылетом и без вылета, в масштабе эскадрильи или полка, во взаимодействии с кораблями или без такового. От пляжа до городка полтора километра, от городка до аэродрома — еще километр.

Правда, потом вспоминали, что слово тревога, за время службы успевшее стать привычным, как-то буквальней в тот раз прозвучало, вот именно что тревожней, а может, так показалось потом. Может, и потому, что застала на пляже, в разгар выходного, хоть слухи о летних маневрах держались третью неделю; маневры — не полковое учение, соединения могут вводиться разновременно, исходя из оперативных, из стратегических даже задач. Необычный способ оповещения? Но вспомнили тут же ведь о приказе, в котором упоминался этот сигнал.

Спустя пять минут я был за ячменным полем, еще пять — за узеньким перелеском, знойным, смолистым, пронизанным солнцем от макушек молоденьких сосенок до корней, — вырулил на прямую к аэродрому…

Вот тут он и повстречался, тот техник. Из соседнего городка, в войсковой форме, с одним «кубарем» в петлицах, то есть по званию были мы с ним равны. Но я все же летчик и в морской форме… Даже и по-простому, по справедливости рассудить: он в сапогах, я в ботинках и клешах. А он пер напрямик, как танк, будто вовсе меня не видя, сильно дыша и отмахивая руками, кажется, больше меня еще торопился: многие военные жили на квартирах в селе, верно, нужное что-то дома оставил.

— Тревога? — спросил я, все же не удержавшись, чтоб не задеть его локтем, прежде чем уступить тропу. Забыл, что тревога их части может и не касаться.

— Она…

Именно так послышалось в ту секунду. Но уже в следующую что-то заставило усомниться, обернуться, уставиться ему вслед.

Плотная, туго обтянутая гимнастеркой спина с темными пятнами пота у портупеи качнулась и скрылась за поворотом в лесок. Вот слон! И вдруг я все понял. Понял, что я для него ничего не значил, что он нес в себе что-то огромное, перед чем остальное все — пустяки. Ну да, он успел повстречать уже многих и каждому отвечал, и привык уже к этому слову…

Это слово было — война!

Так и запомнилось на всю жизнь: слепой взгляд, устремленный вперед, жест вывернутой ладони на сильном отмахе, пятна пота на исчезающей в перелеске спине. А за перелеском, в безоблачной выси — багровая полоса, след невиданного сигнала, и где-то далеко-далеко за огненной этой чертой белый пляж, мандолина, дети…

Какой летчик, штурман, воздушный стрелок, как [8] бы он ни был занят, хоть на момент не поднимет к небу, заслышав привычный, упругий гул? Какой техник, механик, моторист не вслушается в родной этот и не проводит крылатую машину внимательным взором мысленно пожелав, чтобы все в ней работало, как часы? И в чью молодую память навеки не врежется пламенная черта, разделившая жизнь на две части? Он был великий психолог, но главное — авиатор, он был авиатор до мозга костей, тот человек, кому пришла в голову эта удивительная идея.

Запал

Это слово было — война. Но так ли уж неожиданным было для нас это слово?

В те ночи я подолгу не мог уснуть. Перед глазами вставало то, что осталось за огненной полосой — детство, школа, родной южный город… И самолет! Другой самолет, поразивший воображение пламенным цветом. Но не тревожно, и празднично, ярко, с неповторимой мальчишеской сладкой тоской, со всей силой полумечты-полусказки…

В то далекое ясное утро мы, стайка минводовских пацанов, лежали рядком на высоком берегу Кумы: отсюда хорошо был виден аэропорт — наша общая гордость. В жарких спорах, чей город лучше, — а спорить было с кем, в Минеральные Воды на лето съезжалось к родным и знакомым множество ребят и из дальних, и из окрестных городов — аэропорт был нашим главным козырем. Мы лежали на высоком берегу и, подперев подбородки локтями, завороженно следили за самолетами. Они появлялись из-за слепящего горизонта, делали круг над изгибом Кумы и, развернувшись у кирпичного завода, неторопливо опускались на посадочную полосу. Нам оставалось лишь дать оценку. Какой лучше зашел, мягче сел, точнее вырулил к месту высадки пассажиров. То же и в отношении взлета, первого круга над аэродромом, набора высоты. Конечно, при этом между знатоками нередко вспыхивали и кратковременные дискуссии, в которых шли в ход не одни лишь словесные аргументы… Может быть, так и прошел бы тот день содержательно, как и все летние дни каникул, если бы по выжженному лугу в излучине быстрой Кумы не скользнула вдруг необычно короткая и поразительно быстрая тень. Мы мгновенно задрали головы. На нас молча несся невиданный маленький самолет: вместо привычных букв и цифр на его коротких широких крыльях пламенели огромные звезды…

Мы так и остались с раскрытыми ртами. А он тем временем развернулся, низко прошел над заводскими трубами и, не делая круга, приземлился за полосой кустарника, на незанятом поле слева от нас.

Мы очнулись, вскочили, стремглав помчались к нему. Длинный Сашка Черняховский несся впереди всех. Это было, конечно, досадно и даже, пожалуй, не очень-то честно с его стороны. Не у всех же ноги, как у кузнечика! Должно быть, осознав это, он оглянулся, замахал руками, как мельница:

— Василь, Санек, да скорей же!

Но мы и так выдыхались. Еще и орет! Кусты кончились,

выскочив на поляну, мы остановились как вкопанные. Прямо перед глазами, опершись на короткие, сильные лапы, стоял новенький темно-зеленый истребитель, а рядом…

Рядом с машиной стоял человек. И был человек этот так красив, что страшно казалось глядеть на него, замирало сердце. И все равно я глядел и глядел, и боялся моргнуть, чтобы поглядеть на него подольше.

— Здорово, орлы!

Помню, меня поразило, что такой человек может говорить обыкновенным, даже веселым голосом. Тут только и смог я в отдельности разглядеть коричневую кожаную куртку, шлем с поднятыми на лоб очками, большую, до колена свисшую на тоненьком ремешке планшетку с картой под целлулоидом, синие галифе, блестящие хромовые сапожки.

— Ну, что молчите, огольцы? — деловито окинув взором нашу запыхавшуюся компанию, улыбнулся летчик. — Или воды в рот набрали?

Мы смущенно опустили глаза, не зная, что ответить,

— Ну-ну, — видимо, понял он наше душевное состояние. — А, кстати, водички у вас случаем не найдется?

— Найдется! Найдется! — сразу ожили мы.

Через несколько минут он, уже без кожанки и шлема, жадно пил холодную ключевую воду, а мы с нескрываемым восторгом следили за каждым его глотком. [10]

— Спасибо, ребята, хороша водица, — похвалил, вытирая губы. — А ведерко поставьте под куст, еще пригодится. Сейчас прилетит много самолетов. Кто первый их увидит, получит подарок. Договорились?

— Договорились! — дружным хором, как в первом классе, ответили мы.

— Молодцы! Помощники! Следите за воздухом, а я пока займусь машиной.

Каждый выбрал себе наблюдательный пост. Всматриваясь в небо до боли в глазах, я время от времени оглядывался на летчика, возившегося с мотором: совсем молодой, а на голубых петлицах уже по «шпале»!

Он закрыл капот, спрыгнул с крыла на землю.

— Ну, что, разведчики, не видать моих соколов?

— Пока нет!

Летчик взглянул на часы, покачал головой:

— А по времени пора бы…

И тут я увидел над горизонтом точку, другую…

— Вижу! Вон они! — закричал хриплым от волнения голосом.

Все повернулись, куда я показывал, принялись считать:

— Три, четыре… шесть… восемь!

— Как тебя зовут? — подошел ко мне командир. Я ответил.

— А отца?

— Иваном, — ответил за меня Черняховский. — Иван Иванович, машинист на паровозе!

— Острый у тебя глаз, Василий Иванович. На-ка вот, держи!

И протянул руку. На крепкой широкой ладони лежала свеча от мотора с чуть приконченным фарфором.

— Бери. Это тебе запал на будущее. Ведь хочешь стать летчиком?

— Очень… — смущенно ответил я и двумя пальцами взял свечу. Она была еще теплая. Ребята молча окружили меня, разглядывали, сопели. А у меня сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— А теперь, братцы, слушай мою команду. По кустам!

Летчик достал из кармана ракетницу и выстрелил вверх.

В ответ над самолетами тоже взлетела зеленая ракета. И один за другим они стали заходить на посадку. Приземляясь, становились в ряд с машиной командира. Поочередно подбегали к нему, молодцевато докладывали, потом с удовольствием пили воду из нашего ведерка.

Вскоре из аэропорта подъехали автозаправщики. Послышались четкие, непонятные команды. Все казалось необыкновенным: и молодые, ловкие пилоты, и ровный строй блестящих короткокрылых машин…

Сашка Черняховский сунулся к командиру:

— Еще воды? Мы мигом!

— Спасибо, — негромко ответил тот. — Мы сейчас улетаем.

Его подчиненные уже рассаживались по кабинам, по очереди поднимали руку.

Командир подмигнул мне:

— До скорого свидания в небе!

Выпустив легкие клубочки дыма, самолет взревел, лопасти винта слились в сверкающий круг, вся окрестность заполнилась мощным гулом. После короткого пробега, круто отрываясь от земли, истребители один за другим взмывали в небо. Мы молча провожали их взглядами. Когда последний растаял в голубизне, бросились на опустевшее поле. Ни клочка ветоши, ни папиросного окурка, ни обрывка бумаги не осталось на том месте, где минуту назад стояло девять чудесных машин. Только еле заметный дымок, растворенный в прозрачном воздухе, да теплая фарфоровая свеча в моей потной руке…

И еще это чувство — щемящая, непонятная грусть, которая и теперь заполняет сердце. Где он, тот замечательный командир?

Один из самых мне близких на свете людей, хоть никогда и не знал, и не мог знать об этом. Водит отважных своих ястребков в дымно-багровое небо над черной, изрытой воронками степью или уже отводился, врезался в стаю фашистского воронья и полыхнул ярким пламенем в первый же день войны над кипящим Бугом? И если так, если это случилось, то я клянусь заменить его в боевом строю и тем самым отдать ему долг за ту дорогую мне встречу, за скромный, но бесценный подарок — свечу, осветившую всю мою жизнь…

Мы гурьбой возвращались в город. Свеча ходила по рукам. По горящим глазам я видел, как ребята завидуют мне.

— А ты, Санек, хотел бы стать летчиком? — допытывался Саша Черняховский. [12]

Саня Разгонин щурил глаза, дипломатично уклонялся от ответа:

— Не знаю. Чтобы летать, надо вот тут иметь железо, понял? — Санька убежденно постучал кулаком в свою щуплую грудь.

— И стальные нервы! — поддакивали ребята.

Меня не спрашивали: тут дело было уже решенное. Даже как-то стихали, когда обращались ко мне.

Домой я вернулся поздно.

— Где это тебя носит? Целый день голодный!

Мать укоризненно качала головой, хотела продолжать, но я уже не слушал ее. "Батя приехал!" — бросился в комнату. Отец с газетой в руках отдыхал на диване.

По целой неделе он ездил с составами, и каждое его возвращение было для меня праздником. После моих расспросов, где он был, как съездил, отец в свою очередь спросил:

— А как твои дела, сынок? Матери помогаешь? Как раз со двора донесся ее голос:

— Иди ешь, гулена!

— Подожди, мам, нам поговорить надо… Но отец похлопал меня по плечу:

— Иди, иди! У матери дел невпроворот. Поговорим, успеем.

С едой я расправился молниеносно. После ужина не мог найти себе места: свеча жгла карман.

— Что с тобой, Василь? — мать прикоснулась к моему лбу. — Глаза горят… Не заболел ли?

Прошмыгнув наконец в комнату, я обо всем рассказал отцу. Он повертел свечу в руках, не торопясь закурил. Тихо, серьезно проговорил, выпустив клуб дыма:

— Береги. Подарок с большим смыслом… Укладываясь спать, я еще услышал:

— Что это сегодня с Василем творится? Сам не свой!

— Ничего, мать, мало ли там у них, у мальчишек… Имеет человек право на свои секреты…

Заснул я моментально, точно сделав какое-то важное дело.

А теперь вот не засыпалось. Война… Пока она существовала для нас лишь в сводках Совинформбюро, в постоянно сосущей душу тоске, в чувстве безвинной вины перед теми, кто где-то сражается, гибнет. И, конечно, в ожесточенном стремлении как можно лучше подготовиться к будущим схваткам…[13]

Настроение бодрое

Да, где-то шла война, у нас по-прежнему боевая учеба. Правда, в ней многое изменилось. В полк поступали приказы, инструкции, отражающие опыт начального периода боевых действий. Стало известно, что фашисты широко применяют штурмовку аэродромов с малых высот, захват их с помощью небольших, мобильно действующих десантов. Налеты совершаются в сумерках, ранним утром или вечером.

Командование спешно перестроило графики боевых дежурств, провело тренировочные стрельбы по чучелам, спускаемым на парашютах. Стреляли все, кто мог находиться на аэродроме. Из всех видов оружия, которые имелись по штату. Стреляли неистово, зло, как по всамделишному, нагло нападающему врагу. Казалось, на мишенях не должно остаться живого места. Каково же было удивление, когда на большинстве приземлившихся манекенов мы не смогли обнаружить ни единой пробоины! С минуту все обескураженно молчали.

— Тем лучше, — зло сплюнул кто-то. — Будем лупить врукопашную!

И остервенело пнул сапогом соломенного болвана.

— Нашел по силам, — невесело усмехнулся другой. — Кстати, насчет рукопашной тоже проверить бы не мешало…

Были приняты срочные меры. Лучшим стрелкам поручили разработать методику ведения огня по воздушным целям, организовали краткосрочные сборы для выделенных от подразделений инструкторов.

Как-то в конце июля на аэродроме приземлился наш старый знакомец по аэроклубам — маленький УТ-1. Не приземлился — с неба свалился. Беззвучно, как птица. Коснулся земли, тормознул. Из кабины выпрыгнул смуглый, сутуловатый в кожанке пилот, хозяйской походкой зашагал к стоянкам.

Его узнали издалека, генерал-майор Остряков был известен не только как заместитель командующего военно-воздушными силами Тихоокеанского флота. Герой войны в Испании, за плечами двести пятьдесят боевых вылетов! 28 мая 1937 года его бомбардировщик дерзко атаковал немецкий линкор «Дейчланд». Две бомбы легли [14] в цель. Один из современнейших суперкораблей, гордость гитлеровского флота, получил серьезные повреждения, взрывной волной была снесена башня главного калибра, разрушены палубные надстройки, в машинном отделении взорвался один из котлов. «Дейчланд» с трудом дотащился до Гибралтара, надолго стал на ремонт. За подвиги в

Испании Остряков был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Генерал собрал всех тут же на летном поле, спросил без обиняков:

— Как настроение, орлы?

— Бодрое… — отнюдь не бодро откликнулось несколько голосов. Остальные молчали, отведя глаза в сторону. Лицо генерала сделалось озабоченным.

— Понимаю. Вести с фронтов хуже некуда, а мы сидим у моря и ждем… Ведь так?

Мы молчали. Стрельба по болтающимся в воздухе тряпочным чучелам, конечно, полезный вид спорта, но где-то неистово воющие стервятники с крестами на фюзеляже обрушивают бомбы на беззащитные города и села, рассеивают подтягивающиеся к фронту колонны наших пехотинцев, и те безнадежно отворачивают взор от родного неба…

Генерал напряженно вглядывался в лица.

— Вот что, друзья, — заговорил наконец. — Если при такой обстановке нас держат здесь, значит, надо. Будете воевать, твердо вам обещаю! А пока, — голос его стал суровым, — никаких рапортов! И никакого нытья! Слышите? Узнаю о чем-либо подобном — обещаю не менее твердо. На всю катушку. На всю катушку командующего! Воинский долг состоит в беспрекословном выполнении приказов. Без обсуждений! У нас, как известно вам, тоже фронт, и все приказы являются боевыми!

Мы приняли стойку смирно. Некоторые опустили взгляд, рассматривая носки ботинок. Те, что успели подать рапорта и теперь вспоминали «катушку» командующего — его дисциплинарные права по уставу.

Генерал еще раз обвел всех непримиримо суровым взглядом. И вдруг улыбнулся.

— Передаю вам то, что самому пришлось выслушать. С превеликим стыдом! Когда сунулся с просьбой об откомандировании в действующую. Так и сказали: "Зарубите себе на носу и передайте своим подчиненным!" Пока не выяснится обстановка, приказано охранять рубежи Родины здесь. И — учиться! Учиться бить врага так, как его бьют наши лучшие воздушные бойцы на фронте. Кстати, слышал, вам уже довелось отражать атаку авиадесанта? И, кажется, «противник» вел себя исключительно тихо и смирно?

Да, Остряков умел наносить удары не только с воздуха. Надо думать, кто-то из его предков не даром заслужил прозвище, легшее в основу этой громкой на тихом Дальневосточном фронте фамилии…

Надеяться и не ныть. Этому учили все примеры жизни.

…Помню нашего преподавателя по труду Матвея Матвеевича Горяинова. Был он всегда чем-то озабочен, вечно в стружках, от его фартука исходил волнующий запах авиационного клея, эмалита. Матвей Матвеевич вел в нашей школе кружок авиамоделистов, и в его разговорах со старшеклассниками мелькали заманчивые, удивительные слова: нервюра, лонжерон, хорда… Должно быть, и заметив в моих глазах страстную тоску и зависть, мастер, сам пригласил меня в кружок, хотя я еще и не дорос до такой почетной работы. Боже мой, что это было за волшебство! Я даже думать не мог, что в нашей школе существует такой чудесный класс. Все стены завешены схемами, плакатами, чертежами, моделями самолетов и планеров… Но самым удивительным было то, что все это — дело рук наших школьников.

С тех пор все свободные вечера я проводил в этом классе. Старшие ребята показывали, как и что делать, учили читать чертежи…

А весной, когда сходил снег, просыхали лужи и поле за кирпичным заводом покрывалось первой зеленью, устраивались соревнования. Каких только моделей тут не было! Планеры всех видов, самолеты с простыми фюзеляжами и балочными, с пружинными и резиновыми двигателями, на колесах и на лыжах. Словно огромные бабочки, взлетали и садились они под восторженные крики и бурные аплодисменты сотен ребят и взрослых…

Но однажды Матвей Матвеевич сказал нам, уже, в свою очередь, ставшим в кружке старшими:

— Вот что, ребятки. Все, что я знал, я вам отдал! Больше учить вас нечему. С этого дня каждый должен искать себе дальнейший путь. Поспешите, иначе авиация вас обгонит![16]

Авиация, действительно, росла и мужала быстрее нас.

…И вот белая лунная ночь, путь по пустынным улицам, вдоль палисадников, занесенных пушистым снежком. Как невиданно красив наш город! В самом деле, я никогда его таким не видел. Чистые, посеребренные дома, гладкие улицы, вдали море огней — белых, красных, зеленых. Я и не догадывался, что существуют такие города и такие чудесные ночи…

Дома рассказал обо всем, что произошло на вечере в горкоме комсомола, о том, что я записался в аэроклуб. Родные восторга не разделили. Бабушка всплеснула руками, запричитала:

— Чего надумал, не приведи господь! Сломаешь шею…

Брат Николай скептически оглядел мою по-мальчишески щупленькую фигуру:

— Рожденный ползать…

Но самыми убедительными были возражения матери.

— О себе только думаешь! За отца сколько волнуюсь… Сердце-то у меня одно!

Но отец поддержал, и это все решило.

— Не то говоришь, мать. Оглядись вокруг, время-то какое!

И вот — аэроклуб. Настоящие планеры, настоящие самолеты, опытные инструкторы. Материальная часть, теория полета, тренировки на земле. Месяц, другой, третий…

И вот:

— Учлет Минаков к полету готов!

Первый раз — с инструктором. Второй, третий — с инструктором. Много раз с ним. Потом — самостоятельно!

Только после взлета ощутил, что за спиной пусто. На месте внимательного, надежного друга-руководителя — безгласный тупица, мешок с песком. Стало сиротливо. Но постепенно сердце наполнялось неизъяснимой гордостью: машина послушна мне! Мне одному! Одному во всем небе!

Самолет идет к первому развороту. Под крылом серебристая змейка Кумы, на берегу — ватага ребятишек. Давно ли я сам сидел там, глядя в небо, не смея и мечтать когда-нибудь стать повелителем крылатой машины?

Расчет на посадку — от третьего разворота. Перехожу на [17] планирование. Ближе, ближе земля. Сам себе подаю команду "Пора!" и начинаю выравнивать самолет. Ослабляю усилие на ручке, машина послушно уменьшает вертикальную скорость. Касаюсь колесами земли прямо напротив знака «Т». Машина замедляет бег. С квадрата машут руками ребята — Ваня Алефиренко, Петя Рыжов, Саша Черняховский. Но я смотрю на инструктора. Только на инструктора. Бурьянов показывает рукой: продолжай выполнять программу. Если бы что-нибудь было не так, он дал бы команду зарулить. Значит, все хорошо. Хорошо, хорошо! После второго вылета заруливаю на линию заправки, ребята бросаются с поздравлениями…

И еще один памятный полет.

Кого в те годы не волновали подвиги наших воинов у озера Хасан и на Халхин-Голе? Легендарные сопка Заозерная, высота Безымянная, имена героев-летчиков Грицевца, Кравченко, Скобарихина…

Это случилось, когда учебная программа в аэроклубе уже подходила к концу. На аэродром заехал летчик-отпускник, участник боев на озере Хасан. На его гимнастерке сверкал новенький орден Красного Знамени, и весь он, подтянутый, хваткий, дочерна загорелый, казался насквозь пропахшим

дымами недавних битв. Затаив дыхание, слушали мы его рассказ о героических боях с обнаглевшими самураями.

— Хочу полетать с кем-нибудь из ваших питомцев, — обратился он вдруг к Бурьянову. — До чертиков соскучился по небу, да и посмотреть интересно, каких ребят вы нам готовите.

Кровь ударила в голову, когда инструктор кивнул в мою сторону:

— Ну-ка, Минаков, покажи, на что способен!

— Смотри, Василь, — зашептали ребята.

— Не подкачай!

— Но только в пределах курса, — строго напомни инструктор. — Без самодеятельности!

Он говорил еще что-то, но где там! Все мои мысли сосредоточились только на том, как бы не осрамиться перед таким гостем…

Сели, пристегнулись.

— Давай, Василек! Без самодеятельности, — послышался сзади веселый, озороватый голос. [18]

Сразу все стало легко и просто. Запустил мотор, вырулил на старт. Стартер дал отмашку, оторвались от земли. Разворот над аэродромом — в зону. Левый разворот, правый, мелкий и глубокий виражи. Стараюсь держать "стрелки по нулям". После штопора, не выводя машину из пикирования, набираю скорость и выполняю петлю Нестерова. Моей коронной фигурой был переворот. Но на этот раз перестарался, задержал ручку, и мы зависли вниз головой. Самолет слегка «посыпался», вихри прохладного воздуха ворвались в кабину. Срочно подбираю ручку, вывожу машину прямо на центр зоны. Время вышло, беру курс на аэродром. Оглядываюсь назад — какое мнение? Но пассажир не обращает на меня внимания, смотрит в сторону, любуясь закатом.

Приземлились.

— Ну, как прогулка? — встретил гостя инструктор Бурьянов.

— Молодец! Хорошо работает. Спокойно. И сказано было спокойно. Так, что сомнения быть не могло.

Трудно сказать, что я чувствовал в ту минуту…

Потом… Потом в аэроклуб прибыла комиссия с целью отбора лучших в прославленное Ейское военно-морское авиационное училище. Был объявлен маршрут зачетного полета: Минводы — Черкасск — Невинномысск — Минводы. В Черкасске остановка для заправки. Мне довелось лететь со старшим лейтенантом Николаем Герасимовичем Чертовым. Все шло нормально, рейс подходил к концу. Но на последнем этапе встретилась низкая облачность, пришлось опуститься до ста метров. Облака

продолжали прижимать нас к земле. Пятьдесят метров… Козырек кабины плохо прикрывает лицо, капли дождя больно бьют по глазам. Надел очки, стало легче. Однако на малой высоте полоса просмотра сужается, трудно ориентироваться. И видимость еще хуже, летим, как в молоке. Вдруг внизу блеснули рельсы железной дороги. Счастливый случай. Схватил планшет, но сквозь мокрые стекла очков никак не могу разглядеть рисунок карты. Торопливо приподнял ее к глазам, край выдвинулся за козырек кабины. В тот же миг струя воздуха с силой отбросила планшет, целлулоид ударил в стекла очков, осколки резанули по векам. Одной рукой вытряхивая их, продолжаю вести самолет вслепую. Наконец приземлились. [19]

— Чем это ты был занят при подлете? — полюбопытствовал член комиссии.

Я рассказал о случившемся. Чертов страшно рассердился.

— Почему не передали мне управление? Подобные вольности на малой высоте категорически недопустимы!

Вот и все, теперь наверняка зарежет! Вид у меня был, должно быть, настолько жалкий, что экзаменующий отвернулся. Постоял, подождал, когда схлынет гнев, дал мне время как следует себя выдрать.

— В целом во время полета вы действовали грамотно. Ставлю пятерку.

Нет, что ни говори, а везучий я человек. И какие замечательные люди встречаются мне на пути! Или в авиации все такие?

Испытания на «везучесть» на этом не кончились.

На следующий день Ваня Алефиренко, Саша Черняховский, Разгонин, Хоткевич и я получили направление на комиссию и отправились в Пятигорск. Утро было прекрасное, о настроении и говорить нечего. Главное позади. Экзаменов мы не боялись, только что окончили школу. Медкомиссия? Но проходили же при отборе в аэроклуб. Что еще может помешать?

Оказалось — может. Я и забыл, что мне не хватает каких-то трех месяцев до возраста, установленного правилами приема. И вот все рухнуло! Предложили явиться через год.

Ребята искренне сочувствовали моему горю.

— Не расстраивайся, Василек, — обнял меня за плечи Ваня Алефиренко. У меня такое предчувствие, что в училище мы поедем вместе. Вот увидишь! Предчувствие!

Мать только обрадовалась: за год воды много утечет, может, и вовсе пройдет эта блажь у сына. Отец долго курил, хмурился. Вдруг с силой воткнул в пепельницу окурок, рывком поднялся, хлопнув ладонями по коленям.

— Вот что, Василь! Нюни не распускай. Ложись спать, утро вечера мудренее. Завтра вместе поедем в Пятигорск…

Легко сказать — ложись. Заснул я только под утро. Ни предчувствие Вани, ни решимость отца всерьез принимать не приходилось. Правила есть правила, военное [20] училище — не школа, не авиамодельный кружок, даже не аэроклуб.

Когда я проснулся, отец уже был готов. Чисто выбритый, строгий, в выходном шевиотовом костюме, в новой сатиновой косоворотке. От Минвод до Пятигорска езды полчаса. В вагоне молчали, каждый думал о своем. Я опасался, что отец в военкомате начнет шуметь и окончательно испортит дело. Впрочем, портить было нечего. Да и кто его станет слушать?

Отец не шумел, не горячился. Вежливо выслушал объяснение председателя, попросил разрешения сесть.

— Видите ли, товарищ командир, — начал издалека и как бы с натугой, я начал работать, когда мне не исполнилось и четырнадцати. Сначала учеником, потом слесарем, помощником машиниста… Руководил группой революционных рабочих, возраст не помешал. Правда, белоказаки едва не зарубили, когда угонял порожняк… Но не в этом дело. Дело в том, что когда паровоз на подъем идет, вся бригада ему помогает. Тут и пар держим "на марке", и уголька не жалеем, даже и дышим с ним заодно. Потому что такое дело — дай на момент упасть давлению…

Я слушал с досадой. Пошел про свое! Пар, давление, реверс… Занятые же люди! Извинятся, на дверь укажут, и все, конец…

— Да, паровоз… — вздохнул отец. — А если не паровоз — человек на подъеме? А ему вместо помощи — палки в колеса! Месяцев не хватает. А ждать целый год. Этот-то год вот и может как раз… я к чему и сравнил с паровозом…

Члены комиссии заулыбались, дружно обернулись ко мне. Кажется, от меня и в самом деле пар валил в ту минуту.

— Убедил, Иван Иванович! — поднял руки вверх председатель. — Раз идет на подъем… Только пусть и в дальнейшем "на марке" пар держит!

В ноябре 1938 года наша маленькая компания аэроклубовцев выехала в Ейск.

На ейском вокзале нас встретили командиры в морской форме. В небе стоял гул моторов: курсанты-выпускники сдавали государственные экзамены. Нас сразу направили на «медицину». Ее мы не боялись, откуда нам [21] было тогда еще знать, что сколько бы ни проходил медкомиссий летчик, каждая для него дамоклов меч. Слышали только, что авиационных врачей называют чекистами от медицины.

В справедливости этого сравнения пришлось убедиться именно мне. В первом же кабинете — новость. Оказывается, у меня одна нога короче другой. Как так? Дело обычное, но у вас разница несколько больше установленной нормы.

Вот те на! Опять все повисло на волоске. То из-за нескольких месяцев, в паспорте только видных, то из-за миллиметров, неведомых даже и самому.

Приказали явиться завтра.

Назавтра в числе «нестандартных» прошел кабинеты. Последняя запись. С замершим сердцем заглядываю через плечо. Ну и почерк у председателя, сам прочесть не сумеет… Но вот перо останавливается перед строкой «Заключение». Крупные, четкие буквы: "Го…"

Дня через два нас пропустили "через воздух". Затем — экзамены. Сдали первый, второй… Результатов не объявляют. Третий, последний. По-прежнему — ни гу-гу.

— Испытывают на нервы, — то ли сострил, то ли всерьез решил Сашка.

Если это было действительно испытание, то первым не выдержал его я. Спросил, как бы между прочим, у старшины, что водил нас в столовую, — какой дальше порядок?

— Дальше — банька, — загадочно и, как показалось, с охотой ответил он.

Да, в такой жаркой баньке еще никому из нас париться не приходилось. Оказалось, она-то и есть ожидаемый «результат». А старшина Дороганов, который с таким удовольствием сообщил мне о ней накануне, и есть тот таинственный человек, кому ведомы наши судьбы.

"Порядок" был прост, как и объявил он, построив всех нас на плацу в две шеренги. Чью фамилию выкликнет по списку — два шага вперед, примкнуть к тем, что вышли раньше.

— Затем все напр-раво и в баню — остричься, помыться, переодеться в курсантскую форму. Остальным получить документы и по домам.

Никогда в жизни, ни раньше, ни после, в самые даже горячие дни на фронте, не жаждал я так помыться, как в те пятнадцать минут![22]

Вот Ваня Алефиренко уже отмерил заветные два шага, самые крупные в своей жизни. Обернулся, сияет, как самовар. Вот вышел длинный какой-то на «Б» — фамилию я от волнения не расслышал, — потом на «В», еще… Целых трое на «Г»! Так вообще до меня не дойдет, мест не хватит. На «Е»… Везет людям! Если и это испытание, то где ж справедливость? Неравномерно распределены нагрузки! Перетасовать все бумажки с фамилиями,

доставать бы из шапки и выкликать… «К», «Л»… Ну? Ну? Мазуренко… Мелкумов, черт… Все? Ну…

— Минаков… Уф-ф

— Я! — выпрыгнул, в самом деле как из парилки, бегом примкнул к черту Мелкумову, которого уже любил.

Из наших на месте остался один Хоткевич, не прошел медицину. Он это знал и до «баньки», и все равно. Вдруг чудо, не хватит одного кандидата… Жаль было парня. Но радость взяла свое.

Спустя полчаса мы «крестились» в курсанты. Драли друг другу спины с таким стараньем, как будто готовились плавать, а не летать.

— П-палубу надра-ить! — по-боцмански орал Сашка, чуть не сдирая кожу с моих лопаток. — Натерр-реть песком…

— И пр-ролопатить! — орал в свою очередь я, отыгрываясь на его широченной спине.

В предбаннике ждали нас стопки сложенных по размерам матросских тельняшек. Выходили — туго затянутые ремнями с тяжелыми бляхами, ощущая ногами приятную тяжесть суконных «клешей», раскачиваясь, как заправские моряки.

Удивительно действует на человека форма! Чудесно действует, тысяча… нет, десять тысяч чертей!

В общем вся жизнь из одних испытаний. А можно сказать — из везений сплошных.

Вот хоть и первый прыжок с парашютом. В училище, в тот же год. Поднялись. Я в передней кабине У-2, сзади — летчик-инструктор. Под ложечкой, понятно, посасывает. Летчик сбавляет обороты, толкает в плечо: "Пора!" Вылезаю на плоскость, натягиваю резиновую петлю на руку, чтобы надежней держать вытяжное кольцо. Оглядываюсь на инструктора — что такое? Лицо бледное, глава квадратные…[23]

— Пошел! — угадываю по широко разинутому рту.

Отталкиваюсь, вниз головой кидаюсь в бездну. Считаю секунды: двадцать один, двадцать два, двадцать три! Дергаю за кольцо — ни звука. Второй, третий раз — ни звука, ни динамического толчка. Лечу к земле. Что делать? Остается считанные сотни метров. Последний раз попытаться выдернуть основной парашют, если не удастся — прибегнуть к запасному. Изо всех сил обеими руками дергаю за кольцо. Рывок вверх, хлопок, повисаю в воздухе. Осматриваю купол — цел и невредим. Что же случилось? Раздумывать некогда, земля рядом. Удар. Падаю на бок, вскакиваю, отстегиваю подвесную систему. Собрав парашют, направляюсь в квадрат. Навстречу бежит инструктор-парашютист:

— Что случилось? Почему затяжка? Пожимаю плечами:

— Вытяжное кольцо не выдергивалось…

Все выяснилось, когда приземлился самолет. Оказывается, на плоскости, когда я надевал резиновую петлю на руку и поправлял вытяжное кольцо, случайно вытянулся тросик с двух люверсов. Клапан открылся, и вытяжной парашют оказался у меня за спиной. Летчик испугался, что вот-вот раскроется основной, запутается в хвостовом оперении самолета, и подал команду прыгать. При падении тросик основного парашюта зажало вытяжным, поэтому кольцо и не выдергивалось.

— Ну, парень! — протянул потрясенный инструктор. — Считай с этих пор, что ты в рубашке родился…

Может, и правда в рубашке.

Вот еще случай, уже на втором курсе. Курсант Миша Сидоров вылетел в первый самостоятельный полет на боевой машине СБ. Я был у него за пассажира, сидел в кабине стрелка-радиста. Взлетели нормально, прошли по кругу. А на посадке Миша подошел к земле на повышенной скорости, не справился с управлением, и самолет дал «козла». Сидоров растерялся и увеличил обороты до взлетных. Самолет резко взмыл вверх. Этому способствовали выпущенные закрылки и выбранный триммер. Как сейчас вижу вздыбленные капоты моторов, набегающую слева землю… Набрав шестьдесят метров, самолет свалился набок, скользнул… Сухой удар левым крылом, машина стала на нос. Затем удар правой плоскостью. [24] Фюзеляж отбросило в сторону метров на тридцать. Пропахав по полю еще метров семьдесят, остановились…

И тогда возник страх. Родился в эту минуту и остался надолго. Я стал бояться летать пассажиром. В самостоятельных полетах на глубоких виражах ощущал, как мороз пробегает по коже, казалось, вот-вот сорвешься в штопор. Измучился, похудел. К счастью, инструктор, лейтенант Алексей Абрамов, вовремя заметил неладное. Я откровенно рассказал ему все. Старший товарищ умело и тактично помог мне вновь обрести уверенность в себе…

Подтвердилось то, о чем говорили нам еще в аэроклубе: если хочешь овладеть мастерством, будь до конца откровенен с учителями. Трудно представить, что было бы, измени я этому золотому правилу…

Летом сорокового года в училище стали поговаривать о досрочном выпуске. Слухи подтвердились. В августе выпустили курсантов, обучавшихся на И-15, И-16 и СБ. В их числе был и Саша Черняховский. Вышел в звании лейтенанта, получил назначение на Тихоокеанский флот.

В начале зимы дошла очередь и до нас. Сане Разгонину, Ивану Алефиренко и мне, как и всем курсантам бомбардировочной и истребительной эскадрильи, присвоили звание младшего лейтенанта.

И вот — долгожданный отпуск. Первый наш командирский. Вообще первый: в тридцать девятом году отпуск отменили в связи с напряженной обстановкой гитлеровская Германия напала на Польшу, наши войска перешли границу, чтобы освободить братские народы Западной Украины и Западной Белоруссии…

В новенькой командирской морской форме, с золотой птичкой на рукаве сошли мы с поезда в Минводах. Встреча с родными, друзьями, девушками… Мы чувствовали себя взрослыми, самостоятельными людьми.

Новый, 1941 год встретили дома. Сразу после праздника отправились к месту службы, на самую ответственную в то время морскую границу, на Дальний Восток.

В Минводах у меня осталась невеста. С Тамарой мы вместе учились в школе, жили на одной улице, по соседству. Договорились, что она приедет ко мне по окончании учебы.

Так что и в личной жизни все складывалось счастливо…[25]

Тихий фронт

Полк рассредоточивался. Наша эскадрилья перебазировалась на запасной аэродром. Строили капониры, землянки, оборудовали укрытые стоянки для самолетов.

Много летали.

Каждое утро, задолго до подъема, кто-нибудь выскакивал из теплой землянки, бежал к штабу — слушать у репродуктора свежую сводку Совинформбюро. Обратно не торопился, обрадовать нетерпеливо ожидающих товарищей было нечем…

В общем-то мы все понимали: помнили о Хасане и Халхин-Голе, о Квантунской армии, об оси Берлин — Токио. И все равно чувство вины перед сражающимися где-то ровесниками ни на минуту не покидало нас. После завтрака молча выслушивали задание на очередной «бой», молча расходились по самолетам. Учились. Выкладывались до конца. Должно быть, именно это чувство и заставляло нас не только идти навстречу заданиям командиров, но и самим по возможности усложнять их. «Воевали» ожесточенно, с неистовой беспощадностью к себе, стремясь создать полную иллюзию боевой обстановки. Это порой приводило к риску.

Наш комэск капитан Попович, кажется, превосходил всех. Однажды, когда возвращались с бомбометания, повел эскадрилью на бреющем вдоль береговой черты, как бы не замечая нависших над нею каменных громад. Рисунок полета настойчиво повторял каждый изгиб берега, подобно горизонтали на крупномасштабной топографической карте. Над фонарями кабин, заслоняя свет, то и дело мелькали зубчатые скалы, внизу, едва не касаясь гребнями шасси, вздымались огромные волны. Вдобавок комэск устроил нам «качку», как бы имитируя в сильно увеличенном масштабе меняющийся рельеф моря, — то неожиданно взмывал на высоту двухсот метров, то резко бросал машину вниз…

После посадки построил нас на летном поле.

— Вот это, ребята, был первый наш настоящий полет. В бою он еще может быть осложнен огнем зениток и атаками истребителей противника!

С тех пор «настоящие» полеты стали для нас правилом. [26]

В августе на учении в районе озера Ханка эскадрилья получила задание обеспечить действия основных групп бомбардировщиков, уничтожив истребители «противника» на их аэродроме. Попович и штурман эскадрильи капитан Иошкин разработали план, исходя из приобретенных нами в последнее время навыков.

Над самыми вершинами сопок мы зашли в глубокий тыл «противника», развернулись на высоте десяти — пятнадцати метров над болотами и стали скрытно выходить на цель. Вдруг сильный удар потряс мою кабину. В лицо брызнули стекла, приборная доска выгнулась внутрь. Резко беру штурвал на себя, в голове нелепая мысль: "Зенитки…" Опомнившись, вызываю экипаж. Связи нет. Осматриваюсь, покачиваю машину с крыла на крыло — управление в порядке. Срабатывает пневмопочта, разворачиваю записку. "В кабину через пулеметную амбразуру влетела утка, — сообщает штурман Ваня Жихарев. — У меня все в порядке. Как у тебя?"

Когда вернулись на свой аэродром, вокруг нашего самолета собралась вся эскадрилья.

— С боевым крещением, ребята!

— С удачной охотой! Приглашайте на утятину!

"Охота" и в самом деле удалась, задание мы выполнили блестяще. Однако «настоящие» полеты над болотами и водоемами пришлось прекратить.

Во второй половине сентября проводилось учение с применением боевого оружия. Наш полк наносил удар по железнодорожному эшелону.

Четыре эскадрильи в воздухе. Первая отбомбилась с горизонтального полета с высоты двух тысяч метров. Цель накрыта, часть вагонов уничтожена. Затем зашли пикировщики. Особенно метко положило бомбы звено старшего лейтенанта Буркина. Руководивший учениями командующий Дальневосточным фронтом генерал-лейтенант Апанасенко объявил полку благодарность. Личный состав звена Буркина был награжден ценными подарками, сам командир золотыми часами.

В октябре Буркин улетел на фронт вместе с генералом Остряковым, который был назначен командующим военно-воздушными силами Черноморского флота. Вскоре оттуда же возвратились экипажи эскадрильи капитана Черняева: они передавали свои машины в один из черноморских полков. Ребята успели сделать по два-три боевых вылета. Капитан Черняев и его штурман старший лейтенант Стромский отличились и были награждены боевыми орденами. Нечего и говорить, с каким уважением мы глядели на них, слушали их рассказы о боевых делах авиаторов-черноморцев…

В ноябре наше звено было направлено на оперативную разведку. Экипажи Зубкова, Агафонова и мой перелетели на полевой аэродром, располагавшийся на берегу Японского моря, против пролива Лаперуза. Быстро обжили новое место, построили землянку, баню, оборудовали стоянки самолетов.

В полетах находились по десять — двенадцать часов в сутки. Добывали разведданные в Японском, Охотском морях, на Тихом океане. Сильно уставали. Отдыхая в перерыве между вылетами, пристрастились к рыбной ловле в стремительной горной реке. Недалеко от аэродрома располагался поселок гольдов. Мы очень сдружились с гостеприимными, добродушными жителями, ходили с ними на охоту.

8 декабря услышали по радио: Япония совершила внезапное нападение на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор. Вот когда вспомнились слова генерала Острякова, стало по-настоящему ясно, что мы находились здесь вовсе не зря…

С напряженным вниманием следили мы за ходом сражения под Москвой. Разумеется, были уверены в его исходе. И все же весть о разгроме ударных группировок врага вызвала бурную, ни с чем не сравнимую радость. Первая большая победа! Полный провал гитлеровского блицкрига…

В конце декабря нас отозвали в эскадрилью.

Как сейчас помню: утро 17 января сорок второго года. Мы готовились к очередному полету. Вдруг в землянку ворвался растрепанный, красный от возбуждения старший лейтенант Сидоров:

— Братцы, ура! Летим на фронт!

В первую секунду все застыли на своих местах. Потом вскочили, подхватили "Ура!", бросились обнимать и тискать друг друга. Сидорова выволокли из землянки, принялись качать до одурения…

На фронт! Завтра! Сколько об этом мечтали, завидовали отдельным счастливчикам, которым удавалось каким-то образом преодолеть преграды… И вот повезло сразу многим: согласно приказу, наиболее подготовленные экипажи торпедоносной авиации Тихоокеанского флота направлялись на усиление действующих флотов.

Все мигом отодвинулось в прошлое. Оборудование аэродромов, полеты на разведку, промерзшие землянки, круглосуточные дежурства, занятия от темна до темна, маленькие тыловые победы и неудачи…

Кому-то надо

Назавтра мы перелетели на основной аэродром, совершили по три полета на новом для нас модифицированном варианте бомбардировщика — ДБ-3ф, отрабатывая точность посадки.

Вечером девять отбывающих экипажей были собраны в штабе полка. Прибыли командир бригады, начальник политотдела. С напутственным словом выступил командир полка майор Ведмеденко:

— На каком бы фронте вы ни оказались, покажите, как умеют воевать тихоокеанцы!

Несмотря на позднее время, провожали нас всей полком.

И вот мы в поезде — едем на авиационный завод получать новые самолеты. Настроение отличное, шутки, взрывы смеха. Капитан Попович, перелистывая свежий журнал, встретил портрет Буденного.

— Вот, Славик, желаю тебе заслужить столько же наград, как у Семена Михайловича!

— Я разве против, — улыбнулся молоденький розовощекий лейтенант Балашов. — Орденов на всех хватит. Только бы вот до фронта добраться…

— Доберемся! Куда нам теперь, кроме фронта? Теперь-то уж можем считать себя там!

— Не говори «гоп»…

— Да ты что? Пессимист! Доморощенный скептик! — чуть не со злостью накинулись на него. — Сколько ждали, а он…

Славка не знал, куда деться. Никаким пессимистом он не был, просто так, от застенчивости сказал, отвести разговор от наград, о которых мечтал, конечно. Однако в последующие месяцы многим из нас пришлось вспомнить этот случайно возникший спор. Путь на фронт оказался действительно не таким скорым и легким. [29]

По прибытии на завод мы немедленно приступили к изучению маршрута предстоящего перелета — с востока на запад через всю страну. Но машин пришлось ждать. Завод жил до предела напряженной жизнью, фронт требовал самолетов, самолетов, самолетов… Рабочие сутками не выходили из цехов, выжимая из станков все, что было возможно.

Наконец настал и наш черед. Вылет назначен на восемь утра. Мороз — за тридцать. Мой техник Паша Овчинников с рассвета возился, заливая подогретое масло в баки, опробуя и прогревая моторы.

— Все готово, можно лететь, — встретил обычным докладом.

Через час наша девятка взяла курс на запад. Первую посадку произвели благополучно. Ночевали тут же на аэродроме, в нетопленом спортзале, спали на матах, не раздеваясь. Утром всех поднял бас Перегудова, оглушительно прогремевший в огромном пустом помещении:

— Вставайте, люди русские! Вставайте, люди добрые!

Эти слова из "Ивана Сусанина" в ту пору звучали как пламенный призыв.

Короткая подготовка, и снова в небо. На взлете Балашова постигла неудача: рано убрал шасси, самолет «просел» и зацепил винтами землю. Лопасти стали похожи на турецкие ятаганы. Слава не растерялся, каким-то образом умудрился набрать высоту и выдерживал место в строю. Иногда поднимал руки, тряс ими над головой, давая знать, каково ему лететь в трясущемся самолете. Самообладание Славки было достойно похвалы, но в общем-то радоваться было нечему: случись такое на фронте, и боевое задание было бы сорвано. Об этом мы прямо ему сказали после посадки на следующем аэродроме. Винты сменили, и группа продолжала свой путь.

В Красноярске, на гражданском аэродроме, потеряли несколько дней из-за непогоды.

В один из вечеров в комнату, где мы разместились, вбежал Гриша Асеев:

— Товарищи, пошли в клуб борьбу смотреть!

Через полчаса мы уже были в числе болельщиков. После показательных выступлений судья, очевидно, вздумал пошутить:

— А сейчас свободный номер. Кто из зрителей желает побороться со спортсменом?[30]

Наша компания оживилась. Все знали, что стрелок-радист Саша Быковец обладает недюжинной силой.

— Давай, давай, не стесняйся! — стали подталкивать его сперва в шутку, затем и всерьез.

Пока Александр облачался в борцовку, мы дали о нем необходимые сведения. Судья объявил публике, Быковец неуклюже, по-медвежьи вышел на ковер, по залу прокатился смешок.

— Смеется тот, кто смеется последним, — раздался голос из нашей компании.

Это подействовало, все притихли. На помост вышел соперник Саши, низенький крепыш. Быковец оглядел его и не тронулся с места.

— В чем дело? — опустил свисток судья.

— Не стоит, — пробасил Саша. — Больно он мал.

Зал разразился оглушительным хохотом.

— Но у него первый разряд, — попробовал урезонить судья новичка.

— Все равно… Давайте кого покрепче.

— Какой у вас вес?

Саша назвал.

— Зарывается, — забеспокоились в нашем ряду.

— Не волнуйтесь, Сашка знает, что делает, — поручился за друга стрелок-радист Асеев.

На ковер вышел высокий, крепкий спортсмен, с улыбкой протянул Быковцу руку. Прозвучал свисток, и схватка началась. Соперник попытался схватить Быковца за руки, тот отводил их в стороны. Тогда спортсмен обхватил его за корпус. Саша оторвал борца от себя, в свою очередь обхватил и высоко поднял в воздух. Зал загудел от восторга. Саша вопросительно смотрел на судью. Тот молчал. Не зная, что делать дальше, Быковец бережно опустил противника на ковер.

— Ну? Что я вам говорил? — захлебнулся от восторга Гриша Асеев.

Спортсмен моментально вскочил на ноги, снова кинулся к Быковцу. Саша жестом руки остановил его.

— В чем дело? — подошел судья,

— Хлипковат он, — невозмутимо объяснил Саша. — Давайте кого посильней…

Зал снова грохнул от смеха.

— Это у нас самый сильный, — растерянно развел руками судья.

— Тогда давайте двоих. [31]

— Нет таких правил…

— Ну тогда извините, — поклонился Саша и под аплодисменты и смех всего зала покинул сцену.

Гриша Асеев, казалось, был огорчен.

— Ты чего клоуна из себя строил? — встретил сердито друга, когда тот уселся в наш ряд.

Саша, по своему обыкновению, ответил не сразу. Лишь когда Гриша толкнул его в бок кулаком, пояснил:

— Клоуны, брат, сейчас самый полезный на сцене народ. А хвастаться силой… Паек-то у них не летный…

Все как-то притихли. И за весь вечер ни разу не помянули о победе нашего силача…

Рано утром мы уже были в воздухе. Внизу, насколько хватало глаз безбрежная, запорошенная снегом голубая сибирская тайга: ни дорог, ни поселков, ни огонька, ни дымка до самого горизонта. Через несколько часов прибыли на указанный аэродром. Но недосчитались одного самолета. Только через час

выяснили, что Сидоров произвел аварийную посадку на лед Иртыша. На его самолете ослаб хомут маслопровода левого бака, масло вытекло. Сидоров это заметил, но с посадкой не торопился, надеялся дотянуть. Но через полчаса начала быстро подниматься температура масла, рисковать было нельзя, летчик выключил мотор и сел на лед. Срочно была сформирована спасательная команда, и к вечеру Сидоров присоединился к группе.

На другой день на том же аэродроме мы наблюдали испытательные полеты нового бомбардировщика Ту-2. Радовались, что скоро машина поступит на вооружение. Это чувство еще с большей силой охватило нас через два дня, уже на Урале. Здесь наш комэск встретил старого друга, летчика-испытателя, который под большим секретом рассказал, что готовится к испытаниям первая машина с реактивным двигателем.

На всем пути мы видели, как на запад шли железнодорожные эшелоны с боевой техникой. Страна мобилизовала силы для отпора ненавистному врагу. Повсюду нам оказывали всяческую помощь, открывали "зеленую улицу".

2 марта наша девятка приземлилась на подмосковном аэродроме. За время долгого перелета мы очень сдружились, мечтали не разлучаться и дальше. Но судьба распорядилась [32] иначе. Приехал Попович, привез из штаба военно-воздушных сил ВМФ невеселые вести: эскадрилью разделили на две части. Шесть экипажей, в том числе и экипаж нашего комэска, направляли на Северный флот, а три — Косиченко, Перегудова и мой — на Черное море. Северянам мы завидовали, их было большинство и летели они в полк, которым командовал прославленный североморский ас Борис Феоктистович Сафонов. Мы попрощались, поклялись друг другу драться с врагом, не жалея сил.

Утром 7 марта наш новый флагманский штурман Карп Карпович Лобузов, заменивший улетевшего на Север Гавриила Иошкина, заверил, что, несмотря на плохую погоду, доведет звено "как по нитке".

— Ох, Карп, не порвалась бы твоя «нитка», — озабоченно оглядел небо Косиченко.

В середине пути пошел снег, резко понизилась облачность. Высота полета строго определена, ориентироваться трудно. Но Карп Карпович действительно не подвел, приземлились где надо, на указанном аэродроме недалеко от Саранска. В тот же вечер представились командиру запасного авиационного полка майору Христофору Александровичу Рождественскому. Тот расспросил нас о службе на Тихоокеанском флоте, уровне подготовки, общем

налете.

— Теперь отдыхайте. До завтра, — сказал на прощание.

И ничего о том, когда полетим на фронт, как мы ни наводили разговор на эту тему.

На другой день был объявлен приказ о назначении нас троих командирами звеньев в формируемый 35-й авиаполк.

— Ваша главная задача — сколотить настоящие, дружные боевые экипажи в своих звеньях, — добавил Рождественский.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — с тоской протянул Косиченко.

Утешало одно: узнали, что полк после сформирования поступит в распоряжение командования Северного флота. Таким образом, мы тоже попадем к сафоновцам. Командиром полка назначили майора Алексея Васильевича Крылова, нашего бывшего однополчанина, тихоокеанца, который отлично понимал наше состояние. Машин в полку было мало. И вот однажды на наш очередной вопрос, когда же наконец на фронт, Крылов сказал:

— Завтра приказано отправить шесть экипажей в Москву за самолетами.

В мой экипаж вошли штурман Владимир Ерастов, стрелок-радист Георгий Пешехонов, техник самолета Иван Варварычев. Ехали в "пятьсот веселом", как тогда именовали товарные составы, наскоро приспособленные для перевозки пассажиров. Нам повезло, в вагоне оказалась «буржуйка», и связка дров. Ночь кое-как перебились. С рассветом на одном из разъездов, где пропускали воинские эшелоны, сделали вылазку, выпросили у стрелочника пилу и топор и нарубили дров в соседней рощице.

— Теперь в Москву приедем боеспособными, — шутили ребята.

В Москве на Центральном аэродроме сразу же занялись приемкой машин. Увлеклись работой так, что даже не заметили подъехавшей «эмки». К самолету подошел человек в гражданском, в кепке и легком демисезонном пальто, среднего роста, серьезный, энергичный.

— Как дела?

— Нормально…

— Сейчас подъедет Коккинаки, облетывать ваши машины. Поторопитесь.

— Кто это? — спросил я местного механика, когда гражданский отошел.

— Ильюшин, Сергей Владимирович, — с удивлением поглядел на меня тот.

Я и раньше летал на машинах Ильюшина и всегда с

благодарностью думал об их создателе.

Наш техник доложил, что на одной из машин замечена трещина на раме хвостового колеса.

— Раму усилим, — сказал Ильюшин. — Предупредите об этом пилота.

Через несколько минут подъехал Владимир Константинович Коккинаки. Мы сразу узнали его. Выше среднего роста, подтянутый, широкоплечий, он приветливо поздоровался и тут же отошел с заводским техником. Не верилось, что этот человек, столько раз прославивший нашу авиацию, будет совершать облет обыкновенных серийных машин. Впрочем, почему обыкновенных? На этих машинах мы будем бить врага. И хотя конструкция давно проверенная — на самолетах ДБ-3ф летчики Краснознаменного Балтийского флота в первые дни войны наносили ночные удары по Берлину, — каждая машина [34] тщательно испытывается перед тем, как стать в боевой строй.

Коккинаки вырулил на старт и, несмотря на сильный боковой ветер, уверенно взлетел. Посадку произвел с недобором, плавно опустил хвост, когда самолет уже бежал по бетонке. Кто-то из ребят шутливо спросил:

— Что, она всегда так не добирается на три точки?

— Добирается, орлы, но у этой на раме заднего колеса трещина, или забыли?

Он улыбнулся, снял парашют и неторопливой походкой направился к следующему самолету.

Ожидая окончания проверки, мы наблюдали, как группа летчиков готовилась к первомайскому воздушному параду. Немного посовещавшись, они сомкнутым строем взлетели в небо и стали выполнять фигуры высшего пилотажа. Мы с восхищением следили за четкими, слаженными маневрами экзотически раскрашенных Як-1. Пятерка истребителей вертелась в воздухе, словно связанная шнурком…

Во второй половине дня на нескольких По-2 мы перелетели на аэродром Измайлово, где наши машины должны были переоборудоваться для подвески мин и торпед. Сразу стали знакомиться с подходами к аэродрому, изучать препятствия. Не успели обойти поле, как приземлился самолет с начальником штаба авиации ВМФ полковником Евгением Леонтьевичем Бартновским. Мы уже привыкли к неожиданным поворотам судьбы, но такого не могли себе и представить.

— Самолеты на Центральном аэродроме примут другие, а вам явиться в штаб за документами. Поедете на поезде получать машины на уже знакомом вам авиационном заводе.

Мы стояли ошеломленные. Вот-вот, казалось, осуществится

желанная мечта, и вдруг все рухнуло. Трудно передать, с каким настроением мы получали документы и продовольствие, садились в поезд. Только со временем, охладившись и поразмыслив, пришли к малоутешительному выводу: кому-то надо воевать, кому-то строить самолеты, а кому-то и перегонять их. Не всем же сразу на фронт. Командование рассудило здраво: опыт дальнего перелета мы имеем, трасса нам знакома. Так кого же, как не нас, и посылать? Словом, мы возвращались в глубокий тыл. Ехали быстро, на дорогах соблюдался твердый график движения. [35]

Горечь постепенно прошла, молодость взяла свое, мы развеселились. Душой группы был капитан Маркин. Он уже успел отличиться в боях, заслужить орден Красного Знамени. Веселый, находчивый, Маркин был незаменим при переговорах на продпунктах, при добывании «доппайка». Жора Пешехонов был неразлучен со своей трехрядкой. Коренастый, конопатый, с копной рыжих волос и веселыми голубыми глазами, он напоминал деревенского увальня из глубинки. Отлично пел, шутил, рассказывал забавные истории. Женщины, покидая вагон, приглашали:

— После победы приезжай к нам!

— Обязательно! — уверенно обещал он всем подряд и даже записывал названия многочисленных станций и полустанков.

Время пролетело быстро. Мы уже снова воспряли духом, однако, прибыв на завод, сразу поняли: здесь целая очередь таких, как мы. В ожидании машин занялись подготовкой новичков к перелету. Изучали маршрут, стокилометровую полосу вдоль него, ориентиры, посадочные площадки, типичные погодные условия…

Подходил к концу май. Сколько же можно ждать? С заводского аэродрома один за другим поднимались самолеты, а очередь продвигалась удручающе медленно. Наконец наступил и наш праздник. 2 июня шестерка ДБ-3ф взяла курс на запад. Сначала перелет проходил успешно, потом мы застряли. Только на шестые сутки погода позволила вылететь с аэродрома. В этот раз увидели Байкал во всей его красе: голубая, искрящаяся на солнце чаша в зеленой оправе тайги, разноцветные скалы, отраженные в зеркальной воде, серебряные ленты речек…

Следуем известным маршрутом. И вот, наконец, последний бросок с аэродрома на Урале. Летим на высоте восемьсот метров, погода прекрасная, настроение еще лучше. И вдруг я почувствовал неладное, показания приборов нормальные, но что-то мешает, тревожит…

Внимательно оглядевшись, заметил, что из-под правого

мотора выбивается пламя.

— Прикинь, где можно сесть, — как можно спокойнее попросил штурмана.

— До Казани час двадцать, — Володя Ерастов как будто ждал моего вопроса. — А сесть можно через несколько минут. [36]

Хорошо, что Урал остался позади. Снижаюсь, захожу на посадку. Вот когда пригодились уроки Поповича — приземляться на одном моторе.

— Молодец, командир! — слышу голос Володи.

Я и сам доволен: поле аэроклубовское, не разбежишься, машина остановилась в нескольких метрах от глубокой канавы, окаймляющей аэродром.

Нас окружили учлеты, наивные парнишки, каким и сам я был года три назад. Они с интересом осматривали наш самолет, а я в свою очередь не сводил глаз со старенького По-2, такого знакомого, близкого.

Оказалось, заело всасывающий клапан, выхлоп производился в карбюратор, мы были близки к серьезной аварии. Произвести ремонт без запасных частей невозможно. Дали телеграмму в Свердловск и в Москву. Через два дня прилетел Р-5 с необходимыми деталями. Техник Ваня Варварычев приложил все свое умение, и мы быстро закончили работу. Собрались улетать, но в баллонах не оказалось воздуха. На учебном аэродроме его тоже, конечно, не было. Что делать? И опять выручил Варварычев. Отыскал где-то старые амортизаторы и, привязав к ним по куску веревки, показал, как действовать. Оказалось, что и тяжелые боевые самолеты можно запускать стародедовским способом. Пригласили на помощь учлетов, произвели несколько пробных рывков. Через некоторое время удалось завести левый мотор. Проработав на нем несколько минут, я подкачал воздушную систему и запустил правый.

— По местам!

Ребята из аэроклуба машут руками, желают счастливого пути.

Выруливаю на край поля, начинаю разбег. Отрываюсь у самой кромки, перед невысоким леском, набираю высоту, ложусь на заданный курс. Вот и наш аэродром. Но в чем дело? Поле выглядит незнакомо безлюдным, стоянки пусты.

— Где самолеты? — спрыгнув с плоскости, спрашиваю встречающего нас техника.

— Полк улетел на Северный флот. Ваши ребята успели как раз к отлету…

Мы стояли без слов. Надо же, будто рок над нами…

— Ничего, мы их нагоним, — кое-как успокоил ребят.

Варварычев и Пешехонов остались готовить самолет, мы с

Ерастовым пошли доложить о прибытии старшему авиационному начальнику. В столовой за ужином, обсуждая дальнейшие действия, не заметили, как к нам подошел майор со звездой Героя на груди.

— Вы Минаков? Командир тридцать шестого авиационного полка Ефремов. Вы поступаете в мое распоряжение. Подготовьте машину, завтра летим в Майкоп.

Я попытался объяснить, что мы из авиационного полка Северного флота, но майор перебил:

— Приказ Москвы.

— Есть! — только и оставалось ответить. Вечером, укладываясь спать, спросил Ерастова:

— Как думаешь, Володя, что еще может нам приготовить судьба? Ну, например, на завтра.

— Кажется, больше нечего, — серьезно подумав, ответил штурман. — А впрочем… Давай-ка, Вася, лучше спать.

— Это, пожалуй, самое разумное, — согласился я, кутаясь в одеяло.

Утром вскочили и сразу к окну. Ура, небо без единого облачка! Ефремов оказал, что поведет самолет сам, я забрался в штурманскую кабину. Запустили моторы, майор резко увеличил обороты и начал разбег. Послышался характерный вой винтов, началась «раскрутка».

— Товарищ майор, затяжелите винты! — крикнул я по переговорному устройству.

Но в ту же секунду вой прекратился. Завидная реакция! Плавно оторвались от земли, взяли курс на Сталинград. Розовая полоска на востоке быстро разгорелась, вскоре запламенела половина небосклона, брызнули лучи. Утренняя Волга, легкий туман в затонах, устланные сочной зеленью берега…

— Возьми-ка управление, — вывел меня из мечтательного созерцания голос майора.

В кабине было жарко, Ефремов снял китель,

— Повесь, у тебя попросторней…

Китель был непривычно тяжеловат: Золотая Звезда Героя, орден Ленина, два Красного Знамени… Я уже знал, что Андрей Яковлевич воевал в 1-м гвардейской минно-торпедном полку на Балтике, был в числе тех смельчаков, которые в августе сорок первого бомбили Берлин…

Показался огромный город, раскинувшийся на десятки километров. Мы произвели посадку. Пока Ефремов уточнял обстановку, Ваня Варварычев подготовил самолет к вылету. Торопились, чтобы засветло добраться до Майкопа. Под крылом поплыли Донские и Сальские степи. Разве могли мы

предполагать, что вскоре в этих местах развернутся жесточайшие бои, а слово «Сталинград» облетит весь мир…

Майкопский аэродром появился неожиданно, из-за гор, покрытых густым темным лесом. На земле узнали, что здесь не «наши», наш полк в Белореченской, в двадцати километрах отсюда. Ефремов созвонился со штабом, дал мне команду перелететь в Белореченскую, а сам остался по делам у командира 5-го гвардейского авиаполка подполковника Токарева. Через полчаса я был на месте, доложил о прибытии своему новому командиру эскадрильи капитану Балину. Я знал его по службе на Дальнем Востоке: веселый, жизнерадостный человек, отличный летчик. Однако боевые будни заметно изменили его. Николай Андреевич стал более сдержанным, немногословным. Поздравил меня с назначением командиром звена, сразу ввел в курс дела.

— В полку в основном закончилось сколачивание экипажей, скоро приступаем к боевым действиям. Размещайтесь, устраивайтесь в станичной школе.

Ну вот наконец завершился наш долгий путь к фронту. Теперь-то уж до настоящих боевых дел остались считанные дни…

Новые однополчане

К самолету подошли трое.

— С благополучным прибытием! — протянул крепкую, шершавую ладонь дочерна загорелый воентехник 1 ранга. — Жданов, инженер эскадрильи. А это будущие члены вашего технического экипажа — авиамеханик Александр Загоскин, механик по вооружению Иван Моцаренко…

Через минуту компания увеличилась. Штурманы Прилуцкий, Никитин, Колесов с ходу захватили инициативу в беседе. Интерес их был понятен, не всем выдаются такие далекие перелеты, какой пришлось проделать нам. Расспросам не было конца: особенности трассы, прокладки курса, погодные условия, магнитные склонения… А нам не терпелось побольше узнать о нашем боевом полку, о том, когда он вступит в сражения…[39]

Первым спохватился Дмитрий Никитин:

— Хватит, хлопцы! Новичкам устраиваться надо. Поехали в станицу!

В кузове полуторки подкатили к Белореченской. Тихие улицы утопали в пышной зелени садов, возле плетней и во дворах кудахтали, крякали, гоготали разноголосые стаи домашней птицы, хрюкали свиньи, визжали поросята…

— Рай земной! — восхитился Володя Ерастов. — Земля обетованная!

— Бабье царство, — подмигнув, уточнил штурман Колесов.

— Вот же и говорю — рай!

— Как бы фашисты из этого рая ад не устроили, — охладил их восторги Никитин. — До фронта теперь уже рукой подать.

Все невольно примолкли, как бы вслушиваясь.

Грузовик подъезжал к «казарме» — станичной школе, где размещался летный состав. Друзья занялись устройством нашего быта: койки, матрацы, продаттестаты…

В «казарме» стало многолюдно, экипажи возвращались с занятий. Мы с интересом вглядывались в лица. Одно показалось очень знакомым. Виктор Беликов? Но — капитан, орден Красного Знамени… Старший брат его? Вроде бы не было у него брата-летчика. Значит, он, Виктор. Здорово изменился, но ошибиться невозможно, самый рослый курсант был в училище, остряки удивлялись, как он помещается в кабине самолета, предлагали проекты реконструкции, а он отшучивался с добродушием Гулливера. Теперь его никак не назовешь добряком: твердый взгляд из-под сдвинутых выгоревших бровей, крепкие, обветренные скулы…

— Беликов? Виктор?

— Хо!

Война застала его в Крыму. Воевал с первых дней, несколько раз ранен. Вспомнили однокашников, порадовались успехам живых, погрустили о погибших, их оказалось немало.

— Черт, скорей бы на боевое задание!

— Успеешь, еще навоюешься. Что толку — скорей! Воюют-то ведь уменьем. Угодить под зенитный снаряд или пулеметную очередь — не велика доблесть…

Наутро комэск Балин представил нас личному составу эскадрильи, зачитал приказ о назначении меня командиром звена, о составе экипажа. Штурманом ко мне был назначен младший лейтенант Никитин, стрелком-радистом сержант Панов, воздушным стрелком — младший сержант Лубинец.

Конечно, с Володей Ерастовым расставаться было жаль, но что делать, комэску лучше знать, кого назначить штурманом звена. Хорошо, что Никитин. Он понравился мне еще вчера, ладно сбитый, русоволосый, с бесхитростной, застенчивой ухмылкой. Сперва показалось, немного комик, однако ребята его уважали. Родом с Ярославщины, после сельхозтехникума по спецнабору поступил в летное училище. Начало войны встретил на Балтике, успел сделать несколько боевых вылетов, но после налета «мессеров» на аэродром оказался «безлошадником». Двадцать три года, женат, в Ленинграде остались жена и сестры…

Старшим по возрасту в экипаже был Николай Панов, невысокий крепыш с внимательным взглядом небольших серых глаз и неторопливыми, как бы нарочно замедленными движениями. За свои двадцать девять лет успел исколесить полстраны, работал радистом в Заполярье, в Сибири, в Закавказье, возглавлял высокогорную зимовку на Казбеке…

Плечистый здоровяк Алексей Лубинец, колхозник с Ростовщины, оказался моим ровесником — двадцать один год. Похоже, этот парень вообще не знал, что такое грусть или забота. Счастливый характер. Для мирной жизни особенно.

Как-то все мы проявим себя в боевых делах?

Однако до этого было еще далеко… Полк состоял из двух эскадрилий ДБ-3ф. Летный состав прибывал отовсюду. "Сто человек и сто одна форма одежды", — говорили шутники. Обстрелянных бойцов немного, большинство «безлошадники» из резерва, выпускники училищ, даже запасники. Лишь пять экипажей второй эскадрильи могли похвастаться боевым опытом. Перед командованием стояла трудная задача — в кратчайший срок сколотить экипажи, отработать взаимодействие в звеньях и эскадрильях, создать сплоченный боевой коллектив.

— Сегодня же беритесь за дело, — сказал комэск. — Познакомьтесь со звеном, изучите районы будущих действий. На днях слетаете по одному из маршрутов.

На третий день экипажу назначили учебный вылет: Белореченская — Армавир — Сальск — Ростов — Ейск — Темрюк — Анапа — Белореченская. Получив инструктаж, мы с Никитиным отправились на стоянку.

— Ого! — восхищенно хмыкнул Дима. — Поработали технари.

Действительно, нашу машину можно было узнать только по цифре семь на хвосте. Технический экипаж возглавлял мой старый знакомый Иван Варварычев. За двое суток он со своими помощниками сделал из самолета картинку!

— А это что за металлолом? — кивнул я на криво стоящую невдалеке машину.

— Это, командир, боевой Ил-2, - с уважением в голосе ответил Иван. Перед ним шапку снять не мешает…

Мы подошли ближе. В самом деле, рука невольно потянулась к пилотке. На самолете не было живого места. Все — фюзеляж, крылья, кабина, шасси, хвостовое оперение — было изрешечено пробоинами, винт скручен в спираль…

— И ведь сел! — после минутного молчания проговорил Панов.

— Воюют ребята… — Дима Никитин задумчиво поглядел в ту сторону, откуда прилетел этот «ил». — После войны вот такой памятник бы поставить штурмовикам…

Мы молча вернулись к своей машине, поднялись в воздух.

За Темрюком Лубинец заметил двух «мессершмиттов». Молодец! Самолеты противника шли намного выше нас, курсом на Керчь. Мы снизились до бреющего. В остальном полет прошел без приключений, по работе экипажа у меня замечаний не было.

Следующим был полет в Моздок — доставить к новому месту службы бывшего командира полка подполковника Бибу. Он выполнил свое задание, сформировал полк, передал его Ефремову. Теперь командование направляло опытного организатора на формирование новой авиационной части.

Для меня это был полет в прошлое. Внизу проплывали поля и сады Кубани, Ставрополья, места, где четыре года назад я впервые поднялся в воздух на стареньком аэроклубовом У-2…

А вот и родной город. Зеленые палисаднички, торопливо сбежавшиеся к железнодорожным путям домики. До боли в глазах всматриваюсь в них. Вот он, наш дом! [42] Там отец, мать… Я давно не писал, они даже не знают, что я здесь, на юге…

На обратном пути пролетел над родным домом на малой

высоте. Штурман по моей команде сбросил пакет с табаком для отца и весточкой. Сверху на пакете я крупными буквами вывел имя и фамилию отца. Пакет упал в соседний двор, где жила моя невеста Тамара. Она видела пронесшийся над самой крышей самолет и передала пакет моей матери. Обе решили, что мы сели в аэропорту, и бросились туда. Это я узнал из писем.

Мог ли я тогда предположить, что в это же лето, спустя полтора месяца, в мой город ворвутся фашисты…

Вернувшись, узнал, что ночью я буду летать с командиром полка. Ефремов проверил у меня технику пилотирования, после чего допустил к самостоятельным ночным полетам.

На другой день нашему звену предстояло совершить два учебных вылета.

Первый прошел благополучно, все элементы выполнялись четко. Мои ведомые, Сорокопудов и Щукин, правильно выдерживали дистанции и интервалы во время разворотов и перестроений, при противозенитном и противоистребительном маневрах…

Но второй полет окончился бедой.

Экипажи выполняли его в закрытых кабинах, вслепую, самолеты пилотировались по приборам. На маршруте машина Михаила Щукина вдруг стала резко терять высоту и перешла в штопор. Летчик вышел из пике в ста метрах от земли, но перевести самолет в горизонтальный полет уже не удалось. Младший лейтенант Щукин и штурман сержант Сабинов погибли. Спасся только стрелок-радист, младший сержант Васильев. Он успел выпрыгнуть с парашютом…

Горький, но поучительный урок.

— Полк не приступил к боевым действиям, а мы несем потери, — говорил на разборе Ефремов. — Пусть сегодняшний случай заставит каждого глубоко задуматься, тщательно проверить себя, как он готовится к предстоящим боям, в чем его слабость, чем надо еще овладеть в оставшиеся считанные дни…

Да, каждый день приближал нас к главному испытанию — испытанию огнем. [43]

Боевое крещение — не ритуал

К концу июня 1942 года сколачивание 36-го минно-торпедного авиаполка закончилось.

Обстановка на фронте накалялась с каждым днем. Под Севастополем шли тяжелые, кровопролитные бои, немецко-фашистские войска непрерывно штурмовали город. Его защитники проявляли чудеса героизма, отстаивая каждый клочок родной земли.

28 июня был получен первый долгожданный боевой приказ: нанести ночной бомбовый удар по торпедным катерам противника.

Для блокады Севастополя с моря противник создал подвижную группировку из итальянских торпедных катеров. Они действовали мобильно, производя неожиданные набеги на наши транспорты и корабли, обеспечивающие связь Севастополя с Большой землей. В тот день воздушная разведка обнаружила их в Ялте.

На задание вылетело пять экипажей, два из них — Осипова и Черемисова от нашей эскадрильи. В сумерках самолеты вырулили на старт и растворились в ночном небе. Ялта встретила их плотным заградительным огнем. Небо расцвело разрывами, трассы «эрликонов» яростно секли тьму. Прорезая огненный заслон, бомбардировщики трижды заходили на цель. В порту полыхнули взрывы, занялись пожары…

Возвращения группы ожидали в полку с нетерпением. Вот один за другим стали приземляться самолеты. Едва закончив пробег, отруливали в сторону, освобождая посадочную полосу. Второй, третий, четвертый… Ждали последнего, пятого. Ждали долго. Возвратившиеся ничего не знали о нем.

Утром на построении командир эскадрильи сообщил то, что уже всем было известно:

— Вчера с боевого задания не вернулся экипаж в составе командира звена лейтенанта Черемисова, штурмана старшего лейтенанта Туляшина, воздушного стрелка младшего сержанта Таранова и стрелка-радиста старшего краснофлотца Амельчакова. Поклянемся отомстить фашистским гадам за наших друзей!

…В ночь на 1 июля экипаж Осипова и мой подняли по тревоге. В штабе нас ждал командир полка. Он был [44] чем-то удручен, между бровей пролегла глубокая складка. С минуту помолчав, дрогнувшим голосом сказал:

— Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ об эвакуации войск из Севастополя…

Стало не по себе, сердце сжала тревога.

— Командующий военно-воздушными силами Черноморского флота, — продолжал между тем Ефремов, — поставил перед нами задачу: прикрыть от воздушных атак противника четыре тральщика, уходящих сегодня из порта. Поручаю это вам. На кораблях — дети, женщины, раненые. От вас зависит их спасение.

Начальник штаба полка Григорий Степанович Пересада ввел нас в обстановку в районе Севастополя и по курсу движения кораблей, указал их последнее местонахождение.

Выйдя из штаба, мы едва нашли в кромешной тьме нашу полуторку, на которой приехали сюда с аэродрома. Ошеломленные вестью о сдаче Севастополя, лишь по дороге задумались над вопросом, который должен был бы прийти на ум в штабе.

— Степан Михайлович, я не понимаю, как можно бомбардировщиками прикрыть корабли?

— Огнем из пулеметов… — нерешительно предположил Осипов. — А то и самим самолетом…

— Но мы же не истребители. Какая у нас маневренность, скорость?

— Не от хорошей же жизни нас посылают. Значит, другого выхода нет.

Помолчали.

— Вот что, Василий. Ходи на средних высотах и жди противника со стороны берега. Если первый увидишь, я приду на помощь. Меня прижмет — ты поможешь. Пусть радист постоянно работает на прием. Договорились?

На стоянке Варварычев едва не шепотом доложил о готовности самолета.

— Ты что, Иван?

— Ночь уж больно темнющая…

Да, ночка… Первый боевой вылет и в такой обстановке! Приходилось думать не о задании, а как взлететь. Примеры потери ориентиров в ночных условиях в полку уже были. Даже раньше, когда взлетная полоса освещалась…[45]

Никитин и Панов попросили разрешения опробовать пулеметы.

— Вы что? Грохот такой устроите, что и мертвых поднимете!

— Командир, иначе нельзя. Летим на прикрытие.

Никитин был прав. Снопы пулеметных трасс прорезали чернильную темноту, грохот потряс все вокруг. Спустя минуту из станицы донеслось пение всполошенных петухов.

Я прошел по рулежной полосе, присматриваясь к препятствиям, запоминая каждую ямку, выбоинку. Заняли места в

кабинах, запустили моторы, вырулили на старт. Перед глазами огоньки приборной доски, главное внимание на них. Форсирую моторы, беру направление на едва заметный сигнальный огонек на железнодорожной насыпи. Пошли, оторвались от земли. И то слава богу! Набираю высоту, ложусь на заданный курс.

В машине все молчат, нервы напряжены. Строгим голосом передаю по переговорному устройству:

— Только не спать! Не на посту находимся.

Рассмеялись. Слишком громко, правда. Шутка явно того не стоила. В районе Варениковской повернули к морю, над Анапой пересекли береговую черту.

Голос Панова:

— С земли нам уточняют координаты кораблей. Сейчас расшифрую.

Через минуту доложил координаты, курс, скорость.

— Димыч, — так в эскадрилье именовали Диму Никитина, — ну-ка прикинь, что у нас получается?

— Совпадает точка в точку!

— Молодчина, штурман!

На востоке прорезалась светлая полоска, она быстро расширялась. Вспыхнул первый луч солнца, море заиграло всеми красками радуги. Красота потрясающая! А еще полчаса назад летели, как над черной пропастью.

Вот они, тральщики! Заметили нас, открыли огонь. Покачиваю крыльями, штурман выстреливает ракету: свои! Но снаряды продолжают рваться прямо по курсу, пулеметные трассы окружают машину со всех сторон.

— Что они очумели, что ли?

— Психанули морячки, — поясняет Никитин. — Видно, чаще их сопровождают фашисты…

Решаю снизиться до пятидесяти метров, два раза прохожу вдоль бортов тральщиков, покачиваю крыльями. Наконец-то узнали! Набираю высоту две тысячи и занимаю позицию со стороны солнца.

Удлиненной «восьмеркой» летаю на дистанции трех километров от кораблей.

— Усилить наблюдение за воздухом!

Вскоре Панов доложил: ниже на двести метров курсом на тральщики летит Ю-88. Фашисты нас еще не видят. Разворачиваюсь и, снижаясь, иду наперерез.

— Приготовиться к открытию огня!

"Юнкерс" в перекрестиях прицелов. Секунды, и Никитин с Пановым нажмут на гашетки. Но враг заметил нас, с резким разворотом ушел мористей.

Атака фашиста сорвана, это хорошо. Но он только разведчик. Сейчас сообщит, прилетят другие. Правда, есть надежда, что он не успел распознать, что это за корабли. Тогда попытается повторить заход. Набираю высоту три тысячи, отхожу от кораблей до пяти километров.

Предположение подтвердилось, фашист вернулся. Его обнаружил Панов в пятистах метрах ниже нас. Опять снижаюсь, иду навстречу. Немцы видят нас, поворачивают стволы пулеметов в нашу сторону. Но с курса не сходят. К нашей машине тянутся пунктиры трассирующих очередей. Мы летим чуть ниже «юнкерса».

— Фашист открыл бомболюки! — докладывает Никитин.

Так можно и опоздать!

Первые трассы нашего ШКАСа прошли выше самолета противника. Фашисты продолжали яростно огрызаться. Следующая очередь Никитина чуть не задела «юнкерс». Ага, не выдержали, бомбы вывалились из люка. Увеличив скорость, враг отвернул и ушел в сторону берега.

Пронесло. Но надолго ли?

Через несколько минут стрелок-радист доложил:

— Командир, на востоке две точки!

— Внимательно наблюдать!

Ну вот. Не заставили себя ждать. Ничего не поделаешь, разворачиваемся им навстречу.

— Приготовиться к ведению огня!

— Командир, наши!

Бывают же в жизни такие минуты. Это ДБ-3ф 5-го гвардейского авиаполка пришли нам на смену. Взглянул на бензомер — горючего только до аэродрома. Тут лишь [47] и почувствовал, как одеревенело все тело. Во рту пересохло, давит в висках. Пять часов напряженного полета…

Передаем патрульную службу гвардейцам и поворачиваем домой.

Вот и берег. Из ослепительной голубизны моря и неба окунаемся в мрак низкой облачности. В открытые форточки кабины пахнуло сыростью, брызнуло мелким дождем. Но это не испортило настроения. Сколько раз потом приходилось возвращаться с самых ответственных заданий, но никогда эти желанные часы и минуты не были такими волнующими и радостными.

Нас встретил Варварычев, вскарабкался на крыло еще не остановившейся машины.

— Поздравляю! Как матчасть?

— Без замечаний!

Затем к самолету подкатила «эмка», из нее вышли Ефремов и Балин. Андрей Яковлевич выслушал доклад о выполнении боевого задания, пожал руку, поздравил.

— Ну, понял, Минаков, что боевое крещение — это не ритуал?

— Так точно, понял!

— Ну что ж, будем считать ваш экипаж в боевом строю.

В штабе наш вылет подробно разобрали. Вскрылись и некоторые ошибки, издалека они всегда виднее. Во время патрулирования мы слишком удалялись от кораблей; летать следовало ниже немецкого разведчика, чтобы дать возможность вести огонь по самолету противника не только штурману, но и стрелку-радисту…

По пути в столовую зашли в станичный буфет к дядюшке Арутюну.

При виде нас буфетчик преобразился, забегал, затараторил:

— Почему редко заходите, вай-вай!

— Мы, дядя Арутюн, только по праздникам…

— Значит, сегодня праздник?

— Еще и какой!

Хитрый дядюшка сразу все понял.

— Ба-алышой, ха-ароший праздник! Желаем побольше таких!

— Спасибо, дядя Арутюн, постараемся!

Таким остался в памяти день боевого крещения нашего экипажа. [48]

Сквозь огонь

Захватив Севастополь, фашисты намеревались использовать его порт как основную перевалочную базу для снабжения своих войск в Причерноморье. С целью воспрепятствовать этим планам нашему полку было приказано заминировать бухты Севастополя, внешний рейд и фарватер в направлении к Инкерманскому створу. Началась подготовка. Но обстановка менялась ежечасно. В середине дня 5 июля мы получили другую задачу: совместно с 40-м бомбардировочным и 5-м гвардейским минно-торпедным авиаполками нанести удар по Ливадии. Стали снимать с самолетов мины и подвешивать бомбы.

— Жаль бомбить такой красивый дворец, — вздохнул Никитин. Исторический памятник…

— Значит, так надо, — без твердой уверенности рассудил Прилуцкий.

Пришел комэск и развеял все сомнения. В ливадийском дворце командование 11-й немецко-фашистской армии решило закатить банкет по случаю взятия Севастополя. Ожидалось прибытие высшего командования вермахта.

Мы подготовились, ждали сигнала. Оставляя за собой длинный хвост пыли, к взлетной полосе подкатила командирская «эмка». Из нее выскочил майор Пересада.

— Отставить вылет! Получено приказание адмирала Исакова: ночью срочно заминировать подходы к порту и бухты Севастополя.

— А как же с банкетом?

— Удар по Ливадии нанесут сороковой и пятый…

Ну и денек! Снова закипела работа по замене бомб на мины. Бомбы оставили только на двух машинах, которые должны были имитировать удар по Севастополю, чтобы отвлечь противника от операции по минированию.

Еще засветло тяжело нагруженные машины стали отрываться от земли. Осипов и Казанчук сделали пять заходов на город. Лучи десятков прожекторов кромсали небо, зенитки захлебывались огнем. В это время основная группа наших самолетов сбрасывала мины с малой высоты. Боевое задание было выполнено, обманный маневр удался. Однако не обошлось без потерь. На аэродром не вернулся заместитель командира второй эскадрильи старший лейтенант Кузьмин со своим экипажем.

О бомбоударе по Ливадии мы узнали на том же разборе. Дворец не пострадал. Случилось так, что ведущий штурман спутал ливадийский дворец с соседним зданием и группа

отбомбилась по нему. Фашистские генералы и офицеры к этому моменту находились уже в парке, где продолжали свой банкет. По воле случая бомбы легли как раз куда надо. Об этом эпизоде упоминает в своих мемуарах гитлеровский генерал-фельдмаршал Манштейн, который присутствовал на том горьком веселье:

"…Несколько советских самолетов, прилетевших с Кавказа, угостили нас бомбами…"

Но это стало известно уже после войны. А в тот момент наши соседи остро переживали свою неудачу.

Затяжка с открытием второго фронта позволила Гитлеру к концу июня 1942 года сосредоточить на юге нашей страны более 90 дивизий. Сильная группировка противника 7 июля прорвала оборону наших войск на воронежском направлении. Главный удар наносился на Кантемировку и далее в направлении большой излучины Дона. 10 июля 17-я полевая армия немцев перешла в наступление западнее Ростова-на-Дону против войск Южного фронта. Неся огромные потери, противник рвался к воротам Северного Кавказа — Ростову. В порту Мариуполь гитлеровцы сосредоточивали силы и средства для высадки десанта на восточное побережье Азовского моря.

11 июля полк получил приказ: мощным ударом по мариупольскому порту уничтожить плавсредства противника. День стоял знойный. Обливаясь потом под раскаленными плоскостями самолетов, мы принялись подвешивать сотки, двухсотпятидесятикилограммовые и полутонные бомбы. Кроме нас в боевых действиях должно было участвовать несколько групп от 5-го гвардейского и 40-го полков. Для непосредственного прикрытия выделялось одиннадцать истребителей 62-го истребительного авиаполка, а для подавления истребительной авиации противника в районе удара 5-я воздушная армия выделяла двадцать Як-1.

Майор Ефремов приказал командирам эскадрилий проиграть весь полет от начала до конца методом "пеший по-летному". Построившись поэкипажно в боевые порядки групп, мы на земле отработали все элементы: выруливание, взлет, сбор в районе аэродрома, полет по маршруту, [50] встречу с истребителями прикрытия, выход на цель, противоистребительный и противозенитный маневры, боевой курс, удар, отход от цели, возвращение на аэродром, порядок посадки.

С экипажами побеседовал комиссар эскадрильи старший политрук Николай Григорьевич Ермак. Ознакомил с общей обстановкой на фронтах, положением на нашем участке.

— Не только у нас, на всем протяжении огромного фронта идут ожесточенные бои. Положение критическое. Необходимо

сделать все возможное и невозможное, чтобы сорвать замыслы противника!

Вылет в этот день не состоялся, был перенесен на следующее утро.

На рассвете мы были на аэродроме. Мой ведомый Василий Сорокопудов возился в своей кабине.

— Как, тезка, самочувствие?

— Откровенно говоря, не очень… Не хватает привычки, что ли…

— Помни, нас много! Истребители прикрывают. Однако и сам не плошай!

— Постараюсь, командир!

Утро выдалось великолепное. Небо чистое, поле залитое солнцем, сверкало тысячами капель росы. Пьянящий аромат не заглушался и парами бензина. Жизнь…

— А твое как самочувствие, Димыч?

— Люблю я летом с удочкой над речкою сидеть. Травы богатые нынче!

— Да, сейчас бы с косой пройтись, — подхватил Панов.

Мечты оборвала ракета. Варварычев помог запустить моторы, спрыгнув на землю, крикнул:

— Командир, не забудь у цели открыть баллоны с нейтральным газом!

Впереди выруливает Балин, сзади — Сорокопудов. Балин взлетел. Ефремов махнул белым флажком: сигнал мне. Набираю скорость, с трудом поднимаю хвост: машина загружена до предела. Убираю шасси, сближаюсь с ведущим. Вскоре вся группа в сборе. Балин впереди, в правом пеленге я, Сорокопудов и замыкающий — Осипов. В левом — Андреев, Литвяков, Артюков. Набрали высоту три тысячи метров, идем курсом на север. Слева Азовское море, впереди Ейский полуостров. На аэродроме на полуострове — пыльные полоски: взлетают истребители прикрытия. Над Должанской косой разворачиваемся влево. Рядом с нашей группой — пятерка майора Стародуба, затем две группы Пе-2 и СБ. За ними девятка ДБ-3ф из 5 ГАП во главе с подполковником Токаревым.

До цели еще оставалось километров пятьдесят, а по всему небу уже расцветали шапки разрывов. Нас ждали. И чем ближе группы подходили к Мариуполю, тем плотнее становился зенитный огонь. Тысячи черных клубков, разноцветных линий преграждали путь. Мы продолжали идти своим курсом. Близкие разрывы заставляют инстинктивно втягивать голову в плечи, кланяться им, хоть, разумеется, и понимаешь, что это не поможет. Машина вздрагивает, тоже как живая. До боли в руках сжимаю

штурвал, чтобы удержать курс. Но вот кабина наполнилась сладковатым запахом от сработавших пиропатронов: штурман сбросил бомбы. А я даже и не заметил этого, настолько был занят борьбой с самим собой и с машиной. Вот что значит первый раз на боевой бомбежке!

Ведущий начал выполнять противозенитный маневр. Стараюсь не отставать от него. Разрывы остаются в стороне: вражеским зенитчикам трудно вносить поправки, когда самолет уходит с угловым перемещением. Окидываю взглядом порт, вижу много пожаров.

— У порта падает горящий самолет! — докладывает Панов. — Мористее еще один.

Зенитный огонь постепенно ослабевает.

— Как легли бомбы?

— Вдоль пристани, на плавсредства, — отвечает Димыч. — Нормально, командир!

Лубинец увидел «мессершмитт». Он шел ниже нас метрах в пятистах, догоняя группу Стародуба. В атаку вышел снизу. Но тут же на него навалились наши истребители…

— Командир! Снизу нас атакуют два «мессера»!

Затрещали пулеметы. Огонь по истребителям ведут все стрелки группы. Невольно прижимаюсь к бронеспинке, хотя это опять-таки не спасение от снарядов истребителей. Первая пулеметно-пушечная очередь проходит сквозь наш строй в десяти — пятнадцати метрах от машины комэска, вторая — еще ближе.

— Гады, бьют по ведущему!

Но в это время на «мессера» свалились «яки». Очевидно, они ждали врага сверху, со стороны солнца, а фашисты, использовав дымку над морем, зашли снизу. [52]

Над Ейским полуостровом распрощались с истребителями прикрытия, они ушли на свой аэродром. Вскоре и мы дома. На земле нас встречает весь технический состав, помогает снять парашюты.

— Как удар?

— Проявим пленку — увидите!

После доклада комэску попадаем "на допрос" к разведчику полка капитану Рябчикову:

— Сколько заметили зенитных батарей? Откуда велся огонь? Сколько истребителей вас атаковало? Какие? Направление атак? С какой дистанции открывали огонь?..

Жданов доложил комэску результаты осмотра самолетов. Все имели пробоины. У нас две. Эскадрилья впервые вылетала на боевое задание в составе группы. Долгий, кропотливый труд не пропал даром. Отметив это, капитан Балин разобрал промахи:

— Нечетко организовано наблюдение. Истребители противника были замечены поздно. Легко отделались. Бдительность всего экипажа от взлета до посадки и по всему воздушному пространству — вот вывод!

— А почему мы не применили противоистребительный маневр?

— Побоялся, что строй распадется, а одиночки — легкая добыча для «мессеров». Думаю, напрасно боялся, все держались молодцами!

Утро следующего дня выдалось ясное. И настроение было приподнятое. Вскоре узнали результаты вчерашнего удара, в котором участвовало три полка бомбардировщиков и истребители прикрытия. По данным разведотдела Южного фронта и дешифровки фотоснимков, достигнуто прямое попадание в транспорт и мост, уничтожено несколько самоходных понтонов, три дальнобойных орудия, два прожектора, разрушены электростанция, судоремонтный завод, узел связи, сожжено сто пятьдесят железнодорожных вагонов, гараж с тридцатью автомашинами…

— Неплохое начало, — заключил комиссар полка. — Не зря мы готовились три с лишним месяца. Боевой счет открыт. Теперь задача, чтобы он рос с каждым днем!

В мое звено вместо погибшего Михаила Щукина назначили старшего сержанта Георгия Попова. Новичок рвался летать, но техника пилотирования, особенно по приборам, была у него еще невысока. Приходилось учиться в боевой обстановке. [53]

Экипажи уходят в ночь

Приступая к выполнению плана «Эдельвейс», немецкое командование намеревалось вначале окружить советские войска между реками Дон и Кубань. В директиве германского верховного командования № 45 от 23 июля 1942 года указывалось:

"Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении отошедших за Дон сил противника в районе южнее и юго-восточнее Ростова".

После выполнения этой задачи предполагалось одной группой войск захватить районы Новороссийска и Туапсе и, развивая наступление вдоль побережья Черного моря, выйти в Закавказье, другой, состоявшей в основном из танковых и моторизованных соединений, занять Грозный, Махачкалу и Баку. Кроме того, немецко-фашистское командование планировало двинуть часть сил в наступление через перевалы Главного Кавказского хребта на Тбилиси, Кутаиси и Сухуми.

Началась битва за Кавказ.

Командование ВВС Черноморского флота ставило полку ежедневно по нескольку боевых задач, то и дело перенацеливая нас с менее важных объектов на более важные. Обстановка на фронте менялась с каждым часом.

Ночью 25 июня бомбили скопление эшелонов на станции Керчь-2, а в полдень поступил приказ нанести удар по аэродрому противника в станице Таяршской, где, по данным разведки, базировалось сорок шесть бомбардировщиков противника, нацеленных на Сталинград.

Вылетели ночью. Расчет был прост: застать врага врасплох, на земле. На подходе к цели были встречены огнем трех зенитных батарей. Однако замысел удалось осуществить. Наши бомбардировщики оказались над целью как раз в тот момент, когда «юнкерсы» и «хейнкели» ползли к старту. Первые же бомбы, сброшенные экипажами Стародуба и Осипова, осветили аэродром пожарами. Это облегчило заход на цель остальным. Неожиданно огонь зениток прекратился. Как и следовало ожидать, на наши самолеты навалились патрулирующие истребители. Но было поздно. Все экипажи сумели сбросить бомбы и выйти из района атаки на малой высоте.

Таким образом, вылет фашистов на бомбежку Сталинграда не состоялся.

Юго-западнее Цимлянской противник навел переправу и готовился перебросить на левый берег Дона танки и [54] полк пехоты. 36-му авиаполку было приказано разрушить понтонный

мост и уничтожить переправляющиеся войска. К цели подошли ночью, неожиданно для врага, бомбили с малой высоты. Только после первых взрывов немцы открыли ураганный огонь. Но это уже не могло ничего изменить. Несколькими прямыми попаданиями переправа была уничтожена. От зенитного огня пострадал лишь самолет Виктора Беликова. Но и ему удалось дотянуть до аэродрома станицы Советской.

На следующее утро готовились бомбить плавсредства противника в Керчи, но задачу изменили. Полетели разрушать переправу у станицы Белая Калитва. После обеда летный состав был снова собран в штабе полка.

— Воздушной разведкой обнаружено на железнодорожной станции Керчь-два — до трехсот вагонов с живой силой и техникой противника. В районе мыса Сарыч четыре транспорта в сопровождении восьми торпедных катеров следуют курсом на восток. Нашему и сороковому авиаполкам приказано нанести удар по эшелонам, а пятому — торпедировать транспорты противника.

Начальник штаба закончил. Поднялся командир полка.

— Задача сложная, товарищи. Керчь прикрывается огнем двадцати пяти зенитных батарей. На аэродроме Багерово базируется шестьдесят истребителей противника. Прорваться через такой заслон трудно. Нужно выйти на цель внезапно, с ходу отбомбиться и с противозенитным маневром уйти из района атаки. Над целью находиться минимум времени. Успех зависит от быстроты…

До самого вечера мы проигрывали варианты предстоящего боя, прикидывали, откуда лучше выйти на цель, как быстрее отбомбиться и выскочить из огненного кольца. Выехали на аэродром, когда начало темнеть. Все молчали. Только неугомонный балагур Коля Маркин пытался ввести оживление. Однако и его шутки успеха не имели. Раздосадованный неудачей, он громко затянул "Распрягайте, хлопцы, коней…"

— Перестань, Николай, — недовольно попросил кто-то.

Маркин обиделся.

— Плохо пою, да? Или песня не та? Ну уж дудки, не дождетесь! Пусть фрицы себе похоронный марш играют, а мы… "И тот, кто с песней по жизни шага-ает…"

Несколько голосов подтянуло. Вскоре пели уже все. Когда допели, Маркин начал сначала:

— Хотите, ребята, поделюсь опытом, как лучше дырочки в гимнастерке проделывать для очередного ордена?

— Тебе проделают, — мрачно пообещал Вася Овсянников.

Однако настроение поднялось.

В полной темноте подъехали к летному полю. Варварычев доложил о готовности самолета. Включив карманные фонарики, начали осмотр. После проверки шасси, винтов, моторов, рулей я решил проверить подвеску бомб.

— Штурман, открой бомболюки! — крикнул в кабину.

Димыч ответил, что они открыты. Я осветил лучом створки бомболюков и ахнул. Они были наглухо прижаты планкой, которая закрывает на центральной балке нишу замка бомбодержателя. Не заметь я этого, бомбы могли упасть на люки, ветрянки — свернуться с взрывателей, и взрыва в воздухе нам бы не миновать.

— Ну и ну! — столпились все, глядя на растерявшегося молодого оружейника Моцаренко.

Однако долго рассуждать не приходилось. Уже взлетел Стародуб, за ним Гаврилов, Осипов, Балин — сильнейшая четверка полка. Горизонт не просматривается, закрыт плотной дымкой. Летим на высоте три двести, под нами море облаков.

— Сколько до цели?

— Двадцать пять минут, — отвечает Димыч.

— Определяйся точнее. Будем пробивать облачность и заходить на цель с высоты пятисот метров.

Штурман склонился над картой. После продолжительного молчания доложил, что через пять минут пройдем Таманский залив. До Керченского пролива летели за облаками. Но вот впереди замелькали лучи прожекторов — значит, над целью ясно.

— Под нами вода! — доложил Лубинец.

Кое-где уже сверкают разрывы зенитных снарядов, тьму прорезают фары носящихся истребителей противника.

— Следить за воздухом!

— Ложимся на боевой! — докладывает Димыч.

Приглушаю моторы, сбавляю газ. Хорошо видно, как на станции рвутся фугаски, полыхает ярко-багровое пламя. Первая четверка точно накрыла цель. Десятки кинжальных лучей шарят по небу, зенитки захлебываются огнем.

— Идем отлично, — докладывает штурман.

Резкая вспышка ударяет в глаза — напоролись на луч прожектора. Но вот он скользнул выше, схватил другой самолет. На курсе, на курсе… Держаться на боевом курсе! Главная обязанность и главное качество летчика-бомбардировщика…

— Скоро сброс?

— Пошли, родимые! — слышится голос Димыча.

Наконец-то!

Теперь выбраться из опасной зоны. Резко разворачиваю машину, ныряю вниз. Рядом разрывается сразу несколько

снарядов, самолет начинает трясти. Вцепляюсь в штурвал, увеличиваю обороты, тряска становится легче. Никаких признаков аварии, ни огня, ни запаха дыма, бензина…

— Сзади истребитель! — докладывает Панов.

Надо уходить в облака. Отжимаю штурвал, самолет послушен. Выхожу из облачности на высоте девятьсот метров в районе Краснодара. Пробую еще раз увеличить обороты правого мотора — самолет трясется, как в лихорадке. Внизу распластался луч посадочного прожектора на аэродроме Елизаветинская. С полосы то и дело срываются СБ, тоже уходят на Керчь. Решаю сесть.

Посоветовавшись с местным техником, откладываю осмотр самолета до рассвета. Панов и Лубинец остаются охранять машину, мы с Никитиным направляемся к оперативному дежурному. Словоохотливый старший лейтенант встречает вопросом:

— Как огонек над Керчью?

— Приличный.

— Я вчера был там. Точно сбесились, гады! Прожектора, зенитки, истребители… Не беспокойтесь, ребята, все будет сделано, в полк сообщу. Заваливайтесь в соседней комнате.

Через три часа нас растолкал техник.

— Вынужденные, вставайте!

Панов, Лубинец и аэродромные техники уже возились в моторе.

— Ну, что там?

— Мелочь! Дырочка в капоте, командир! — весело кричит Лубинец. [57]

Дырка небольшая, сантиметров пять в диаметре.

— И это все?

— Пробита проводка к свечам и всасывающий патрубок, — дополняет Лубинца техник. — Еще бы одна подобная «мелочь», и наше знакомство могло не состояться…

Через час мы уже в окружении друзей. Узнаем, что Балин тоже совершил вынужденную на аэродроме станицы Советской, недалеко от Армавира. Вскоре возвратившийся комэск собрал нас, предоставил слово своему штурману Кочергину. Тот рассказал, что, уходя от атак вражеского истребителя, за курсом не следил, потерял ориентировку после выхода на побережье Азовского моря. Выскочили к реке Лабе, приняли ее за Белую и только потом разобрались, что ушли в противоположную сторону…

Мы ожидали, что комэск в пух разнесет штурмана, но Балин, усмехнувшись, прервал его:

— Хватит самокритики, флаг-штурман. Учиться надо, братцы! И у своих и у врага, на хорошем и на плохом опыте. Иногда отрицательный пример дает больше, чем положительный.

На том и закончил разбор. Балина все мы успели полюбить. Именно за ненавязчивость. Умел он как-то особенно коротко и просто довести до сознания любую правду, заставить нас взглянуть на нее собственными глазами.

Под руководством таких наставников, как майор Ефремов, капитан Балин, мы и доучивались в боях.

"Порядок, командир!"

Во второй половине дня 26 июля нас, как обычно, собрали в штабе. Командир полка скупо подвел итог:

— Ночью поработали неплохо. Отмечено три сильных взрыва, несколько больших пожаров. Надо полагать, что эти эшелоны врагу уже не послужат. Дневная аэрофотосъемка подтвердила: сгоревшие цистерны, разбитые вагоны, развалины станции. Транспортов на воде не обнаружили, торпеды сброшены по запасной цели — порту Феодосия.

Затем кратко ввел в обстановку, поставил очередную задачу. Положение на фронтах еще более обострилось. Оставлен Ростов-на-Дону. Гитлеровцы рвутся на Кавказ.

Одна из группировок противника наступает в направлении реки Маныч, на Сальск, другая — из Батайска на Краснодар. Командование немецко-фашистских войск стремится к Волге, отрезать Москву от южных районов страны, добраться до кавказской нефти. Сегодня ночью полку приказано нанести удар по скоплению вражеских войск на станции Тацинская. Запасная цель — переправа через Дон у станицы Белая Калитва. Три первых самолета наносят удар зажигательными бомбами, остальные — фугасками. Боевой порядок: первым взлетает сам комполка, затем Осипов, Стародуб, Беликов. Экипажу Беликова получить и сбросить двадцать две тысячи листовок.

Штурман Беликова, Василий Овсянников, не выдержал:

— Товарищ майор! Не листовками, а бомбами надо их! Прошу разрешения принять дополнительный боезапас.

— Добавьте, — разрешил Ефремов. — За счет топлива. Но листовки взять все! Это приказ.

Подготовив машину, мы отправились в курилку. Вскоре появился адъютант эскадрильи Григорьев:

— Летчикам и штурманам по самолетам! Изменение в задании: вместо Тацинской удар нанести по переправе у Цимлянской. Все остальное остается в силе. Обращаю внимание: цель ленточная, расчет должен быть ювелирным.

Мы подошли к своей «семерке».

— Ну как, Димыч? Все сегодня зависит от тебя.

— Трудно перебить эту ниточку ночью…

— Нужно, Дима! Слышал обстановочку?

— Сделаю все, но, сам понимаешь, я не бог, законы рассеивания не в нашей власти.

— Сам не рассеивайся, тогда и законы тебе подчинятся!

С Димычем можно шутить.

Через несколько минут взлетаем. Вижу, как машина Ефремова резко снижается, делает два круга над аэродромом, крутой восходящей спиралью набирает высоту. Командир показывает, на что способен самолет с полной бомбовой нагрузкой. Урок для тех, кто впервые идет на задание.

Летим на высоте шестисот метров. В небе яркая, полная луна, видимость отличная. Внизу речки Фарс, Лаба, Синюха, железнодорожная линия Кропоткин — Армавир, [59] Сальские степи. Кое-где мерцают цепочки осторожных огоньков — передвигаются войска. Определить чьи — невозможно.

— Командир, под нами река Сал. Как будем заходить на переправу?

— Сначала найдем ее!

Командую Лубинцу и Панову усилить наблюдение за воздухом. Иду параллельно реке. Луна хорошо освещает берег. Где-то здесь, среди рукавов и петель Дона, наша цель.

— Впереди пожар! Наши сбросили зажигалки, — докладывает Димыч.

— Смотри! Это они проложили створ на цель. Развернувшись, набираю высоту, чтобы подойти к переправе с приглушенными моторами.

— На прямой! Так держать! — корректирует штурман.

Держу. Нос самолета — на центр еще невидимой переправы. Прилагаю все свое умение, чтобы выдержать точный курс и постоянную скорость.

Немцы заметили нас. С земли несутся вереницы разноцветных светлячков. Снижаемся стремительно, и это сбивает наводку вражеских зенитчиков.

— Горизонт! — командует Димыч. — Два градуса влево! Так держать! Бросаю!

И через секунду, разочарованно:

— Проскочили! Повтори заход, командир!

— В чем дело?

— Ветер не учел. Все равно бы промазали!

Захожу второй раз.

— Сбрасывай половину! Посмотрим, как лягут.

Выхожу на прямую. Впереди на реке разрывы — кто-то из наших промазал.

— Боевой!

До боли в руках сжимаю штурвал. Лучи прожектора мечутся рядом с машиной, вот-вот нащупают, ослепят. Огненные шары «эрликонов», строчки пулеметных очередей… Сброс! Резко отворачиваю влево. Прожектора поймали летящий впереди самолет, весь огонь обрушился на него.

— Перелет метров тридцать! — докладывает Панов.

— Мазила! — в сердцах ругаю штурмана.

— Взаимно! Точнее держи курс и скорость. — За Димычем не пропадет.

Повторяю атаку, выход на цель. [60]

— Все поправки ввел? Последний заход! Постарайся, Дима!

Захожу издалека, чтобы дать штурману больше времени.

Слева на большой скорости прошел вражеский истребитель, огненные трассы протянулись к соседу. Вода у переправы кипит, как в котле, бомбы рвутся и слева и справа. Огонь сосредоточился на нас. Лучи прожекторов скрестились. Трассы пулеметов, «эрликонов»… Еще мгновение, и машину разнесет на куски…

Услышав долгожданное "Сброс!", резко снижаюсь и ухожу вдоль реки.

— Порядок, командир! — радостно орет Панов. — Влепили в самую точку!

— Может, так же, как вчера под Керчью?

— Нет, командир, — подтверждает и Лубинец. — Переправа раздвоилась, сам видел!

— Молодец, Димыч!

— Только что был мазила…

— Ладно, ладно, тоже мне девица. Как самочувствие?

— Мокрый я, командир, как мышь! Такую цель нужно фугасками, из кассет…

— Поговорим на разборе. Смотри, аэродром бы не проскочить, горючего в обрез.

Вскоре показался родной светомаяк. Пока Варварычев помогал мне снимать парашют, Саша Загоскин с фонариком успел осмотреть самолет.

— Здорово вас пощипали! Дырок полно в плоскостях, в фюзеляже…

— Это штурман помог фрицам сделать из нас решето.

Димыч добродушно отмахивается:

— Хватит, командир! У меня от этих заходов до сих пор штаны мокрые.

Теперь, когда все позади, можно и посмеяться. Но каждый в душе сделал для себя вывод: надо повышать мастерство, лучше готовить бой на земле. Небо над полем боя — не место для тренировок. То, что сегодня отделались пробоинами, — счастливая случайность.

— Не горюйте, братцы, — успокоил Варварычев. — Птичку мы к утру подлечим, перышки почистим. Но в будущем советую поменьше дырок привозить.

— Так без работы же, Иван, останешься, — обеспокоился

Панов. [61]

— Лучше я без работы, чем ты без головы, — резонно отпарировал техник.

В домике КП полка, за длинным столом начальник штаба майор Пересада, пыхтя трубкой, записывал в журнал доклады возвратившихся экипажей. После моего доклада Никитин добавил:

— Товарищ майор, запишите предложение. При выполнении подобной задачи, кроме фугасок, в бомболюках на внешней подвеске желательно иметь ротативно-рассеивающиеся бомбы.

— Завтра обсудим. Идите ужинайте!

Только теперь, когда спало напряжение, по-настоящему почувствовали, как устали. В столовой, несмотря на позднее время, нас ждали накрытые столы. Горками возвышались кубанские огурцы и помидоры. Лубинец восхищенно причмокнул:

— Молодцы, девочки, постарались! Под боевые сто грамм! А, штурман?

Никитин устало отмахнулся.

— Возьми и мои, я пить не буду.

— Ты чего? — всерьез обеспокоился я.

— Знаешь, Вася, никак не могу прийти в себя. Спать лучше пойду.

Назавтра новая задача.

Противник подтягивает войска и технику на Керченский полуостров — очевидно, с целью высадки десанта на Тамань. Полку приказано нанести ночной удар по железнодорожной станции Керчь, где скопилось много эшелонов.

Майор Ефремов начертил на классной доске схему боевого порядка, указал место каждого самолета в строю. Штурман полка капитан Тимохин проложил на карте маршрут со всеми необходимыми расчетами, ознакомил с результатами авиационной фоторазведки станции Керчь-2. Начальник разведки капитан Рябчиков доложил о противовоздушной обороне противника на Керченском полуострове. Капитан Виктор Беликов, которому не раз приходилось встречаться с вражескими истребителями, поделился опытом ухода от их атаки. Фашистские истребители применяли хитрый тактический прием. Ночью барражировали на подходах к охраняемым объектам с включенными бортовыми огнями. Наши принимали их за свои [62] самолеты, возвращающиеся с задания. Тогда-то они и заходили в атаку с нижней полусферы. Затем, выключив огни, повторно атаковали сверху.

— Нужна постоянная бдительность экипажа, особенно стрелков. При своевременном обнаружении заходящего в атаку

противника резкое маневрирование по курсу и высоте обеспечивает отрыв от него.

Затем начальник связи воентехник 1 ранга Чобанян ознакомил с системой опознавания и связи.

Тщательно готовился этот вылет, прошлые уроки пошли на пользу.

На аэродроме уже вовсю кипела работа: трещали храповики лебедок, повизгивали тросы и ролики, щелкали замки. Механики заправляли машины бензином, вооруженцы укладывали в ящики ленты с патронами. Со всех сторон доносилось: "Давай! Стоп! Поднатяни… Пошел!" Инженер по вооружению старший техник-лейтенант Иван Иванович Петухов, со слипшимися от жары волосами, в пилотке, сбитой на затылок, носился от самолета к самолету, контролировал, советовал, ругал…

— Все в порядке, командир! Птичка, как новенькая, — устало улыбаясь, доложил Варварычев.

После взлета берем курс на запад. Машина идет хорошо, словно замерла на месте, только монотонный гул моторов напоминает, что мы в полете. Глаза постепенно привыкают к темноте. Справа под крылом просматриваются серебристые излучины рек, темные провалы лесов. Вскоре внизу заблестела морская гладь: вышли к Керченскому проливу. Теперь главное — наблюдение за воздухом. Только собрался предупредить стрелков об этом, как услышал доклад Панова:

— Командир, слева пересекает курс самолет с включенными бортовыми огнями!

— Смотреть внимательнее! Без команды не стрелять!

На всякий случай сбавляю газ и доворачиваю в сторону неизвестного самолета, чтобы ему не было видно пламени из выхлопных патрубков.

— Двухкилевой, сто десятый! — уточняет Панов.

— Без команды не стрелять!

Пересекаем береговую черту.

— Димыч, цель видишь?

— Пока нет.

Впереди по курсу взрывы и пожары, видимо, наши работают.

— Доверни десять градусов влево. Так!

— Цель вижу! Боевой![63]

Входим в зону зенитного огня. Разрывы приближаются, охватывают самолет кольцом.

— Лубинец!

— Есть!

— Листовки!

— Готов!

— Пошел!

Шесть тысяч листовок белыми хлопьями разлетелись в воздухе. Никитин колдует над прицелом, что-то мешкает.

— Штурман, бомбы!

— Секундочку, командир… Доверни на градус вправо.

Я буквально глажу штурвал, чтобы не сбить самолет с курса. Самый ответственный и самый опасный момент: нельзя маневрировать, уклоняться от снарядов, курс и скорость должны быть неизменными, иначе промажем. Идеальные условия для прицельной стрельбы вражеских зенитчиков.

— Так… Еще немного влево… Хорошо! Залп! Машина вздрагивает. Сразу начинаю маневрировать между лучами прожекторов, вспышками разрывов.

— Как легли бомбы?

— Нормально, — скромно отвечает Димыч.

— Веселенькая ночь у фрицев! — смеется Панов. — Устроили им фейерверк!

Выходим из зоны огня, летим над берегом Азовского моря. Вдруг вижу: прямо на нас идет самолет с включенной фарой. Делаю разворот на девяносто градусов, убираю газ. «Мессер» проносится над нами. Быстро снижаюсь, возвращаюсь на свой курс.

На разборе обобщили опыт борьбы с истребителями противника, разобрали приемы уклонения от их атак. Бомбардировщик должен резко отвернуть с курса с потерей или с набором высоты. Успех зависит от своевременного обнаружения истребителей, точного определения момента их атаки. Эта задача возлагается в первую очередь на стрелков.

После разбора всех отпустили отдыхать. Захотелось побыть одному. Перешел железнодорожное полотно, направился к станице. В тени привокзальных тополей расположился маленький базарчик — на дощатых прилавках крынки с молоком, ряженкой, кучки огурцов, помидоров, [64] яблок. Закутанные в платки пожилые казачки лениво перебрасываются певучими фразами, отмахивают от своего нехитрого товара назойливых мух, не теряющих бодрости даже в такую жарищу.

В горле пересохло, но кроме меня покупателей было не видно. Должно быть, заметив мое замешательство, женщины закричали наперебой:

— Эй, морячок, молочка холодного!

— Ряженки, только из погреба!

Подошел к ближней, смущаясь взял протянутую пол-литровую кружку. Разглядел под платком темное, в белых морщинках вокруг добрых, невыцветших глаз лицо. Женщина

кивком провожала каждый мой торопливый глоток.

— Пей, сынок, пей! Не спеши, а то горло застудишь…

— Спасибо, — вынул десятку, протянул вместе с пустой кружкой.

— Не надо, не обижай! У самой сын на фронте, где и не знаю. Все вы теперь наши сыновья! Я тебя молочком попою, а твоя мать — моего, может, Леню… — Она поднесла к глазам уголок платка. — Лишь бы вражину остановить. Остановите, а, сынок?

В мокрых от слез глазах ее были страх и надежда.

— Остановим…

— Ну то и главное, ежели так.

— Так, мать, так!

— Хоть бы сюда не пришел, проклятый!

В станицу идти расхотелось, вернулся обратно к ребятам.

— Ты чего? — заботливо оглядел меня Димыч. — Вроде бы не в себе.

— Да так… Насчет задания не слышно?

— Пока нет. Ансамбль приехал!

— Какой ансамбль?

— Песни и пляски! Черноморского флота. Через полчаса начало, в железнодорожном клубе. Ботинки обмахни и айда!

— Чего-то не хочется. Лучше вздремну, наверно…

— Да ты что! В кои-то веки… Культурный отдых! Пошли, пошли, а то места все займут!..

По пути рассказал ему о базаре.

— Да… — вздохнул Димыч. — А что ты ей мог сказать? Ух! — стиснул вдруг зубы. — Ну и дадим им [65] ночью… Только бы цель подходящую, чтобы побольше накрыть!

В клубе свободных мест уже не было, устроились стоя, у входа. Концерт прошел с огромным успехом. «Катюшу» вместе с артистами пел весь зал…

Ни шагу назад!

Ранним утром 30 июля 1942 года полк построили на летном поле. Майор Ефремов зачитал приказ народного комиссара обороны № 227.

"Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности…"

Обнаженная правда создавшегося положения горечью и болью отозвалась в сердце каждого из нас. Разошлись молча. Только когда уже готовили машину к ночному вылету, Никитин признался:

— Знаешь, Вася, у меня мурашки по спине ползали, когда его читали…

— Не только у тебя…

Авиаразведка подтвердила предположение командования: противник готовился к высадке крупного десанта из Крыма на Таманский полуостров. Нам было приказано заминировать Керченский пролив и фарватер в направлении к порту Геническ.

Постановку мин производили скрытно. Самолеты выходили на минометание на высоте пятьдесят — сто метров, прожектора противника не успевали осветить район. Зенитный огонь гитлеровцы открывали, уже когда мы пролетали над Керченским полуостровом, возвращаясь обратно домой.

Не успели отдохнуть после ночного вылета, как вновь были вызваны на аэродром. Всем срочно подвешивали под фюзеляж сто- и двухсотпятидесятикилограммовые бомбы. Появился вечно озабоченный инженер по вооружению Петухов, приказал оружейникам ввернуть взрыватели с установкой на мгновенное действие.

Двенадцати самолетам во взаимодействии с тремя ДБ-3ф 5-го гвардейского авиаполка под прикрытием шести ЛаГГ-3 и четырех Як-1 было приказано уничтожить корабли противника в Двуякорной бухте у мыса Киик-Атлама. Запасная цель — плавсредства в порту Феодосия. Удар предполагалось нанести звеньями с высоты тысячи метров.

— Вопросы есть? — майор Пересада торопился.

— Состав плавсредств?

— Четыре тральщика, две быстроходные десантные баржи и мотоботы.

— Когда обнаружены?

— Вчера на восемнадцать ноль-ноль. Сейчас самолет-разведчик уточняет. Истребители прикрытия вылетят с берега. Встреча на кругу аэродрома. Готовьтесь, а я поехал в Белореченскую уточнять местонахождение целей.

Мы разработали боевой порядок вылета. В девятку эскадрильи Стародуба вошли три машины 5-го гвардейского авиаполка. Наша группа во главе с Балиным состояла из шести самолетов. Определили порядок захода на цель. Никитин предложил выходить боевым курсом вдоль восточной стороны мыса Киик-Атлама: легче будет ориентироваться. С ним согласились.

Рассчитали возможность встречи с истребителями противника. От Мысхако до цели летим напрямую. Фашисты смогут обнаружить нас за восемь — десять километров, то есть за две минуты до выхода на цель. «Мессеры» базируются в Багерово, от него до Киик-Атлама восемьдесят пять километров. Значит, лететь им по вызову нужно одиннадцать минут. На оповещение уйдет одна-две минуты, на взлет две, итого пятнадцать. Мы в это время будем уже в пятидесяти — шестидесяти километрах от вражеского берега.

— А если они дежурят на другом аэродроме?

— Тогда нас захватят над целью или на отходе после бомбометания. В любом случае — следи за воздухом.

На этот раз летели днем, стояла тридцатиградусная жара. Впереди шла девятка Стародуба, в пятистах метрах за ней — наша шестерка. Проплыли станицы Саратовская, Калужская. Хлеб уже убран, ровные ряды стогов уходят к горизонту. Над ним синие предгорья Кавказского хребта. Развернулись на Геленджик, набрали высоту, чтобы перевалить через прибрежные горы. Из-за [67] отрогов Мархотского хребта блеснуло море. Сверкающая лазурная чаша — бухта Геленджик. Справа — Мысхако.

— Со стороны берега к нам пристраиваются два «яка», — докладывает Панов.

К девятке Стародуба тоже прилепилась пара «ястребков». Слева этажеркой попарно повисли «лаги». Группа в сборе. Ведущий ложится на курс к Керченскому полуострову. Для скрытности снижаемся до шестисот метров. До цели двадцать километров. Истребители выписывают змейку за змейкой, зорко осматривая воздух. Небо пока чистое. Все четче вырисовывается крымский берег. Похожий на палец, вытянулся в море мыс Киик-Атлама. Вокруг впереди идущей девятки засверкали строчки «эрликонов»…

Стародуб сбрасывает бомбы. Пора и нам выходить на боевой курс. Но в Двуякорной не видно подходящих целей, одни катера и

мотоботы. Летим на Феодосию.

Девятка Стародуба, сделав свое дело, отвернула в море. Теперь весь шквал огня обрушился на нас. Трассы заполнили все пространство вокруг. От переплетения огненных шнуров «эрликонов» рябит в глазах. Начинает подташнивать — предел нервного напряжения. Изо всех сил сжимаю штурвал, чтобы не отвернуть в сторону из этого губительного пекла…

После войны часто приходилось слышать о знакомых фронтовиках: умер такой-то, тяжело болен другой, а совсем недавно их знали здоровыми, крепкими людьми! Я всегда вспоминаю при этом Феодосию. На сколько лет вперед расходуется нервная энергия в минуты, когда находишься на боевом курсе?

Бросаю взгляд на штурмана, инстинктивно ища опоры. Димыч прикован к прицелу, только слегка шевелятся губы. "Ну и огонек, ну и огонек…" — повторяю за ним и, кажется, немного успокаиваюсь.

В переговорном устройстве раздается голос Панова:

— Командир, зацепило! Пробит стабилизатор, сорвано несколько листов дюраля…

"Хоть бы не заклинило рули…"

— Понатыкали, гады, пушек! — в сердцах не выдерживает Панов. — Вот бы проутюжить их бомбами…

Никитин облегченно вздыхает:

— Пошли, родимые!

Наконец-то! Разворот в сторону моря — скорей вырваться из этого ада. Плавно вожу штурвалом, проверяю [68] рули. Машина управляется, все в порядке. Димыч улыбается, довольно потирает руки — накрыли транспорт. Через минуту тихо, вышли из зоны огня. Снижаемся до пятидесяти метров, для маскировки от вражеских истребителей. Постепенно нервы успокаиваются, появляется легкая слабость.

— Шикарный фейерверк устроили фрицы в нашу честь. Умеют встречать гостей! — восхищается с опозданием Лубинец.

— Ожил, Алеша! Здравствуй, — приветствует друга Панов. — Что-то не слышно было тебя давненько.

— Что было, то было, — неопределенно отвечает Лубинец. — У самого-то штаны в порядке?

Скрылся из виду крымский берег, впереди гористый кавказский пейзаж. Ведущий набирает высоту. Истребители сопровождения, помахав на прощанье крыльями, уходят в сторону своего аэродрома. Перевалив через прибрежные горы, снижаемся, идем на Белореченскую. С ходу произвожу посадку, осматриваю самолет. Страшно подумать, что можно лететь на такой машине.

Не обшивка — решето!

Подошел командир эскадрильи.

— Ну, как впечатление от курорта Феодосия?

— Не очень, знаете…

— Погода прохладная?

— Наоборот…

— Вот видишь, даже не знаешь, чем недоволен. Н-да, — оглядел самолет. — Матчасть, Минаков, не жалеешь.

Железный человек Балин. Охота ему еще и шутить…

На другой день принесли фотоснимки с результатами нашего удара. Сильно повреждены транспорт и самоходная баржа в порту, сожжен гараж, в Двуякорной бухте потоплено четыре катера. Закончив разбор, Андрей Яковлевич Ефремов поставил новую боевую задачу:

— Сегодня ночью совершаем налет на аэродромы Керчь-два и Багерово. В Багерово пятьдесят "сто десятых", в Керчи — двадцать пять транспортных машин и бомбардировщиков.

Вечером вылетели.

За Краснодаром отвесной стеной встала высокая облачность. Посоветовавшись со штурманом, решил подняться на четыре тысячи метров, чтобы выйти к цели [69] с приглушенными моторами. Как только вошли в облака, самолет начало трясти, бросать из стороны в сторону. С трудом удерживаю штурвал, его буквально вырывает из рук. Изредка вспыхивают зарницы молний.

— Попали в переплет, командир! — кричит Димыч. — Скорей выходи!

— Самолет светится! — докладывает Панов.

Действительно, зеленоватые змейки сбегают с фонаря кабины. Кроме того, началось обледенение крыльев — это уже совсем плохо. С опозданием осознаю опасность. Ясно, что совершил непростительную ошибку, надеясь пробить грозовые облака. Надо немедленно развернуться на обратный курс…

На счастье, обошлось благополучно. Через несколько минут беспорядочной тряски показались темные пятна «окон», мелькнул край луны. Руки тряслись, пот застилал глаза. Вспомнился случай, еще в аэроклубе, когда мы с Алефиренко попробовали проскочить облако…

— Что будем делать, командир? — спрашивает Димыч. — Есть моральное право вернуться в базу.

Конечно, основание есть. Но возвратиться с полным боекомплектом…

— Приготовить кислородные маски!

Облака перемахнули на большой высоте. Подошли к цели, но

ни прожекторов, ни заградительного огня. Внизу взрывы, пожары — наши уже поработали над Багеровом. И вдруг сразу со всех сторон — пунктиры «эрликонов».

— Гутен морген! — бодрится Лубинец.

— Не моргай сам-то! — сдерживает Панов.

Подходим к цели. По команде Димыча произвожу несколько доворотов. По левой плоскости скользнула трасса, другая. Пристрелялись

— Пошли!

Вслед за бомбами сбрасываем листовки.

— Почитывайте, не скучайте, — острит Лубинец. — До скорой встречи!

На аэродроме узнали: четыре экипажа возвратились благополучно, а самолет младшего лейтенанта Виктора Алексеева над Керченским проливом попал в зону грозовых облаков. Машину бросило вверх. Виктор предпринял отчаянную попытку удержать самолет от бешеного набора высоты, но безуспешно. Сделав горку, машина свалилась на крыло, начала падать. Летчик повис на привязных ремнях, оказался в состоянии невесомости. [70]

Напрягая все силы, пытался штурвалом вывести самолет из пикирования, но безуспешно. Последними усилиями добрался до триммера и на высоте триста метров над морем вывел самолет из пике. Во время падения из кабин выбросило штурмана капитана Михаила Захожего и стрелка младшего сержанта Арсентия Храбром [видимо, «Храброго», надо уточнить — *Прим. lenok555*]. Алексеев довел самолет до аэродрома. Взглянув на его машину, я обомлел. Как он смог дотянуть? Вся обшивка деформирована, нет ни одного стекла, крылья прогнулись назад, кусок штурманской кабины вырван…

Случай досадный: гроза унесла жизнь двух боевых товарищей…

3 августа мы собрались, как всегда, на дворе в ожидании машины на аэродром. Надо было спешить подготовить самолеты к ночному рейду.

Мимо школы проходили группы красноармейцев,

— Откуда топаете, орлы? — крикнул Лубинец.

Они угрюмо посмотрели на него, на меня.

— Дай, морячок, закурить, коли есть. Я достал пачку «Беломора».

Они нерешительно протянули черные от копоти и грязи руки.

— Живут же люди!

Боец отстегнул флягу, поднес к потрескавшийся губам. Капли воды, застревая в седой щетине, стекали по подбородку,

оставляли темные бороздки. Красноармеец вытер ладонью рот, протянул флягу товарищу.

— Спасибо, морячок, за «Беломор». Мирную жизнь вспомнил… Вот остановим фрица…

Положение на Северо-Кавказском фронте было критическим. Наши войска отошли за Кубань. Враг, не считаясь с потерями, изо всех сил рвался к Краснодару, Невинномысску, Ставрополю.

Ночью мы вылетали бомбить десантные средства противника, сосредоточенные в порту Мама-Русская, в сорока километрах западнее Керчи.

Ночь была темная, пилотировать приходитесь по приборам. Пролетая над кубанскими степями, видели много пожаров, вспышки разрывов, разноцветные всплески ракет. Здесь уже вовсю полыхала война.

Над Азовским морем машину снова поглотила непроглядная тьма. Только в штурманской кабине голубым светом мерцали циферблаты приборов. Ночью над морем молодые [71] неопытные летчики часто теряют пространственную ориентировку, принимают за небо воду с отражением звезд…

Нетерпеливый голос Никитина:

— Начинай разворот!

Энергично ввожу самолет в вираж.

— Ты мне свою технику пилотирования не показывай, — кричит Димыч. Доверни на тридцать градусов влево! Плавнее, плавнее… Так, так… еще немного… На боевом! Сброс!

Самолет осветился прожектором. Все внимание — на приборы. Лубинец посылает длинные очереди из люкового пулемета в основание луча. Прожектор гаснет.

— Серия легла нормально! — докладывает Панов. — Взрыв на барже, на берегу пожар…

К аэродрому подошли на рассвете, все вокруг было покрыто серым, зыбким туманом. При посадке заметил на летном поле несколько Ил-2 и «яков».

— Сегодня ночью на армавирский аэродром немцы высадили десант. Часть штурмовиков и истребителей перелетела к нам, — пояснил Варварычев.

К стоянке подъехал майор Пересада.

— Командир полка приказал немедленно готовиться к перебазированию. Вылет в девять ноль-ноль. Захватите штабное имущество.

"Эмка" рванулась и мгновенно растворилась в тумане.

Мы вернемся, Белореченская!

С нелегкой душой добрались до станицы. Мысль, что вскоре враг вступит в ставшую для нас родной Белореченскую, болью отзывалась в сердце. На улицах было тихо, казалось, они вымерли. В голове не укладывалось, что в эти опрятные, белые хаты, в тенистые сады с ветками, гнущимися от тяжести яблок, вступит кованый фашистский сапог, что под этим небом будут раздаваться вопли перепившихся грабителей в серо-зеленых мундирах. За завтраком кусок не лез в горло. Выйдя из столовой, услышали в одном из соседних дворов горькие рыдания. Приткнувшись головой к плетню, плакала молоденькая девушка. Похоже, нездешняя, одета по-городскому. [72]

— Что случилось, сестренка? — положил ей руку на плечо Никитин.

Девчонка сквозь слезы взглянула на нас и снова уткнула лицо в ладони.

С трудом узнали, в чем дело.

Оказывается, она учительница из Нефтегорска, приехала погостить к тетке. Собралась обратно, а через мост не пускают, переправляют войска.

— А сюда придут фашисты. А я не местная… Обязательно привяжутся…

— Что же делать, а, Вася? — Димыч смотрел виновато. — Может, возьмем дивчину с собой?

Я с опозданием дернул его за рукав: "С ума спятил, что ли?"

— Сам знаешь, от нас не зависит…

Девушка услышала, зарыдала еще сильней. Черт бы побрал этого Димыча!

— Ну вот что, — решился наконец я. — Мы сейчас попробуем, спросим… Если что, пришлем машину. Договорились?

Она недоверчиво кивнула, в глазах на секунду мелькнула надежда.

Начальник штаба второпях даже не понял нас.

— Какая девушка? Твоя? А ты, Минаков, знаешь, что у тебя машина перегружена?

— Знаю. Но не моя девушка.

— Его? — кивнул на Димыча.

— Ничья. Застряла тут, боится немцев, есть основания…

— Ну вот. Всех ведь не возьмешь?

— Но этой уже обещали.

— Обещали? А кто разрешал обещать? — И вдруг махнул

рукой. — Бери, коли взлететь сумеешь. Не сумеешь — останешься сам тут расхлебывать…

Я моментально разыскал Лубинца.

— Дуй на «санитарке» в станицу за учительницей. Скажи, начштаба приказал… Четвертая хата от столовой!

Мы поспешили к самолету. От машины тянуло, как от печки. Обливаясь потом, проверили крепление грузов, прикинули центровку. С нами летело двое офицеров штаба.

Вскоре, волоча за собой клубы пыли, подкатила «санитарка». Из кабины выскочила наша новая знакомая с [73] едва просохшими от слез глазами, за ней улыбающийся Лубинец с корзинкой, полной крупных румяных яблок.

— Угощайтесь! Калым!

Корзинка мигом опустела.

— По местам!

Запустив моторы, выруливаю в самый конец аэродрома, чтобы хватило запаса полосы. После удлиненного разбега самолет нехотя отрывается от земли. Делаю круг, беру курс на Адлер.

— Прощай, Белореченская! — с невольным тяжелым вздохом восклицает Лубинец.

Панов недовольно поправляет товарища:

— Не прощай, Алешка, а до свидания!

В самолете наступила долгая пауза. Под крылом тянулись холмы, постепенно переходящие в горы. Над Туапсе развернулись, полетели вдоль побережья. Над зеленью парков, над светлыми зданиями санаториев, домов отдыха. Теперь здесь госпитали. Вместо беззаботного говора, шуток, смеха стоны раненых, сигналы воздушных тревог…

Лазаревская, Сочи, Хоста, Адлер. Вот и наш небольшой аэродром. Делаю круг, знакомлюсь с подходами. Летное поле в долине, окруженной холмами, только со стороны моря можно подойти со снижением. Однако посадочный знак из белых полотнищ выложен по короткому старту. Значит, заход — со стороны солнца. Что ж, на Дальнем Востоке нам то и дело приходилось садиться на ограниченные площадки. Искусство заключается в том, чтобы прижаться к сопкам, скользить по их склонам, не увеличивая скорости. Захожу на посадку и вижу: самолет, коснувшийся земли за минуту передо мной, выкатился за кромку взлетной полосы, осел в овраг и стал на нос, высоко задрав хвост. Да, первое время многим придется трудно. Заруливаю к кукурузному полю, выключаю моторы. Наша пассажирка счастливо улыбается, благодарит. Она отправляется в Гагры к своим родственникам, приглашает нас в гости.

— Спасибо! — обещает за всех Лубинец. — Вот с фрицами малость разберемся, нагрянем всем экипажем!

Начали разгрузку. Подъехал Ефремов.

— Как с топливом?

— На четыре часа полета.

— Отлично! Быстрей разгружайтесь и по кабинам. Я за пилота, ты садись к стрелкам. Летим обратно в Белореченскую. [74] Там остался И-5. Его перегоню сюда, а вы возьмете запчасти с техбазы.

— А зачем нам это старье, И-5, товарищ майор?

— Пригодится. Пулеметы на нем стоят? Значит, будем на штурмовку ходить. Все, что может стрелять, должно сейчас стрелять по фашистам!

Залезая в кабину, обернулся, с досадой кивнул на хвост, торчащий из оврага.

— Видал, куда Пашуна занесло? Опытный летчик, был в Одессе и Севастополе…

— Знакомое дело.

— Не надо планировать на повышенной скорости…

Кроме машин нашего полка, на аэродроме находилось еще десятка три самолетов различных типов.

— Чьи это?

— Воздушной армии. Полки разные. Со всей Кубани слетелись…

Белореченский аэродром был непривычно пуст. Тишина. На том месте, где стоял И-5, - черное пятно. Истребитель поторопились сжечь, чтобы не достался врагу. Подвезли запчасти. Быстро загрузившись, мы вернулись в Адлер.

Ночь провели под машинами. Охраны аэродрома не было, службы тыла находились еще в пути. Нарвав кукурузных листьев, расстелили на них моторные чехлы, и постель готова. Распределив вахту, заснули крепким сном.

На другой день устроили стоянку для самолета, закатили его, замаскировали огромными лопухами, скрепив их шпагатом. Обед никто не подвозил, наварили молодой кукурузы, а на десерт нарвали фруктов. Все дни и ночи проводили у самолетов, используя вынужденную паузу для ремонта и проведения регламентных работ.

Однажды на аэродром прибыл начальник политотдела 63-й авиационной бригады полковой комиссар Соловьев. Осмотрел стоянки, поинтересовался настроением, проинформировал о положении на фронтах. На нетерпеливый вопрос, когда мы включимся в боевую работу, обещал:

— На днях, товарищи. Тылы еще не подтянулись. Автомобиль

— не самолет. Отдохните, приведите себя и матчасть в порядок, чтобы после сторицей отдать долг фашистам за потерянные дни.

Оказалось, что для нас готовится посадочная площадка где-то на мысе, а сюда перелетит 40-й авиаполк [75] из Елизаветинской: на краснодарском направлении тоже создалась тяжелая обстановка. Наш полк включен в состав 63-й авиационной бригады, в которую еще входят 5-й гвардейский и 40-й авиационные полки.

На четвертый день подвезли топливо, заправили самолеты, и мы перелетели на новый аэродром на песчаном мысе. Хотя взлетная полоса тут тоже была невелика, но подходы открыты с двух сторон. Самолеты укрыли под кронами гигантских деревьев, глядя с воздуха, нельзя было и предположить, что здесь разместился целый авиаполк. Все уже было подготовлено для непосредственной боевой работы.

Утром передали приказание всем собраться у самолета комэска. Задание на вылет? Оказалось, не то: комиссар эскадрильи старший политрук Николай Григорьевич Ермак развернул газету "Красный черноморец":

— "…Родина переживает тяжелое время. Наступили решающие дни войны, решительные бои, от исхода которых зависит судьба нашего государства, судьба нашего народа… Оставляя на своем кровавом пути дымящиеся развалины… бандиты Гитлера рвутся очертя голову… Нависла реальная угроза над побережьем Азовского и Черного морей, на защите которых стоят черноморцы. Морякам Черноморского флота Родина дает строгий и властный приказ: не отступать ни на шаг, любой ценой держать свои позиции, защищать их во что бы то ни стало. Слушай, черноморец, этот приказ!"

Когда комиссар закончил, наступила мертвая тишина.

Комэск окинул взглядом суровые лица летчиков.

— Кажется, все ясно, друзья. Беспощадно истреблять фашистских гадов! Нет этим извергам места на нашей земле!

И, как назло, пошли грозовые дожди.

Ночью 41 августа Осипов вылетел на разведку погоды в район аэродрома Керчь-2, предполагаемого объекта удара. Но разыгравшаяся гроза над Керченским полуостровом вынудила его вернуться.

А с фронта приходили плохие вести. Оставлены Армавир, Невинномысск, Ставрополь, Майкоп, Краснодар… Больно было смотреть на товарищей, родные места которых оказывались под фашистской пятой. Наступил и в моей жизни черный день, оккупанты захватили Минеральные Воды. Что с родителями, с Тамарой? Как бы то ни было, нужно держать себя в руках, нужно!

[76]

"Ваш вопрос легче"

"Великое сидение" затянулось, погода испортилась окончательно. Каждое утро до боли в глазах всматриваемся в небо, отыскивая хоть какие-то признаки прояснения. Метеосводку ждем так же, как сообщение Совинформбюро. Ни то ни другое не радует. Пропал аппетит, сон стал беспокойным.

Однажды приснилось, что лечу на истребителе. Впереди промелькнул черный силуэт. «Мессер»! Врезаюсь с набором высоты в облака, вываливаюсь ему в хвост. Бью длинными очередями. Отвоевался гад! Ах, ты не один? Сейчас и второму устрою веселую жизнь! Вдруг гром, треск, самолет разваливается, лечу к земле. Дергаю за кольцо, с ужасом вспоминаю, как в училище парашют едва не подвел. Нет, на этот раз повезло. Приземляюсь в кустах, отстегиваю лямки — передо мной фашист, которого я только что сбил. И пошла свалка, то я на нем, то он на мне. Хочу крикнуть — не могу. Он мне в горло вцепился, я ему…

— Ты что, одурел? — отталкивает меня в подбородок ладонью Димыч. Задушить же мог сонного!

— Чепуха какая-то… Нервы…

— К доктору сходи!

— Ладно, не обижайся. А доктор для нас один — летная погода.

Взглянув на друга, невольно расхохотался. Димыч, помятый, взъерошенный, смотрел на меня. Убедившись, что я не свихнулся, расхохотался тоже.

Натянув брюки, я сунул босые ноги в ботинки, вышел на крыльцо. Ночь была тихая, звездная, с моря тянуло приятной свежестью. В голове прояснилось, нервы успокоились. Постепенно в душу вливалось что-то новое, радостное. Звезды! Только сейчас и понял — небо же прояснилось, черт побери!

На другой день, 17 августа, дали «добро» на полеты.

И вот первая боевая задача.

— Противник пятым армейским корпусом наступает на станицу Крымская. Нам приказано воспрепятствовать продвижению его танков и автомашин по маршруту Краснодар — Георгиевск — Афипская. Боевой порядок — три девятки. Первая — шесть самолетов пятого гвардейского авиаполка и звено нашего полка: Балин, Осипов, Минаков. Ведущий — командир эскадрильи майор Минчугов. [77]

Вторая девятка целиком от нашего полка. Ведущий — майор Стародуб. Третья группа — сорокового полка. Предупреждаю: внимательно следить за воздухом, истребителей прикрытия не

будет.

Ефремов закончил, скомандовал "По местам!". День солнечный, жаркий, напитавшаяся влагой земля дымится. Комбинезон хоть выжимай, из-под шлема стекают капли. Скорей бы в воздух, там прохладней.

— Ракета! — докладывает Димыч.

Наше звено взлетает первым. Над аэродромом — шестерка гвардейцев. Балин делает разворот, пристраивается к ним в правый пеленг. Ложимся на курс, набираем высоту две тысячи. За Туапсе землю скрывает сплошная облачность. Потом внезапно обрывается, и мы видим темную ленту дороги.

— Вон они, голубчики, — сквозь зубы цедит Никитин.

По команде ведущего перестраиваемся в боевой порядок — «змейку» — для индивидуального бомбометания. Разворачиваемся вдоль дороги. На земле вспыхивают взрывы, вверх тянутся черные дымные столбы.

— Колонну атакуют наши истребители! — поясняет Панов.

В самом деле, далеко внизу снуют маленькие юркие И-15 и И-16. (После узнали: истребители морской авиационной группы Новороссийского оборонительного района, которой командовал известный в морской авиации генерал Павел Павлович Квадэ.)

На дороге образовалась пробка, началась паника.

— Молодцы «ишачки»! Теперь мы их доделаем, — довольно потирает руки Димыч.

Появились первые разрывы зенитных снарядов. Когда легли на боевой курс, нас уже огородил частокол трасс. У Димыча напряженное, взмокшее лицо. Но вот он нажал кнопку, рванул рукоятку аварийного сброса.

— Накрыли! — в один голос воскликнули Лубинец и Панов.

И тут же:

— Командир! Слева, наперерез — группа «мессеров»!

— Доложи ведущему!

Уходим в облачность. «Мессершмитты» проскакивают, не заметив нас.

Группа Стародуба подошла к цели под самой кромкой облаков, машины резко выделялись на их фоне. Вся мощь [78] зенитного огня обрушилась на них. Группа пробилась сквозь заградогонь, отбомбилась. Но тут появились «мессеры». Отбиваясь прицельным огнем, не нарушив строя, девятка крыло в крыло ушла к линии фронта.

Дома, после проявления пленки, узнали: наша девятка уничтожила четырнадцать автомашин и тягачей, вторая — восемь автомашин и несколько танков. С нашей стороны потерь не было, если не считать повреждений, довольно, впрочем, значительных.

И снова полеты, полеты…

21 августа из Москвы прилетел военком Управления ВВС ВМФ дивизионный комиссар Владимир Алексеевич Алексеев. На встречу с ним на нашем излюбленном месте под "табачным навесом" собрался весь полк. Чисто выбритый, в безукоризненно пригнанной, отутюженной форме, дивкомиссар говорил спокойно, неторопливо, каждым словом внушая уверенность в несомненных и скорых переменах к лучшему. Со всей беспощадностью проанализировал причины неудач на юге, рассказал о мерах, принимаемых Верховным Главнокомандованием, посвятил нас, насколько это было возможно, в планы готовящегося контрнаступления.

Затем завязалась живая, непринужденная беседа. Комиссару задавали десятки самых различных вопросов, он отвечал терпеливо и откровенно.

— Товарищ дивизионный комиссар, — обратился один из летчиков, — у нас многие сделали более чем по семьдесят боевых вылетов. По положению должны присвоить звание Героя. Почему не присваивают?

Алексеев подумал, вспоминая о чем-то своем.

— В Севастополе, — сказал тихо, — в госпитале, в подвале, мне тоже задали трудный вопрос… Матрос один, весь израненный. "Почему, — говорит, — лишаете меня права умереть вместе с друзьями на Малаховом кургане, в бою? Почему эвакуируете на Большую землю?" Ваш вопрос легче. Сами сказали — многие. Героизм стал массовым, и в этом залог нашей победы. Приходится выбирать героев из героев. Думаю, обижаться на это не стоит. Вот начнем наступать, будут и награды. Думаю, зачтется и то, что сейчас не зачлось. Согласитесь, не очень-то ловко отступающих награждать. А отступать с наградами — и тем более. — Комиссар переждал нерешительные смешки, [79] выдержал небольшую паузу. — Бейте, товарищи, врага еще крепче. А Родина не забудет ваших подвигов и заслуг!

Вскоре после этого к нам в полк назначили нового военкома — батальонного комиссара Алексея Карповича Свиногеева. С его появлением партийно-политическая работа заметно оживилась. Особое внимание стало уделяться обобщению и распространению боевого опыта лучших воинов. Новый комиссар постоянно находился среди личного состава, знал его чаяния, настроения. Теплое слово в нужную минуту, дельный ненавязчивый совет помогали людям одолевать трудности, быстрее овладевать новыми приемами боя.

"Мессер" пошел вниз

Шли ожесточенные бои на новороссийском направлении. 22 августа немецко-фашистским войскам удалось захватить станицу Неберджаевскую и железнодорожную станцию Нижне-Баканскую. Гитлеровское командование стало спешно сосредоточивать силы для решающего прорыва к Новороссийску.

24 августа день выдался жаркий, в голубом небе ни облачка.

Майор Ефремов объявил приказ:

— Нанести удар по скоплению противника в северной части Неберджаевской. Первую девятку ведет Стародуб, вторую — Балин. Я лечу со второй группой. Действуем совместно с пятым гвардейским и сороковым авиаполками. Противник усилил противовоздушную оборону, над районом сосредоточения его сил дежурят истребители…

Это был уже третий боевой вылет за сегодняшний день. Первые два оказались результативными, однако и мы потеряли один самолет.

Сложность бомбежки механизированных колонн на марше заключалась в том, что от момента их обнаружения до нанесения удара иногда проходило до двух-трех часов. За это время противник успевал не только значительно передвинуться, но и порой изменить направление марша. Его приходилось искать. А значит, и прежде времени обнаруживать себя. Это значительно снижало эффективность ударов: колонны успевали рассредоточиться, живая сила — рассеяться и укрыться. [80]

Однако на этот раз повезло. Подлетаем к Неберджаевской — на дорогах пусто. Присматриваюсь к местности. Вдруг вижу: вся северная окраина станицы — обочины дороги, колхозный сад, дворы — сплошь забита техникой и пехотой. Даю целеуказание, девятка выстраивается «змейкой». Димыч прилип к переднему блистеру кабины, напряженно следит за ведущим: как только бомбы оторвутся от его фюзеляжа, мы начнем сбрасывать свои. Справа от меня сквозь плотный заградительный огонь уверенно летит Сорокопудов. Выдержка железная! Машина идет, как по струне. Вот ведущий открыл люки, небольшой доворот…

— На боевом! — командует штурман.

Бомбардировщики летят среди ураганного огня. Вижу, как от машин Балина и Сорокопудова отделились весомые черные капли. Наша очередь…

— Пошли, родимые! — ласково шепчет Димыч.

Бросаю беглый взгляд вниз: дымные кусты распускаются именно там, у дороги, в саду, у стогов и навесов…

Вдруг слышу дробь своих пулеметов. Инстинктивно прижимаюсь к машине комэска. В шлемофоне торжествующий голос:

— Ага, с-собака… Пошел вниз, с дымком…

— Что там, Панов? Доложите!

— Падает фриц, товарищ командир! Все, взорвался!

— Доложи толком, черт тебя подери!

— Звено "сто десятых" подкралось…

— Почему вовремя не доложили?

— Заметил уже на дистанции огня.

— Усилить внимание, атака может повториться!

Под "табачным навесом" собралась вся эскадрилья.

— Кто это, ребята, сегодня кокнул «мессера»?

— Вон именинник стоит, скромничает…

Стрелок-радист сержант Николай Панов сделался центром внимания всей эскадрильи. Смущенный, счастливый, он стоял в кругу воздушных стрелков, мотористов, техников и старался припомнить, как все произошло.

— Сам сначала ничего не понял… Когда наше звено легло на боевой курс, поменялся с Лубинцом местами, он залез в верхнюю турельную установку, а я лег на бронеплитку и приготовился фотографировать результаты бомбежки. [81] Вдруг вижу, нас догоняют четыре самолета, внизу… Присмотрелся — «мессеры». Пока я на них пялился, они развернулись и стали заходить в атаку. Я дернул за ногу Лубинца, показал. Даже забыл доложить командиру. Это теперь рассказывать долго, а тогда все в секунды… Смотрю, первый прямо на нас идет — метров пятьсот до него. Дал длинную очередь, он и ухом не повел. Тут Лубинец тоже… Но ему мешал хвост, не видно… А «мессер» уж рядом, черный, собака, закрыл все кольцо. Ну я скорей очередь, другую… Он и задымил, перевернулся через крыло и вниз…

— А остальные?

— Отвернули куда-то…

— Испугались! Качать его, братцы, ура!

Крепкие руки схватили Панова, подбросили метра на два.

— Стойте, укачаете… Может, сегодня еще лететь!

— Смотри ты, еще одного сбить хочет!

— В раж вошел парень, всех перещелкает.

— Мне оставь, Коля, хоть одного!

— Стойте, убьете… Да стойте же, черти, вон же майор…

Невдалеке в самом деле остановилась машина.

— Смотри ты! Первый увидел, с полета… Во глаз!

Панова опустили, подали ему пилотку. Командир полка подошел, крепко пожал ему руку.

— Молодец, сержант, поздравляю! Награда за мной. А вы очень его не качайте, ночью опять полетим.

— Он может и ночью, ему пустяк.

Командир полка обернулся к остряку.

— Он-то может, а вы?

Все расхохотались.

Ночью мы в четвертый раз отбомбились по Неберджаевской. Утром подвели итоги. На разборе присутствовал полковой комиссар Хахилев из политотдела бригады. Он рассказал о боевой работе летчиков-гвардейцев, наших соседей, с которыми мы взаимодействовали.

Накануне командир 5-го гвардейского авиаполка подполковник Николай Александрович Токарев дважды водил свои группы на Неберджаевскую. Во время вылета бомбардировщики были атакованы семью фашистскими истребителями. Тем не менее строем подошли к цели. [82]

Уже на боевом курсе у Токарева осколком снаряда пробило консольный бензобак. Загорелась плоскость. Командир продолжал идти на боевом, штурман майор Александр Толмачев сбросил бомбы точно по цели. После выполнения задания Токарев решил посадить горящий самолет на аэродром Мысхако. Но при заходе на полосу обнаружилось, что система выпуска шасси повреждена. Командир сумел посадить горящую машину на одно колесо. Пожар потушили. В тот же день произвели ремонт, и к вечеру самолет был на своем аэродроме.

В этом же бою проявил героизм экипаж командира звена капитана Бесова. Самолет был подбит истребителями противника, Бесов ранен в обе ноги. Штурман, капитан Крыхтин, тоже ранен в ногу, стрелок старший сержант Дробот — в живот. Истекая кровью, капитан довел поврежденную машину до своей территории, посадил в Геленджике.

Летчики слушали рассказ с напряженным вниманием. Когда Хахилев закончил, некоторое время длилось молчание.

— Передайте гвардейцам, — сказал затем Балин, — что могут смело летать с нами, мы не подведем! Но есть у нас просьба к командованию. Противник все плотнее прикрывает объекты истребителями, летать без сопровождения становится все труднее…

— Меры принимаются, — согласно кивнул комиссар. — Вчера командир бригады обращался к командующему ВВС Черноморского флота. Дано указание изыскать возможности обеспечения прикрытия бомбардировщиков истребителями.

На перекуре продолжали оживленно обсуждать рассказанные эпизоды.

— С нашим командиром полка тоже был случай, — вспомнил майор Пересада. — Еще на Балтике…

Попросили рассказать.

Это было летом сорок первого. Первый гвардейский авиаполк, в котором тогда служил Ефремов, вместе со всей авиацией Балтийского флота помогал сухопутным войскам сдерживать яростный натиск гитлеровской мотопехоты и танков, рвущихся к Ленинграду. В один из таких жарких дней Ефремов повел свою эскадрилью на уничтожение переправы. На пути к цели их атаковали «мессершмитты». Эскадрилья, сбив один Ме-109, всё же прорвалась к переправе и отбомбилась. Но машина Ефремова [83] получила серьезные повреждения, стала почти неуправляемой. Неимоверными усилиями летчику удалось дотянуть до своего аэродрома. По пути Андрей Яковлевич заметил, что один из самолетов его эскадрильи загорелся от очереди «мессера» и сел за линией фронта. Посадив свою машину, Ефремов вылетел на У-2 выручать друзей. Приземлился на изрытом воронками поле, на глазах у ошеломленных врагов перенес в самолет сильно обгоревшего летчика Селиверстова, раненого штурмана и стрелка-радиста с поломанными руками и ногами и улетел на свой аэродром…

Живы, черти!

Дни и ночи шло ожесточенное сражение за Новороссийск. Утром 25 августа стало известно, что 77-я стрелковая дивизия 47-й армии нанесла контрудар по противнику под Неберджаевской и захватила ряд господствующих высот южнее станицы. Немцы яростно сопротивлялись, подтягивая в район боев свежие части из резерва.

Мы с летчиком Сорокопудовым перебирали опыт предыдущих бомбежек, ломали голову, как результативней бомбить точечные цели — танки, автомашины, тягачи с орудиями…

— Мы бомбы сбрасываем сериями, так? — рассуждал Василий. — Поэтому главное — точнее учесть боковой снос, а по длине цель перекроется с лихвою!

— Да, точнее рассчитать поправку на ветер… Никитин со мной согласился.

— Кроме того, что-то в последнее время у стрелков не получается с фотосъемкой.

— Резкое маневрирование мешает. После сброса сразу начинаем вилять.

— Что ж, по-твоему, лежать на боевом курсе до тех пор, пока не отфотографируются?

— Этак нас самих сфотографируют, спустив на землю, — согласился Димыч.

— То-то и оно!

— Не беспокойтесь, товарищ командир, — решительно заявил Лубинец. Больше срыва фотографирования не будет!

— Откуда такая уверенность?[84]

Панов загадочно улыбнулся.

— Мы тут кой-что изобрели… Вот посмотрите…

Полезли в фюзеляж. «Изобретение» оказалось настолько же простым, насколько и остроумным. Через ручку перспективного фотоаппарата АФА-27 пропущена обыкновенная обструганная палка. На время фотографирования она устанавливается над люком так, чтобы концы упирались в обшивку фюзеляжа. Таким образом получается качающаяся система, позволяющая объективу удержать в поле зрения цель при резких уклонениях самолета от разрывов зенитных снарядов.

— Здорово придумано! — восхитились мы. — Молодцы, ребята!

Впоследствии это нехитрое устройство получило в полку всеобщее признание.

В тот день шестерка нашего полка совместно с группой

соседей наносила удар по северной окраине Неберджаевской. Для прикрытия было выделено девять И-16 с Мысхако: комиссар Хахилев слов на ветер не бросал.

Видимость была отличная. Истребители присоединились к нам в районе Геленджика. Сразу поднялось настроение, послышались шутки.

— Видал, Панов? У тебя хлеб отбивать прилетели!

— Ну да, им только пример подай… Да я все равно бы не стал здесь сбивать эту падаль.

— Что так? Настроения нет?

— Землю поганить жалко. Видишь, какие места? Отдыхал до войны тут однажды — сказка!

— Бережешь, значит, пляжик? Путевку, поди, заказал уж на после войны?

— Отставить курортное настроение! — вынужден был перебить я. — Надеть каски!

После того как осколком снаряда был убит командир эскадрильи Семенюк, командир бригады полковник Хатиашвили приказал брать с собой в боевые полеты армейские каски и надевать их перед выходом на цель.

За возвышенностью — знакомые контуры Неберджаевской. Ложимся на боевой курс, и сразу становится темновато от плотной завесы разрывов. Машину потряхивает, как на булыжной мостовой. Комэск обернулся, оглядел строй, поднял вверх большой палец — высший класс, так держать!

Легко сказать, снаряды рвутся рядом. И все-таки выдержка, выдержка, на то мы и бомбардировщики…[85]

Уф-ф! Из люков ведущего наконец-то повалились сотки. По запаху сработавших пиропатронов понял, что и Никитин начал сброс «багажа». И в этот-то миг резануло огненной вспышкой по глазам и — небытие. Когда очнулся, высотомер показывал четыреста. Машина пикировала, земля стремительно летела на нас. Меня оторвало от сиденья, повис на ремнях. Дотянулся до штурвала — машина не слушается рулей. Или они перебиты? Секунды, десятки метров… Земля летит навстречу со страшной быстротой. Левой рукой вращаю ручку триммера руля высоты, правой изо всех сил тяну штурвал на себя, упершись ногами в педали руля поворота. Кажется, реагирует. Да, машина чуть-чуть подняла нос. Вращаю, тяну… В тридцати метрах от земли меня вдавливает в сиденье, тело наливается свинцом. Не шевельнуть ни ногой, ни рукой, в висках боль, а в душе несказанное счастье. Неужели выкарабкались?.. Ну да, машина слушается, ура!

— Командир, что с тобой? — как с того света, голос Димыча.

— Жив, вот что! Живы мы все, черти!

В голове чугун, во рту пересохло, в ушах колокольный звон. Понемногу начинаю ориентироваться. Вокруг ни одной машины. Видимо, никто не успел заметить, как мы нырнули вниз. Или похоронили нас? Надо скорее уходить, пока не заметили фашисты. Добить поврежденный самолет — плевое дело.

Быстро разворачиваюсь, набираю высоту, беру курс в сторону Цемесской бухты. Теперь можно немного заняться собой. Только сейчас ощущаю острую боль в правой половине лица. Осторожно дотрагиваюсь до щеки — перчатка в крови. Пятна крови на комбинезоне, на спасательном жилете. Попробовал покрутить головой — ничего, сносно.

— Все в порядке, Димыч! Летим домой через Цемесскую. На какой высоте сбросил бомбы?

— Три тысячи двести.

Ого! Значит, прокувыркались три тысячи сто семьдесят. Пожалуй, рекорд для самолетов такого класса.

— Командир! Посмотри в зеркало!

— Уже полюбовался. Ничего страшного.

Справа, на уровне моей каски пробит фонарь кабины, на комбинезоне осколки плексигласа, сколько их в физиономии — посчитаем на земле. Ага, и стрелки очухались.

— Командир, отбомбились неплохо!

Это Панов.

— Из сада кучу дров сделали!

Лубинец.

Живы оба и, кажется, невредимы.

— Вообще-то на волоске висели… Думали, хана! Ведь даже с парашютом не успели бы выпрыгнуть. А вы что, не заметили?

— Некогда было, — кажется, не соврал Никитин. — Я сам пытался вывести самолет из падения…

Воспоминаниям предаваться было еще не время.

— Штурман, сколько до аэродрома?

— Двести шестьдесят километров!

Ничего себе. На высоте тысяча метров пересекаем Кабардинский перевал. Вдруг резкий рывок вырывает штурвал из рук. Мгновенно хватаю его. Самолет почти неуправляем, его качает на волнах по пятьсот — семьсот метров высотой. Пытаюсь парировать эти бешеные скачки рулем высоты и элеронами, не помогает. Штурвал то и дело вырывается из рук, приборы на доске сливаются в одну пестрящую массу, слышится треск и скрип всех частей самолета. Связи с экипажем нет. Через нижний вырез приборной доски вижу только штурмана, он катается по полу своей кабины, как безжизненный чурбак…

И тут вспоминаю географию, своего школьного учителя

Андриана Николаевича Бычкова, который рассказывал, что сила ветра в районе Новороссийска иногда достигает шестидесяти метров в секунду. Все ясно, мы попали в струйный поток северного ветра бора. Нужно набирать высоту. Увеличиваю обороты до предела. Две тысячи метров. Уже спокойней. Осмотрел крылья, прислушался к работе моторов. Обшивка цела, двигатели работают без перебоев. Еще раз повезло!

Димыч, морщась, добрался до своего кресла, привязался всеми ремнями. Я невольно рассмеялся.

— Ну что, будешь соблюдать инструкцию?

Димыч услышал, связь восстановилась. Заругался:

— С твоими шуточками. Все ребра пересчитал…

— До свадьбы заживет!

— Как раз тут до свадьбы…

У стрелков было еще хуже.

— Панов сильно разбился, — доложил Лубинец. — Встать не может. Выбросило из сиденья, ноги к затылку вывернуло…

— Привязываться надо! Спроси, может, из аптечки что-нибудь дать?[87]

— Спасибо, командир, говорит, дотерпит…

Только над мысом Идокопас бора совсем отпустила нас. Самолет пошел ровно, чутко реагируя на каждое движение штурвала.

— Всего тридцать километров пролетели, а показалось… Здесь совсем другой воздух! — ожил Никитин.

— Скажи спасибо Ильюшину, что такую крепкую машину создал!

— И родителей тоже за ребра не мешало бы поблагодарить.

В прочности, боевой устойчивости ильюшинских машин мы не в первый раз убеждались. Иногда ДБ-3ф возвращался с задания буквально на одном крыле, весь израненный, разбитый.

Опасаясь встречи с истребителями противника, отошли километров на тридцать мористее. Здесь, насколько хватало взгляда, простиралась безбрежная голубая даль. Никак не верилось, что в нескольких десятках километров свирепствует такая грозная стихия. Снимаю каску, кладу рядом с сиденьем и вдруг замечаю на ней вмятину величиной с голубиное яйцо. Так вот в чем дело! Ударом осколка меня оглушило, а брызгами плексигласа поранило лицо. Спрашиваю Никитина, что он видел.

— Только я сбросил бомбы, машина перешла в пике. Оглянулся — твоя голова на штурвале. Стал вставлять рукоятку, чтобы самому выровнять самолет. В это время ты пришел в себя. Дальше сам знаешь.

— До сих пор в голове гудит…

— Каске скажи спасибо, а то бы и не в чем было гудеть.

— Да, мудрый человек комбриг Хатиашвили! Лубинец, как Панов?

— Лежит и стонет.

— Передай, что через десять минут будем дома.

Показался мыс Пицунда. Произвожу посадку, заруливаю на стоянку, глушу моторы. Не успел сойти с плоскости, как появились Балин и Ермак.

— Что произошло? Рассказывайте!

— Срочно нужна «санитарка» — не мне, Панову.

Рассказал, что случилось. За Пановым пришла машина. Медсестра потребовала, чтобы я тоже отправился в санчасть. Кое-как отбился.

— В сорочке родился! — поздравил комэск, осмотрев каску. Как в песне: а до смерти четыре…[88]

— Сантиметра, — закончил Варварычев. — Возьмите, командир, на память, — подал найденный в кабине осколок.

Вместо Панова ко мне назначили стрелка-радиста Евгения Никифорова. Ничего вроде парень, подтянутый, по-сержантски молодцеватый. Димыч решил со своими помятыми ребрами к медикам не обращаться, а то, чего доброго, тоже отправят в лазарет.

До позднего вечера всем экипажем устраняли повреждения машины, готовясь к ночному вылету.

Хватило и на зенитки

Утром 26 августа мы готовили машину к новому боевому вылету. Прибежал посыльный: всему летному составу немедленно собраться на опушке рощи, у аэродрома. Вскоре туда подкатила «эмка». Начальник Управления ВВС Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Семен Федорович Жаворонков пригласил летчиков на беседу.

Генерал начал с того, что охарактеризовал обстановку на Северном, Балтийском и Черном морях, рассказал о работе морской авиации по поддержке боевых действий флотов и сухопутных войск.

— На всех флотах обстановка сложная. А у вас особенно жарко и в прямом и в переносном смысле. Гитлеровские войска рвутся к побережью Кавказа, любой ценой хотят захватить Новороссийск, Туапсе, прорваться в Закавказье, лишить нас бакинской нефти, перерезать коммуникации, проходящие через Иран и соединяющие нас с союзниками, и вынудить Турцию вступить в войну с нами. Вы представляете, какая огромная ответственность лежит на вас! Я познакомился с вашей боевой деятельностью. За успехи спасибо, но этого сегодня мало.

Мы удивленно переглянулись. Казалось, делали все, что могли.

— Можно изыскать возможности делать больше! — как бы угадал наш вопрос генерал. — Например, вылетая на боевые задания, вы берете полные баки топлива. А брать его надо в обрез, а за счет этого увеличить бомбовую нагрузку.

Он дал еще ряд советов и указаний, основанных на опыте боевых действий авиации разных флотов, рассказал [89] характерные эпизоды. Беседа становилась все более непринужденной.

— Что это у вас? — спросил генерал, обратив внимание на мою повязку.

Я коротко объяснил.

— Ну ничего, голову сберегли, а лицо… Вот и у меня тоже, — показал на свой шрам. — Тем не менее девушки вроде бы не шарахаются…

После его отъезда Ефремов проинструктировал нас насчет заправки и бомбовой загрузки. Напомнил об особенностях взлета на перегруженной машине.

— А сейчас по местам! Летим в район Нижне-Баканской.

К самолету я шел вместе со своим ведомым Васей Сорокопудовым.

— Перед тобой будут взлетать пять самолетов, — посоветовал ему. — Присмотрись, где они будут отрываться от полосы…

Василий кивнул. Он был угрюмоват, задумчив. Крепко досталось ему вчера, машина вернулась вся в пробоинах, стрелок-радист ранен. "Ничего, подумалось, — отойдет".

Небо перечертила зеленая ракета, взревели моторы. Тяжело нагруженные самолеты один за другим стали выруливать на старт. Разбегались, почти на самой границе аэродрома нехотя открывались от земли. Очередь «девятки» Сорокопудова, следом должен взлететь я. «Девятка» двинулась с места, стала набирать скорость. Кажется, медленнее, чем надо. Машина приближалась к концу взлетной полосы, хвост был поднят. Потом он снова опустился, самолет подпрыгнул несколько раз и вышел за границу аэродрома…

Ефремов взмахнул белым флажком, я взял разбег, поднялся. Мысль о неудаче Сорокопудова не оставляла меня до самого Геленджика. Что случилось? Неполадки в машине или ошибка пилота?

Размышления прервал доклад нового стрелка-радиста Никифорова:

— Справа по курсу шесть «яков»!

Наше прикрытие. Вскоре покажется Нижне-Баканская. Балин решил изменить направление захода на цель. Гитлеровцы привыкли, что мы появлялись с юга, а мы зашли на этот раз с запада. Расчет оправдался, отсюда нас не ждали. [90] Легли на боевой курс. Бомбы градом посыпались на скопление войск, на машины. Опомнившись, немцы открыли бешеный огонь. Шапки разрывов повисли чуть не на крыльях.

— Сейчас влепят… — не выдержал Лубинец.

Никифоров молчал, молодец парень. Неожиданно огонь поредел. Истребители противника? Но Лубинец, захлебываясь от радости, пояснил:

— Накрыли зенитные батареи фрицев!

Вот он, дополнительный запас бомб. Хватило и на зенитки.

Из рощи, как тараканы, в панике выползали автомашины. Точно определили скопление противника наши разведчики!

Над Геленджиком «яки» попрощались с нами. В голову снова вернулись мысли о Сорокопудове. До самого аэродрома терялся в догадках о возможной причине его неудачи.

Произведя посадку, еще из кабины увидел Василия, он был сконфужен, виновато улыбался. Не дожидаясь остановки винтов, я сбросил парашют, скатился с плоскости.

— Что произошло? Где остальные, члены экипажа?

Он будто не слышал вопроса.

— Ну? Что молчишь?

— Виноват, командир…

— В чем виноват? Экипаж цел?

— Живы все. Машину жаль…

— Причина?

— На большом шаге взлетал…

Я даже присел от неожиданности.

— Как это ты? Не новичок ведь!

Сорокопудов молчал, виновато опустив плечи. Тут только я увидел, как он устал за последние дни. Лихорадочно блестящие глаза, запавшие виски, черные тени под глазами…

Он взлетал на перегруженной машине с большим шагом лопастей винтов. Развернутые под большим углом, они на взлетном режиме захватывали много воздуха, но тяги, достаточной для достижения необходимой скорости для отрыва самолета от земли, не давали. Элементарная ошибка. Хорошо еще, что все обошлось сравнительно благополучно.

— Знаешь что? — решил я. — Иди отдыхай. Я сам [91] обо всем доложу, как надо. Слышишь? Чтоб я тебя здесь не видел!

Второй вылет в этот день мы совершили на Неберджаевскую. Этот район стал самым опасным. Гитлеровцы усилили его прикрытие семью зенитными батареями и многочисленными «эрликонами», в воздухе постоянно патрулировали «мессеры». Нужно было менять тактику. Решили нанести внезапный удар с малых высот. Группу вновь повел наш комэск Николай Андреевич Балин — бесстрашный летчик высокого класса. Мы восхищались его неутомимостью. По два-три раза в день он водил в бой эскадрилью, готовил собственный экипаж к очередному вылету, обучал молодых пилотов и штурманов, которых у нас становилось все больше, выносил на своих плечах все многочисленные обязанности командира подразделения.

Море позади, группа повернула на цель. Идем на малой высоте, внизу сильно пересеченная местность: горы, холмы, поросшие невысоким лиственным лесом, голые скалы, узкие извилистые долины. Последняя гряда холмов. Сразу за ней — панорама боя. Станица тонет в дыму пожаров.

Ложимся на боевой курс. Засверкали нити «эрликонов», но поздно: бомбы сброшены. На повышенной скорости уходим от цели.

— Как результат? — спрашиваю у стрелков.

— Нормально, — отвечает Никифоров. — Думаю, фрицам будет о чем рассказать после войны в назидание деткам…

Разнообразить ассортимент

11 августа 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования утвердила предложение Военного совета Северо-Кавказского фронта о создании Новороссийского оборонительного района. В его состав вошли войска 47-й и одна дивизия 56-й армий, боевые корабли, части морской пехоты и береговой артиллерии Черноморского флота, морская авиационная группа, имевшая в своем составе более ста самолетов. Авиацию возглавил заместитель командующего ВВС ЧФ, отважный и опытный генерал Квадэ. С первых дней организации морской авиационной группы [92] оборонительного района все ее части действовали с предельным напряжением. Общее превосходство в силах ещё оставалось за противником, но принимались все возможные меры, чтобы остановить его продвижение.

Враг, не считаясь с потерями, стремился пробиться к Новороссийску. 19 августа прорвал фронт у станицы Абинской. Перед авиагруппой была поставлена задача непрерывно бомбардировать и штурмовать скопления противника в пунктах сосредоточения и на рубежах атаки, громить танковые и механизированные колонны на подступах к линии фронта.

В руках гитлеровцев оставались станицы Неберджаевская и Нижне-Баканская, расположенные в двадцати трех километрах от Новороссийска. На земле шли жаркие кровопролитные бои. Полыхали пожарами августовские ночи. Стонала земля от разрывов бомб и скрежета танков.

Черноморские летчики совершали по пять-шесть боевых вылетов в сутки.

В один из этих дней в 36-й авиаполк поступил приказ: уничтожить живую силу и технику противника в районе Неберджаевской и Нижне-Баканской. На выполнение задания вылетела группа во главе со старшим лейтенантом Осиповым.

— Бомбить будем не по ведущему, а индивидуально, — решил командир группы. — Каждый штурман должен самостоятельно вывести самолет на цель. Угол сноса передам по радио, уточните его при подходе к цели.

Через двадцать минут воздух над аэродромом наполнился ревом моторов. Выстроившись, машины направились к цели. Истребителей сопровождения на этот раз не оказалось. К Нижне-Баканской вышли с севера, но в станице противника не обнаружили. Пошли параллельно шоссе. На подходе к развилке дорог на Неберджаевскую и Нижне-Баканскую Никитин заметил колонну автомашин. Фашисты также увидели нас, стали спешно

рассредоточиваться, увеличили скорость, спеша укрыться.

— Командир, доложи ведущему и выходи на боевой, — советует Димыч.

Докладываю о своем решении отбомбиться по выступу леса, куда уже втянулась колонна. Старший лейтенант наши действия одобряет, сам ведет остальных к железнодорожной станции Нижне-Баканская, где обнаружен разгружающийся состав с войсками. Звено Андреева направляет бомбить скопление войск на окраине Неберджаевской. [93]

Первые же разрывы наших бомб настигли не успевших рассредоточиться в лесу гитлеровцев. Столбы пламени взмыли в воздух, на опушку стали выскакивать автомашины и серые фигурки гитлеровцев. Следующая серия бомб накрыла опушку. Отходя от цели, увидели, что весь угол леса порос языками пламени, далеко в сторону протянулась полоса черного дыма. Сделав разворот, ухожу из района удара. Теперь можно немного расслабить руки, онемевшие на зажатом на боевом курсе штурвале.

— Порядок, — кивает Димыч.

Действительно, цель выбрали удачно и отбомбились хорошо.

Подлетая к станции, увидели результаты работы группы Осипова. Состав был разбит в щепки, горели станционные постройки, на железнодорожном полотне зияли глубокие воронки.

Звено Андреева отбомбилось по складу боеприпасов. Столб огня и дыма виден был издалека.

На обратном пути выяснилось, что поврежден осколком снаряда мотор одного из самолетов в звене Андреева. Однако все обошлось благополучно. Ведущий уменьшил скорость, и вся группа дотянула до своего аэродрома.

Днем 26 августа наши войска овладели Неберджаевской. Новость мигом облетела весь полк. После стольких неудач маленькая победа приобрела в наших глазах особое значение: может, это начало большого наступления, переломный момент на фронте? Но вскоре стало известно: противник поспешно принялся перебрасывать 125-ю пехотную дивизию из-под Туапсе в район Крымской, готовясь к очередному штурму Новороссийска.

Начальник штаба майор Пересада утром 27 августа синим карандашом жирно провел на карте новую линию переднего края противника.

— Все ясно? — обратился к хмуро молчавшим летчикам.

— Опять Неберджаевская?

Пересада только развел руками.

— Перекур двадцать минут. Командирам эскадрилий

уточнить обстановку экипажам.

Балин приказал подготовить машины к вылету, подвесив стокилограммовые фугаски.

Коля Прилуцкий протянул [94] скучновато:

— Опять фугаски… Не пора ли менять тактику?

— Что ты предлагаешь?!

— Разнообразить ассортимент. Фрицам наше меню приелось.

— Точнее.

— Пехота разбегается от машин и танков на полкилометра. Наши фугаски для нее — нуль. Думаю, эффект будет больше, если мы угостим их еще и осколочными.

— Дело! — моментально одобрил Балин.

Штурман эскадрильи Кочергин тут же прикинул варианты загрузки:

— На пятерку машин можно подвесить двести бомб: сорок фугасных соток и сто шестьдесят десятикилограммовых осколочных в кассетах. Или двести восемьдесят: сорок соток и двести сорок двухкилограммовых. А если точно рассчитать расстояние до цели, то можно еще за счет горючего увеличить бомбовую нагрузку.

— Правильно! — одобрили все. — А то технику бьем, а фрицев пугаем только…

— Давно бы так!

— Хорошо, ребята, — успокоил комэск. — Сегодня же доложу командиру полка наше предложение. А сейчас — по машинам!

Все было готово, мы прилегли отдохнуть в тени самолета, на перезревшей, пряно пахнущей, но еще мягкой траве. В последние дни такие минуты выпадали нечасто. Все время было забито расчетами, вылетами, докладами, разборами, сил едва хватало добраться до койки, чтобы забыться мертвецким сном. Димыч достал из контейнера свежие газеты, я решил подремать.

Но и сейчас не до отдыха оказалось. Предложение Прилуцкого не выходило из головы. Коротко изложил его экипажу.

— Как смотрите?

Некоторое время все молчали. Механик по вооружению Иван Моцаренко напряженно сопел.

— Тяжелое дело, — сказал наконец. — Вряд ли что выйдет.

— Почему?

— Сил не хватит. Представьте только. Во-первых, достать каждую бомбочку из ящика, вывернуть заглушку, вставить взрыватель. Во-вторых, уложить заряженные бомбы в кассеты, переложить фанерой. В-третьих, подвесить в бомболюки. Сколько же мне придется возиться?[95]

— Почему тебе? Будем работать все экипажем!

— Да? Ну, если так….

Димыч, не принимавший участия в разговоре, вдруг прыснул.

— Ты чего? Не согласен, что ли?

Он продолжал хохотать, кулаком утирая слезы.

— Да, я не на вас… Тут, вот послушайте…

Он еще долго давился смехом. Мы смотрели недоуменно. До сих пор в газетах ничего особенно веселого встречать не приходилось, скорее наоборот.

— Про нашего Панова, — выговорил наконец. — Во, послушайте… "Воздушный богатырь"!

И с выражением прочитал, отдышавшись:

Сто смертей припас Панов
Для арийских летунов.
У воздушного стрелка
Меток глаз, крепка рука!

— Во! И портрет, видали?

— Ну и что? Все законно!

Никифоров передал газету по кругу.

— Вот и я говорю — законно. Теперь фрицы будут кричать по радио: "Ахтунг, Ахтунг! Панов ин дер люфт!"

— Ну это уж ты загибаешь.

Когда все полюбовались портретом, Никифоров спрятал газету.

— Вечером забегу к нему в госпиталь, может не видел еще…

Солнце перевалило за полдень, когда поступила команда на взлет. Семерка бомбардировщиков снова направилась в сторону Неберджаевской. Полет над морем прошел спокойно, а в районе Туапсе неприятность — у Алексеева зачихал мотор. Убедившись, что машина не может успевать за остальными, Балин приказал ему возвратиться назад.

Над Мысхако должны были присоединиться истребители сопровождения, но их не оказалось. Пошли без прикрытия. Побережье пересекли в районе Абрау-Дюрсо и зашли на цель, как вчера, с запада. Но фашистские зенитчики уже ожидали нас с этой стороны, на группу обрушился шквальный огонь. В сплошные огненные клубки сплелись красные, зеленые, желтые трассы, от дыма разрывов померк свет. Кольцо огня опасно сжималось. Выдержка [96] на боевом курсе — главное качество летчика-бомбардировщика…

— Наконец-то! По легкому толчку узнаю, что освободились от груза. Балин начал маневрирование, стремительно меняя курс,

высоту, скорость. Отираю со лба пот, машинально повторяю его маневры.

— Штурман, результат?

— Порядок!

Видимо, несколько бомб попало в склады с горючим и боеприпасами — в колхозном саду и в районе сараев вспыхнули пожары.

После посадки в плоскостях и фюзеляжах насчитали множество пробоин. Озабоченный комэск собрал нас у своей машины.

— Надо немедленно менять высоты выхода на боевой курс, иначе — труба! Кочергин, займись расчетами, учти расположение батарей и рельеф местности в районе Неберджаевской…

Благодарность Буденного

Темная южная ночь окутала аэродром. До рассвета еще часа два-три, а на стоянках вовсю кипит работа. Техники, мотористы, механики, вооруженцы готовят машины к очередному вылету, латают дырки, заправляют баки бензином, снарядные и патронные ящики — боезапасом. Смазывают и проверяют каждый узел, прибор.

У Варварычева утром вид, как после бега на марафонскую дистанцию.

— Ты что же, и спать совсем не ложился?

— Вздремнем, когда вы в полет уйдете. Что делать? Закон: самолет должен быть готов к рассвету. Отоспимся после победы.

— Моторы опробовали?

— Работают, как звери!

Перед вылетом комэск предупредил:

— Сегодня изменим тактику — поднимем высоту. Командир полка разрешил проверить предложение Прилуцкого, на пробу берем по нескольку десятков осколочных бомб. С этой высоты они должны накрыть приличную площадь.

На Неберджаевскую на этот раз заходим с юга. На новой высоте, ломаным курсом — противозенитным зигзагом. [97] Расчет себя оправдывает, разрывы лежат пониже, не представляя для нас опасности. После сброса бомб комэск резко маневрирует по курсу и по высоте, выводя группу из-под обстрела. Стрелки докладывают, что бомбы легли прицельно, осколочные накрыли большую площадь и нанесли урон живой силе противника.

На аэродроме впервые за много дней Варварычев восклицает:

— Командир, в самолете ни одной дырки!

Не обнаружено повреждений и на других машинах.

Не успели закончить разбор, как поступила новая команда: немедленно нанести удар по Свободной балке, близ станицы Ходыженской. Это уже не новороссийское — туапсинское направление. Очевидно, положение на фронте продолжает обостряться.

Увеличили количество осколочных бомб почти вдвое. Майор Пересада объехал все стоянки, предупредил:

— Задание весьма ответственное! Особо обращаю внимание на точность прицеливания. Незначительный промах — и врежете по своим! Наш передний край будет обозначен краевыми ракетами. На прикрытие выделяются шесть «яков».

Ракета! Взревели моторы. Нагруженные до предела машины начали тяжело отрываться от земли.

Подходим к линии фронта. Обстановка неизвестная, надо быть начеку. Стрелки понимают это, стволы пулеметов обшаривают пространство вокруг. Комэск, качнув крыльями, подает условный сигнал: принять боевой строй. Добавляем обороты, группа выстраивается по прямой.

— Вижу цель! — доклад Димыча.

Сколько ни всматриваюсь, внизу ничего не замечаю, одни горы, сплошь покрытые густым лесом.

— Где ты ее увидел?

— Позади высотки в виде верблюда, чуть левее Ходыженской…

— Ну?

— За высоткой Свободная балка, уловил?

— А ты не уловил, почему зенитки молчат?

— Ну, это совсем просто. Либо немец стесняется себя демаскировать, либо надо ждать «мессеров».

— А если и то и другое?

— Не исключается.

В двух-трех километрах севернее Ходыженской на земле полоса вспышек.

— Димыч, видишь? Немецкая артиллерия обрабатывает наш передний край. Вот бы жахнуть по ней, а?

— Да, — вздыхает штурман, — жаль упускать такую возможность. Ну ничего, проутюжим пехоту и танки…

Группа над целью. В балке накапливаются для атаки фашистские подразделения. Из леска, с выжидательных позиций, выползают десятки танков. Вовремя мы успели, еще полчаса, и вся эта лавина устремилась бы на наши войска!

В балке вспухают огромные клубы разрывов.

— С ходу накрыли! Сейчас и мы… Чуть левей, командир… Так, прямо…

Через полминуты Лубинец и Никифоров вскрикивают наперебой:

— Есть! В самую балку!

— Все в цель! У фрицев паника…

— Молодец, штурман!

— Молодец, командир! Вот так бы каждый раз угощать их, как только попробуют сунуться.

Впоследствии узнали, что в результате нашего налета немецкая атака была сорвана. Наше появление было совершенной неожиданностью для фашистов. Дорого заплатили они за свою самоуверенность и беспечность.

Около Сочи сопровождавшие нас истребители, помахав на прощанье крыльями, ушли на свой аэродром. А через несколько

минут и мы заруливали на стоянки.

Не успел остановить моторы, как увидел радостно возбужденного Варварычева. Со всей своей компанией он бежал к самолету, отчаянно жестикулируя, что-то крича. Скатившись с плоскости, я попал в железные объятия Ивана. Весь технический экипаж тараторил одновременно, ничего невозможно было разобрать.

— Да стойте же! — с трудом высвобождаясь из тисков Варварычева, заорал я. — Объясните толком, что произошло. Гитлер подох, что ли?

Варварычев жестом утихомирил свою команду.

— Что касается Гитлера, это еще впереди. Верная радость в запасе. А пока другое. Только что получили телеграмму. За успешные боевые действия всему личному составу полка объявлена благодарность!

— Да?

— А знаете от кого? От самого Буденного![99]

— Вон что! В таком случае это больше всего относится к штурману. Высыпал всё подарки прямо на головы собравшимся в наступление фрицам!

Ошалевшие от радости техники принялись качать Димыча. Тот только охал да вскрикивал:

— Полегче, черти! Привыкли с железом… Ребра еще не успели зажить…

— Хватит, и в самом деле! Может, сегодня еще лететь. Измучаете, промажет…

Мои слова подействовали, Димыча опустили на землю. Под общий смех Варварычев пообещал:

— Если хорошо будешь бомбить, всякий раз так встречать будем!

— Лучше не надо, — ощупывая бока, отказался Димыч. — Лишние поощрения портят человека.

Ночью эскадрилья нанесла удар по вражескому аэродрому в Армавире. Ни один самолет не успел взлетать, много машин было уничтожено. Загорелись склады боеприпасов и горючего.

Через несколько дней, когда образовалось небольшое «окно» в боевой работе, майор Ефремов зачитал личному составу полка запись разговора Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного с командующим Новороссийским оборонительным районом генерал-майором Котовым. Разговор состоялся 27 августа 1942 года. На вопрос маршала, как войскам помогает авиация Черноморского флота, Григорий Петрович Котов ответил:

"Наша авиация, прямо скажу, работает отлично. Все мои

задачи выполняет с большой эффективностью. По самому скромному подсчету, за последние дни уничтожено не менее тысячи немцев, несколько десятков автомашин с войсками, до десятка танков и самоходок, две батареи, сбито в воздухе не менее пятнадцати самолетов противника. Своих потерь почти нет".

Маршал приказал командующему авиацией Черноморского флота генерал-майору Ермаченкову вместе с благодарностью передать летчикам и содержание этого разговора. Высокая оценка прославленного военачальника вдохновила нас на новые боевые дела. Настроение в полку было праздничное. Мы ясно почувствовали, что Родина следит за нашей борьбой, надеется на нас, ждет еще более сокрушительных ударов по ненавистному врагу. [100]

Памятный день

30 августа, проверив подготовку самолетов к вылету, мы собрались, как всегда, для ознакомления с разведсводкой. Майор Пересада информировал о событиях прошедших суток. Из лаконичного сообщения стало ясно, что гитлеровцы, отказавшись от лобового штурма Новороссийска, решили прорваться к нему с северо-запада, через Натухаевскую и Верхне-Баканскую.

— Значит, удар по скоплениям?

— Вероятно. Вот и сам майор, — кивнул Григорий Степанович на подъезжающую «эмку». — Наверно, с заданием.

Ефремов поставил боевую задачу нашей эскадрилье:

— Нанести удар по танкам, артиллерии и пехоте противника на северной окраине станицы Самурской. Действовать совместно с эскадрильей сорокового авиаполка. Прикрытие — четыре «яка».

В 7 часов 40 минут группа во главе с Осиповым уже была в воздухе. Быстро построившись в боевой порядок, берем курс на цель. Летим над четырехбалльной облачностью. В просветах — то сверкающее море, то желто-зеленые берега. В любую минуту из облаков могут вывалиться «мессершмитты», они стали встречать нас не только над целью, но и на маршруте. Весь экипаж напряженно всматривается в облачные «окна».

Над Лазаревской к нам пристраиваются «яки», настроение поднимается. На подходе к цели облачность становится еще плотнее. С одной стороны, это нам на руку: маскировка от вражеских зенитчиков. С другой — помеха: невозможно прицельное бомбометание. Осипов решает начать бомбить вслепую, по времени. Расчет подтверждается, в редких просветах успеваем заметить мечущихся гитлеровцев, опрокинутые машины…

— Сюрпризик, — удовлетворенно замечает Димыч. — Как кара божья с небес.

— Смотри, чтоб на нас кара не свалилась. В виде «мессера» из облаков.

Однако все обошлось. Расставшись с «яками», зашли на посадку. Но не успели остановиться винты, как нас начали торопить с подготовкой к новому вылету. За подвеску боезапаса взялись всем экипажем. Никитин с Варварычевым освобождали бомбы от тары, Никифоров выкручивал заглушки, мы с Лубинцом ввинчивали взрыватели. [101] Затем все вместе укладывали сотни мелких бомб в кассеты. Попотели изрядно.

— Эх, искупаться бы! — размечтался вдруг Лубинец. — А потом часок-другой поваляться на пляже… Море под боком, а мы

и не окунулись ни разу. Может, потом за всю жизнь его увидеть не доведется…

— Обойдешься, — утешил Никифоров. — Покупаешься и на речке. Лишь бы осталась она, вся-то жизнь.

— Оно понятно, что только при этом условии. А все ж таки, понимаешь, досадно…

— А я и купаться бы не пошел, — вмешался Варварычев. — Дали бы отпуск, хоть на полгода, все бы полгода подряд проспал!

— Умер бы, не проснулся.

— От сна еще никто не умирал!

— Вот ты и будешь первым, коли такой аппетит.

Подошел комэск.

— Балагурите? А самолет когда будет готов?

— Через тридцать минут, товарищ капитан!

— Смотрите! Минаков, сейчас подойдут члены бюро, будем принимать тебя в партию.

Настроение мигом переменилось. Хоть я и ждал этого дня, но получилось как-то внезапно. Что же говорить на партбюро? В одно мгновение перед глазами промелькнула вся жизнь — множество разных картинок и ни одного выдающегося события…

Собрались прямо под крылом моей «семерки». Парторг полка, воентехник 2 ранга Семячкин, зачитал заявление: "…В боях с фашистскими захватчиками не пожалею сил и самой жизни. Доверие Родины и партии оправдаю".

Попросили рассказать биографию. За минуту выложил всю. Наступило молчание.

— Расскажи, как воюешь, — нашелся кто-то.

— Обыкновенно… как все.

Выручил Осипов. Рассказал о последних бомбежках с осколочными, о том эпизоде, когда мы чуть не спикировали до земли.

— Минаков на боевом курсе стоит железно. А это самое главное для коммуниста нашей профессии. Мое мнение — принять его в ВКП(б).

Проголосовали единогласно.

— Ну, Василий Иванович, — сказал, пожимая мне руку, парторг, — лети на очередное задание коммунистом![102]

Через час вылетели на бомбежку скоплений противника в районе Самурской. Вел группу Осипов. От Лазаревской до цели и обратно до Адлера нас сопровождала пятерка ЛаГГ-3. При подходе к цели погода испортилась, землю скрыла низкая облачность. Ориентировались по вершинам гор Фишт, Оштен и другим. Бомбометание произвели снова по расчету времени. На обратном пути попали под проливной грозовой дождь. Горючего

оставалось в обрез, на аэродром садились с ходу. Стекла кабины заливало сплошными потоками, невозможно было рассмотреть наш пятачок, окруженный гигантскими эвкалиптами. Никитин, лежа на дне штурманской кабины, через нижнее стекло, которое заливало меньше, корректировал посадку. Все обошлось благополучно, хоть поволновались порядочно.

Назавтра из утреннего донесения узнали, что удар удался, враг понес значительные потери в живой силе и технике.

Тем и запомнился этот день — знаменательный для меня и удачный, один из последних дней грозового августа. Но вместе с радостью он принес и огорчение. Из полка откомандировывалась переучиваться на другие самолеты группа летчиков, в том числе два моих ведомых — Жора Попов и Павел Шахов. И они и мы знали, что их ждет новая интересная работа, но расставаться было жаль. Загрустили парни, стали просить, чтобы похлопотал за них. Пошел к командиру полка, но ничего не вышло.

— Приказ командующего, — жестко сказал Андрей Яковлевич.

Тепло распрощались в столовой, пожелали друг другу успехов, встречи после победы. Через полгода Жора Попов стал воевать на "летающем танке" Ил-2, Паша Шахов — на МБР-2. Встретиться не удалось. Георгий Тимофеевич Попов до мая 1944 года воевал на Черном море, затем громил фашистов на Балтике, стал Героем Советского Союза. Павел Васильевич Шахов погиб в бою в сорок третьем.

И снова задание: уничтожить бронемашины и пехоту противника на западной окраине станицы Гостогаевской и по дороге на Анапу. Вылет срочный: цель движущаяся. Вместе с техниками и вооруженцами готовим бомбы, заправляем [103] баки. Бомбы подвешиваем фугасные и осколочные. Прилуцкий и Литвинов выглядят плохо, должно быть, лихорадка. От предложений сходить в санчасть отмахиваются: сначала слетаем.

Группу опять ведет Осипов.

В районе Мысхако присоединяется четверка И-16. К Анапе подходим с моря. Летим над дорогой, ведущей к Гостогаевской. На западной окраине станицы замечаем клубы пыли — дождей здесь не было. Через минуту уточняем: колонна техники противника. Размыкаемся по звеньям, увеличиваем дистанцию между машинами, чтобы заходить на бомбежку с индивидуальным прицеливанием. Но, присмотревшись к цели, Осипов меняет решение: сомкнуться, бомбометание по ведущему. «Ишачки» довольны, им легче охранять нас в компактной группе.

— Ложимся на боевой! — докладывает Димыч.

Все внимание на ведущий самолет Осипова. Заговорили

зенитки, в небе распушились черные смертоносные бутоны. Разрывы все ближе и ближе, но строй строго выдерживает курс. Ведущий открыл бомболюки, следом все остальные.

— Пошли, родимые! — слышу любимую присказку Димыча.

На дороге пыль, дым, огонь.

— Молодец, штурман!

— Молодец, командир!

Развернувшись, еще долго видим позади длинный шлейф черного дыма, протянувшийся к горизонту.

На траверзе Геленджика распрощались с истребителями. Спасибо, «ишачки»! С вами работа идет веселее.

После посадки снова начали готовиться к вылету. Но с гор надвинулись тучи, загремел гром.

Проливной дождь продолжался целые сутки. Казалось бы, передышка должна была нас обрадовать. Но она вызвала только досаду. Даже желанного отдыха не получилось — какое-то тягостное ожидание.

— Отдушина для фашистов, — мрачно бурчал Никитин, оглядывая свинцовое небо. — Чай, сейчас тянут свои железяки к переднему краю, радуются, гады…

В эскадрилью зашел майор Пересада, зачитал последнюю оперсводку. Немецко-фашистские войска заняли станицу Красно-Медведевскую, 31 августа захватили Анапу, выйдя на побережье Черного моря. На Таманском полуострове отрезали наши части… [104]

— До каких ж пор! — Никитин изо всех сил стукнул кулаком по колену. — Столько летаем, бомбим…

Воцарилось тяжелое молчание.

— А ты не нервничай, — комиссар эскадрильи Ермак положил руку на плечо Димыча. — Лучше займись чем-нибудь полезным. Летаем, бомбим, и подумать некогда. А есть о чем, не может не быть. В каждом полете какой-то содержится промах. И что-то бы можно было сделать лучше. Разве не так?

— Так, пожалуй…

— Ну вот вам и время, чтоб разобраться.

Мы сидели в готовности к вылету и «разбирались». Действительно, было в чем. Оказалось, что даже у нас с Димычем были моменты, когда мы не понимали друг друга, не сразу умели договориться без слов. Не говоря о взаимодействии экипажей. Было чему поучиться и летчикам, и штурманам друг у друга. Каждый выработал для себя собственные приемы, маленькие «секретики» мастерства. Дошло до горячих споров, как лучше выполнить тот или иной элемент. Кто при своем оставался, кто собирался попробовать новое, кто откровенно восхищался

догадкой товарища, благодарил.

Действительно, дождь обратился на пользу.

Зоркость от злости

Утром 2 сентября из оперсводки стало известно, что в пять часов войска 46-й немецкой пехотной и 3-й горнострелковой румынской дивизий высадились на косу Тузла, мыс Ахиллеон и в Кучугуры. Высадка производилась с мыса Хрони. Десантная операция была задумана противником еще в августе, но дважды осуществление ее срывалось из-за активных действий частей черноморской авиации и кораблей Азовской военной флотилии.

На КП полка поступило приказание: уничтожить высаженные в Кучугуры войска и нанести удар по десантным средствам противника на переходе в районе мыса Хрони — Кучугуры. Восемь ДБ-3ф, возглавляемых Балиным и Гавриловым, вылетели на выполнение задания. В звене Балина ведомыми шли Осипов и Андреев. В пятерку Гаврилова входили Казанчук, Беликов, Алексеев и я. Еще при отходе от аэродрома увидели, что весь горизонт по нашему курсу закрывает густая многоярусная облачность. [105]

В районе Туапсе вошли в полосу дождя. Летели между ярусами облаков, словно пронизывая слоеный пирог. Все чаще ведущие меняли курс, обходя скопления кучевых облаков. Шли вслепую, по счислению, берега не было видно, кругом сплошное белое месиво. Через час Никитин доложил, что проходим траверз Геленджика. Дождь прекратился, но то и дело приходилось маневрировать между массивными грозовыми тучами, прибегая к крутым разворотам. Крен доходил до сорока — пятидесяти градусов, держать строй стало почти невозможно.

Мощные кучевые облака в виде громадных столбов вставали вокруг. Они напоминали гигантские свечи, воткнутые в море, сталактиты в пещере над подземным озером. Никогда после не доводилось встречать ничего подобного.

Группа рассеялась, в поле зрения не осталось ни одной машины. Посоветовавшись с Димкой, решаю пробиваться к цели самостоятельно. Несколько разворотов вокруг столбов, и вдруг оказываюсь в плотном грозовом облаке. Мгновенно вылетаю с большим креном, будто ударившись о стену. Вновь пытаюсь пробиться. Грозовая наковальня! Страшная сила бросает самолет вверх, меня вдавливает в сиденье, машину трясет, как в лихорадке.

— Шутки плохи, командир! — кричит Димыч. — Помнишь Кубань?

С минуту раздумываем.

— Возвращайся! Можем остаться без крыльев! А если и

проскочим в конце концов, так все равно до аэродрома бензина не хватит.

Разворачиваюсь, маневрируя между столбами, выхожу на курс к аэродрому. Приземлившись, узнаю, что две машины из нашей пятерки уже вернулись. Вскоре и остальные две сели с бомбами в люках и с почти пустыми баками. Только звено Балина, забрав к югу, сумело обойти фронт облачности и нанести удар по цели. В результате потоплено четыре десантных катера.

На разборе командир полка дал высокую оценку этому звену. В наш адрес не было высказано ни слова упрека, но все равно мы прятали глаза. Сумел же Балин пробиться к цели! Настоящий мастер доказал, что можно летать в любых условиях, что даже такой метеорологический барьер — не помеха для классного воздушного бойца.

На следующий день снова та же задача. Мы обрадовались: есть возможность реабилитироваться. Но перед [106] самым запуском моторов задание изменили. Летим к Красно-Медведевской бомбить войска противника, сосредоточивающиеся для атаки. Удар наносим двумя группами. Первую пятерку ведет Балин, с ним летят Андреев, Артюков, Казанчук и я. Во второй группе ведущий Гаврилов, ведомые Алексеев и Беликов.

Погода и на этот раз не баловала нас. По всему маршруту многоярусная облачность, в районе Туапсе и Сочи — грозы. Чтобы обойти их, пришлось взять намного мористее. У Мысхако нас встретили два Як-1 и четыре ЛаГГ-3. Прошли побережье у Абрау-Дюрсо, приближаемся к цели. Штурман обшаривает землю, разыскивая объект атаки, я стараюсь точно выдерживать место в строю. Вокруг лопаются бутоны разрывов, перекрещиваются разноцветные пунктиры «эрликонов» — верный признак, что мы у цели и что противник ждет нас. Огонь прицельный, снаряды рвутся все ближе.

— На боевом! — кричит Димыч.

Держу на боевом. Противозенитный маневр исключен. Умри, но выдержи. Минута, вторая, третья… Каждая кажется вечностью. Дотянем до цели? Нет! Машину тряхнуло так, что я едва удержал штурвал. Бросил взгляд на плоскость — дыры с рваными краями. Левый мотор чихнул раз, другой и заглох, машину потянуло в сторону. Рулями поворота и элеронами с трудом удерживаю ее на курсе.

— Пошли! — докладывает штурман.

Впервые не почувствовал, как освободились от боезапаса. Запускаю остановившийся мотор — работает, но с перебоями. Резко меняю курс и высоту, выхожу из опасной зоны. Вижу: обе группы уже отбомбились, на земле всполохи огня, клубы дыма —

обычная огненная каша.

Показания приборов нормальные, значит, ничего страшного с машиной не произошло. Ложусь на обратный курс. Низкая облачность заставляет снизиться до пятисот метров. Поврежденный мотор снова забарахлил, окончательно скис, заглох. Мы отстаем ох группы. Катастрофически падает давление бензина. Решаю сесть на адлерский аэродром, но тут же становится ясно, что не дотяну. Остается садиться у истребителей. Посадочная площадка — в долине, зажатой с трех сторон горами. Но иного выхода нет. Выпускаю шасси и закрылки, до минимума уменьшаю скорость. Захожу со стороны моря. Вообще самое трудное в пилотаже — посадка. А здесь… [107]

Слева и справа — высокие скалы. Входим в каменный коридор. Посадочная полоса для ДБ-3ф явно коротка и узка. Необходимо удлинить её, приземлиться на самом краю поля. Под крылом проплывают поселок и железнодорожная станция. Плавно сбавляю обороты мотора, самолет валится с восьми — десяти метров к земле. Рывком штурвала задерживаю проваливание перед самым моментом касания земли. Энергично гашу скорость, выключив мотор. Слишком резко затормозил, самолет дернулся, словно ткнулся в упругую стенку. Отпускаю тормоза, машина останавливается в десяти метрах от канавы границы поля. Облегченно вытираю пот со лба, открываю фонарь. К нам бежит толпа, человек сорок. Мгновенно облепив самолет, быстро откатывают его под деревья. Тут же с неба сваливается «як». Ага, моя машина мешала сесть истребителям, вернувшимся с боевого задания…

Только успел спуститься из кабины, как попал в крепкие объятия. Дима Зюзин!

— Васька, черт, ты? Как это ты ухитрился посадить своего бомбера на нашей лужайке?

— Не от хорошей жизни… Припрет — где угодно сядешь.

С Димой мы вместе кончали училище, но после выпуска ничего не знали друг о друге. И вот, пожалуйста, встретились…

— Я сегодня не летаю, — взахлеб рассказывает Дима. — Горло заболело, врач запретил. Посадили дежурить. Вдруг вижу — бомбер идет на посадку. Ну, думаю, опять… Тут недавно уже садился один, из пятой армии…

— И что?

— Вон, видишь, хвост торчит? Вдребезги! Так что поздравляю. Но в следующий раз советую тянуть до Адлера…

— Ладно, учту. А пока где тут у вас связь, надо сообщить нашим.

Пока связывались с Алахадзи, к самолету прибыли инженер и два техника. Открыли капот, осмотрели мотор, обнаружили пробоину всасывающего патрубка, повреждение карбюратора.

— Повезло вам, братишки, пожар не возник. Идите обедайте, мы сейчас это все заделаем!

По дороге в столовую вспомнили училище, товарищей.

— У нас в полку летают Стариков, Снесарев, Колонтаенко… [108]

— Где они?

— На боевом дежурстве. Вон там, под деревьями. Недавно «мессеры» обстреляли дежурную пару, с тех пор маскируемся….

— У тебя орден?

— С первых дней на фронте. Пятерых фашистов отправил к праотцам…

Зюзин рассказал, как им много приходится работать сейчас в районе Новороссийска. Гитлеровские бомбардировщики налетают на базы волнами, бомбят каждый корабль. Часто приходится отражать звездные налеты на Туапсе…

— Почти беспрерывно в воздухе и все равно не успеваем обеспечить прикрытие наших войск и кораблей…

После обеда поспешили к дежурному звену. Здесь я встретился с Володей Снесаревым, Жорой Колонтаенко, Димой Стариковым и Борисом Литвинчуком, который окончил училище раньше и успел уже стать командиром эскадрильи. Начались расспросы, рассказы.

— Командир, расскажи про «цирк», — попросил кто-то Литвинчука.

Кое-что я об этом слышал. Но было интересно узнать все подробности, ведь Литвинчук был одним из первых «циркачей»…

Часа через два техник доложил, что наш самолет починен. Пришлось прощаться. Долго трясли друг другу руки. Кто знает, удастся ли увидеться еще?

Взлет с Лазаревской оказался легче, чем посадка.

Дома первыми нас встретили наши техники.

— Надо переделывать времянку, — заявил Варварычев, осмотрев машину. Не говоря уж о дырках…

— Долго это?

— К вечеру постараемся управиться.

После доклада обо всем происшедшем комэску Балину отправились в совхоз навестить Прилуцкого и Литвякова, которых свалила лихорадка. Ребята исхудали, осунулись, видно было, что здорово им достается во время приступов. А в перерывах скучали по делу, досадовали, что вышли из строя в такой момент.

— Как услышу оперсводку, места себе не нахожу, —

жаловался Прилуцкий.

Сводки действительно были тревожные. Со стороны Неберджаевской враг продолжал атаковать наши войска, пытаясь прорваться к Новороссийску. Тяжелые бои шли [109] в районе Волчьи Ворота, Молдаванское, Глебовка. На Таманском полуострове отрезанные части морской пехоты, проявляя чудеса стойкости, оказывали сопротивление упорно наседающему врагу…

В течение всего следующего дня то и дело ставились задачи по нанесению ударов на новороссийском направлении, но быстро меняющаяся обстановка не давала возможности выполнить их. К вечеру поступил приказ: уничтожить резервы противника в районе Вышестеблиевская, чтобы задержать его наступление на Таманском полуострове и дать возможность эвакуироваться оставшимся там частям морской пехоты.

Взвилась сигнальная ракета, аэродром сразу ожил, сотрясая воздух мощным ревом моторов. Группа выстроилась в боевой порядок, ее повел в бой наш комэск Балин. В небе стояла дымка, она помогала нам маскироваться от истребителей противника. Не долетая до Анапы, увидели в море лидер «Харьков» и эсминец «Сообразительный», они производили огневой налет по войскам противника, ведущим наступление со стороны Неберджаевской.

Группа развернулась над Кизилташским лиманом. Вскоре впереди по курсу, севернее Вышестеблиевской, заметили густые облака пыли. Сомнений быть не могло: колонна фашистских танков и бронетранспортеров торопилась к фронту.

Зенитного огня нет, видимо, здесь нас не ждали. Ложимся на боевой курс и с ходу высыпаем бомбы на дорогу. Огонь, дым, пыль…

— Вот так-то оно лучше, — сквозь зубы цедит Димыч.

Он в последнее время особенно зол. То погода мешает, что обстановка не позволяет, а вести с передовой все тревожней.

— Вот так бы им по три раза на дню всыпать…

Однако повторный вылет снова был отменен из-за погоды в районе удара.

А у нас — тихий, прохладный сентябрьский вечер. В черном небе загораются звезды, а по всему летному полю, словно их отражение, мигают светлячки. Это трудятся техники, ремонтируют израненные машины, заправляют их горючим, набивают в ленты боеприпасы, подвешивают фугасные и осколочные бомбы…[110]

4 сентября. Гитлеровцам удалось захватить Абрау-Дюрсо, Южную Озерейку и перевал Волчьи Ворота. Нам приказ: навести удар по скоплению противника в Атакайской щели, в четырех

километрах от Верхне-Баканской. В воздух поднялись две эскадрильи — Балина и Стародуба. До Туапсе летим в размытых облаках, затем облачность обрывается, перед нами чистое голубое небо. У Мысхако разворачиваемся и начинаем поиск цели. Она где-то близко, но попробуй найди ее среди холмов, сплошь покрытых буйной растительностью. Расщелин, впадин много, в которой из них враг?

— Командир, вижу цель, — вдруг слышится в наушниках. — Держи точнее курс, начинаю прицеливание.

Ну и глаза у Димыча!

— Сброс! — облегченно выдыхает он через несколько икнут.

А еще спустя минуту слышится звонкий голос Лубинца:

— Командир, цель накрыта!

— Ну и глаза у тебя! — вслух повторяю Димке.

— Это от злости, — сквозь зубы цедит штурман. — Боюсь, что и под землей их буду видеть, когда закопаем…

Пролетая над Верхне-Баканской, обнаружили на западной окраине танки и бронетранспортеры. Никифоров связался с КП полка. Вскоре это скопление проутюжила авиация Новороссийского оборонительного района.

Из-под крыла летучего авианосца

Вот о чем рассказали нам с Димычем друзья из 32-го истребительного полка при встрече и о чем потом много еще разговоров было у нас.

Наши ребята и до этого слышали об эскадрилье, которой командовал в сорок первом капитан Арсений Шубиков, а затем мой друг капитан Борис Литвинчук. В предвоенный год летчики Борис Литвинчук и Евграф Рыжов первыми в авиации Военно-Морского Флота освоили систему подвески истребителей к тяжелым бомбардировщикам, разработанную конструктором Владимиром Сергеевичем Вахмистровым. Потом обучили и своих товарищей этому необычному полету.

С началом Великой Отечественной войны черноморские истребители днем и ночью взлетали навстречу врагу, [111] прикрывая корабли и наземные войска. Но им не терпелось испытать в бою способ применения «ишачков» в качестве истребителей-бомбардировщиков, доставляемых к цели с помощью самолета-авианосца.

И вот командир полка майор Наум Захарович Павлов, собрав личный состав эскадрильи, объявил приказ: нанести удар по нефтеперегонному заводу и нефтехранилищам в военно-морской базе Констанца. Запасная цель — корабли в гавани. Ведущим группы истребителей-бомбардировщиков был назначен командир эскадрильи капитан Шубиков, его заместителем — лейтенант Литвинчук. Пока техники готовили самолеты и вооружение, Шубиков проинструктировал летчиков.

Два ТБ-3 с подвешенными под плоскостями истребителями И-16 готовы к вылету. Зеленая ракета проплыла над степью, растаяла вдали. Пришли в движение шесть воздушных винтов на первой сцепке — моторы истребителей питались горючим из огромных баков крылатого авианосца. На стоянке собрался весь летно-технический состав. Опытные командиры тяжелых кораблей Серафим Гаврилов и Николай Огнев выруливают на старт, взлетают, берут курс к цели…

Дальше привожу рассказ самого Литвинчука.

— Хоть и много доводилось так подниматься, но сейчас показалось странным: идешь на боевое задание, а тебя катают, как на ярмарочной карусели. Пошли. Над морем опробовали пулеметы. Летящий на подвеске со мной вместе Шубиков поднял вверх большой палец, я ответил тем же: все хорошо! Когда на горизонте возникла береговая черта, поняли: скоро отцепка. "Внимание!" — загорелась сигнальная лампочка над козырьком.

"Есть, внимание!" — нажимаю на кнопку ответного сигнала. На щитке под плоскостью бомбардировщика, там, где при взлете загоралось слово "Газ!", появляется "Срыв!". Резко поворачиваю ручку отцепки заднего замка, чувствую, что мой «ястребок» имеет уже одну ось свободы. Движением ручки управления от себя произвожу полную отцепку. Истребитель поднимает хвост, плавно скользит под небольшим углом вниз, уже на своем моторе. Увеличиваю обороты, подтягиваюсь к Шубикову. Филимонов и Самарцев пристраиваются к нам в правый пеленг. Со снижением стремительно несемся к цели. Берег быстро приближается. [112]

Над нами на большой высоте барражируют два «Хейнкеля-111». Под нами порт. Больших кораблей в нем нет. В плотном строю дважды проходим над Констанцей, отыскивая цели. Вижу нефтеперегонный завод, баки с горючим. Выхожу вперед, покачиваю машину с крыла на крыло, указываю цель Шубикову. Противник огня не открывает, принимает нас за своих. Откуда здесь чужие истребители? Строй распадается, Шубиков делает резкий разворот, переводит машину в отвесное пикирование. За ним устремляюсь я. Вторая пара пикирует на порт. Земля быстро несется навстречу, цель в перекрестии. Комэск сбрасывает две фугаски, следом я. При выходе из пикирования вижу внизу взрывы… Только теперь враг открыл по ним беспорядочный огонь. Зенитные снаряды рвались на разных высотах, красные, зеленые трассы секли воздушное пространство. Поздно! «Ястребки» на предельно малой высоте, маневрируя, проскочили к морю…

На перехват поднялись с ближайшего аэродрома два «мессершмитта». Шли над морем на высоте две с половиной — три тысячи метров, ориентируясь на разрывы зенитных снарядов. Потом поняли свою ошибку, заметили два И-16 над самой водой. Шубиков и Литвинчук уже подготовились к встрече. Каждая пара стремилась зайти в хвост другой. На одном из маневров наши устремились в лобовую атаку на гитлеровцев. Те не выдержали. Один отвернул в сторону берега, второй тоже вышел из поля зрения. Вскоре соединились с Филимоновым и Самарцевым, и вся четверка произвела посадку на промежуточном аэродроме под Одессой.

Пока самолеты заправляли горючим, возбужденные летчики делились впечатлениями. Арсений Шубиков, участник боев в Испании, подвел итог:

— Задали фрицам задачку на дом! Поломают головы!

Наполнив баки, вернулись на родной аэродром в Крыму.

Второй раз вылетели ночью, уже на трех ТБ-3. Задача — удар по кораблям во вражеском порту. К цели шли, когда уже светало.

Еще до отцепки нас дважды облетел Ме-109. Стало ясно, что внезапны для противника [уточнить фразу по бумажному изданию — *Прим. lenok555*]. Шесть И-16 отошли от бомбардировщиков в тридцати километрах от берега. [113]

Пошли к цели. Корабли встретили их плотным заградительным огнем. Шубиков резко маневрировал, за ним остальные. Бомбить корабли решили с ходу. Прорвавшись сквозь заградогонь, перешли в пикирование. Противник пристрелялся, в плоскостях стали появляться пробоины, но летчики не выпустили целей из перекрестий. Корабли противника были накрыты.

На отходе завязался воздушный бой. Бензина оставалось в обрез, поэтому, крутя «карусель», наши истребители все время оттягивались в сторону Одессы.

— Зашел в хвост одному из «мессеров», — рассказывал Литвинчук, — погнался за ним, благо по пути, они поняли, черти, что мы тянем к своим, решили сыграть на этом. Гоню его, и вдруг дробь в бронеспинку. В хвосте другой «мессер»! Чуть не влип, как мальчишка. Вот как зараз две задачи решать. Ну, сманеврировал, сорвался. Шубиков взял одного на себя. Оба сразу носом на запад. Смысла гнаться за нами нет. Прилетели с Арсением в Одессу. Минут через десять сели еще двое. Серафима Кузьмина и Дмитрия Скрынника сбили «мессеры». Дома всей эскадрильей поклялись за них отомстить…

Случай для этого вскоре представился: эскадрилья получила задание разрушить черноводский мост. Об этом объекте говорили много, бомбардировщики не раз его бомбили и с горизонтального полета и с пикирования, но мост оставался неуязвимым.

Началась тщательная подготовка. Летчики изучали по фотоснимкам сам мост, подходы к нему, прикрытие…

Глубокой ночью под крыльями бомбардировщиков четыре истребителя покинули аэродром. Каждый взял двухсотпятидесятикилограммовые бомбы и полный бензобак: отцепляться решили задолго до подхода, цели. Весь маршрут над морем прошли ночью. На рассвете в тридцати километрах от вражеского берега произвели отцепку. Противовоздушная оборона противника находилась в постоянной боевой готовности, появиться у нас внезапно не удалось. Зенитный огонь велся с берега Дуная, с островков, со специальных люлек, подвешенных к мосту, даже с находящихся на семидесятипятиметровой высоте ферм. Огненная метель взвилась навстречу тяжело нагруженным «ястребкам»…[114]

Вошли в пике. Лента моста стремительно приближалась. Главное — не выпустить ее из прицела. Четыреста метров. Пора! Борис нажимает кнопку, бомбы отрываются, летят вниз. Резкая

перегрузка вдавливает голову в плечи, застилает пеленой глаза. Через минуту все вновь становится на место. Истребитель выходит в горизонтальный полет на малой высоте, поливая огнем зенитки врага. Видно, что бомбы попали в самую середину моста, стальная ферма обрушилась, ее скелет торчит из вспененного Дуная. По течению ниже сплошной огонь, на воде вовсю горит нефть, с силой хлещет из перебитого нефтепровода, что был протянут под мостом…

На предельно малой высоте все четыре машины уходят над плавнями в сторону Одессы. Посадка, заправка. Самолеты имеют пробоины, но до Крыма дотянуть смогут. Только сели в кабины, поступило сообщение: на одесский порт идет группа бомбардировщиков противника. Взлетели вместе с местными истребителями, вступили в бой. Закружилась воздушная карусель, «мессеры» отогнаны, «юнкерсы», оставшись без прикрытия, беспорядочно побросали бомбы в море.

Снова посадка в Одессе, заправка и, наконец-то, домой!

На аэродроме застали начальство. Командующий военно-воздушными силами флота и комиссар поздравили с успешным выполнением боевой задачи, объявили, что все участники этого рейда будут представлены к правительственным наградам.

Вскоре Шубикову был вручен орден Ленина, Литвинчуку, Филимонову и Каспарову — Красного Знамени.

Через два дня летчики эскадрильи повторили налет на черноводский мост. И вновь шесть И-16, доставленных к цели летающими авианосцами ТБ-3, доказали свое снайперское мастерство.

Слава об истребителях-бомбардировщиках вышла за пределы Черноморского флота. По просьбе армейского командования два доставленных авианосцем «ишачка» — Бориса Литвинчука и Павла Данилина — под прикрытием двадцати шести истребителей нанесли удар по мосту через Днепр. Несмотря на плотный заградительный огонь и беспрерывные атаки «мессеров», юркие «ястребки» прорвались к мосту и разбомбили его.

Затем два И-16 с подвески атаковали тщательно замаскированную артиллерийскую батарею, которая сильно досаждала нашим войскам. Истребители вели опять Литвинчук и Данилин. На прикрытие маленьких пикировщиков вылетел командир эскадрильи Шубиков. В районе цели столкнулись с группой «мессершмиттов». Арсений с ходу связал их боем, но силы были слишком неравны. В жестокой схватке с врагом Арсений Васильевич Шубиков погиб, как герой.

…Враг осаждал Севастополь. Литвинчук и его друзья почти не выходили из боя. Штурмовки, воздушные бои до предела

заполняли каждый фронтовой день. Однажды была поставлена задача разгромить автоколонну противника в районе Бахчисарая. Одно из звеньев возглавил сам командующий ВВС Черноморского флота генерал-майор авиации Николай Алексеевич Остряков. Самолеты на малой высоте пронеслись над бухтами, перелетели линию фронта. Колонна вражеских машин и танков двигалась по дороге на Севастополь. Первым пошел в атаку командир полка Павлов, за ним Литвинчук и Данилин. Фашисты открыли огонь из всех видов оружия, но истребители твердо держали боевой курс. Начали гореть и сталкиваться машины, образовалась пробка. Генерал Остряков с Николаем Наумовым сбросили бомбы точно на цель. Фашисты в панике бежали с дороги, меткие очереди носящихся на бреющем полете истребителей настигали их…

На обратном пути «мессершмитты» атаковали группу. Пара вражеских истребителей набросилась на самолет командира полка. На помощь пришел Литвинчук. Очереди его пулеметов охладили пыл нападающих. Литвинчук и Данилин не отставали от командира, отбивали одну атаку за другой. Меткая очередь майора Павлова сразила один «мессер».

Так закончилась очередная штурмовка черноморских «ястребков».

Охраняя корабли, прикрывая порт Туапсе, комэск Литвинчук действовал исключительно дерзко и самоотверженно. За короткий срок он уничтожил в воздушных боях семь самолетов противника. [116]

— Немецко-фашистское командование стало посылать отдельные группы истребителей — «охотников» — для нападения на наши самолеты, летавшие вдоль Кавказского побережья. Сбить обнаглевшего врага — такая задача была поставлена перед летчиками 32-го истребительного полка. Тревога! На Туапсе летит группа бомбардировщиков. Взлетела шестерка «яков», ее повел Литвинчук. С ходу врезались во вражеский строй. Сбит один, второй, остальные сбросили бомбы в море. Шестерка остается барражировать на большой высоте, ожидая подхода других групп бомбардировщиков противника. Но вместо них над морем появляется пара Ме-109. Жора Колонтаенко заметил их первый.

— Атакуй! — приказал комэск.

— Есть!

Колонтаенко неожиданно свалился сверху, поймал в прицел ведущего, ударил из пушки и пулеметов. Из загоревшейся, падающей в море машины успел выпрыгнуть летчик. Второй «мессер» после короткой атаки «яков» тоже врезался в воду.

Через некоторое время новый командующий военно-

воздушными силами Черноморского флота генерал Ермаченков (Николай Алексеевич Остряков погиб при обороне Севастополя в апреле 1942 года) привез в полк немецкого пилота, сбитого в том бою. Фашист оказался асом-"охотником", недавно прибывшим из-под Берлина. Он утверждал, что за короткое время уничтожил шесть наших самолетов.

— Кто его сбил? — кивнув на огромного рыжего фашиста, спросил командующий.

— Сержант Колонтаенко, товарищ генерал, — доложил командир полка.

— Молодец, Колонтаенко, знатную птицу завалил, — одобрил командующий. — Литвинчук, представьте сержанта к правительственной награде!

Вскоре Георгий Колонтаенко был награжден орденом Ленина.

Многими боевыми делами прославилась эскадрилья бесстрашных и ее командир, черноморский ас, воспитанник Ейского авиационного училища Борис Литвинчук. В мае 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. [117]

Испытание на лобовых

Немецко-фашистские войска продолжали рваться к Новороссийску и 1 сентября вышли к внешнему обводу обороны города. На озверелый натиск врага защитники города отвечали контратаками, то и дело переходившими в яростные рукопашные схватки; фашисты смертельно боялись штыковых атак черноморцев, начинавшихся кличем "Полундра!". Однако в живой силе и особенно в технике враг имел значительное превосходство. Не считаясь с потерями, гитлеровское командование бросало в бой все новые тысячи своих солдат, сотни танков, орудий и самолетов.

В эти дни летчики нашего 36-го авиаполка наносили удары по немецким опорным пунктам, огневым позициям, скоплениям техники. На смену одной эскадрилье прилетала другая. Несмотря на численное превосходство в самолетах и сильное прикрытие войск зенитной артиллерией, враг не получал передышки ни на минуту. Была и еще одна причина, существенно затруднявшая нашу боевую деятельность, мы ее окрестили «географической». Дело в том, что подходы к Новороссийску представляют собой сильно пересеченную, гористую местность, поросшую густым лесом и кустарником, со множеством ущелий, оврагов и ложбин. Выследить замаскированные войска и технику, навести на них ударные группы и прицельно отбомбиться было делом нелегким. Если ко всему этому прибавить быстротечную изменчивость оперативно-тактической обстановки, то можно представить с какими трудностями был сопряжен каждый вылет, какое нервное напряжение испытывали его участники. В боевых же документах тех дней все это умещается в нескольких скупых строчках: "… Первая и вторая эскадрильи нанесли удар по западной окраине Глебовки. Уничтожено 27 автомашин с живой силой противника". Запись в журнале боевых действий полка от 5 сентября 1942 года.

Тот день я помню очень хорошо. Солнечный, теплый. Ни облачка, ни ветерка. На деревьях за краем аэродрома беззаботно щебечут птицы. Свободные экипажи, как обычно, собрались под "табачным навесом", курят, беседуют, шутят.

И вдруг тишина. Все прислушиваются к подъезжающей «эмке». Спустя минуту начальник штаба раскладывает на дощатом столе свою потрепанную летную карту. [118]

— Немцы прорвались на окраину Глебовки…

Какое-то время длится тяжелая пауза.

— Итак, приказано уничтожить скопление противника на западной окраине Глебовки. Первой взлетает эскадрилья

Стародуба, за ней — Балина. Прикрытие — эскадрилья «И-шестнадцать» с того же аэродрома. Вылет через пятнадцать минут. Вопросы есть? По самолетам!

Схватив планшеты и шлемофоны, бежим к машинам, у «семерки» уже ждет Варварычев.

— Товарищ командир, самолет к вылету готов!

— Молодцы!

Машина блестит, будто приготовленная к параду. Как-то она сядет здесь через пару часов? Технический экипаж у нас дружный, комсомольский. Не было случая, чтобы по вине техника, механика, пилота машина задержалась на старте, закапризничала в воздухе.

Взлетает первая эскадрилья. Мы вглядываемся в небо: «мессершмитты» все чаще стали наведываться в наши края, охотясь за бомбардировщиками, летящими без сопровождения. Вчера подкараулили возвращавшийся с задания Пе-2 из соседнего полка. Взлетаем, выстраиваемся. Над Мысхако соединяемся с «ястребками». Теперь главное внимание на землю.

— Цель вижу! — докладывает Никитин.

В окружении холмов, покрытых густым лесом, вьется серая нитка дороги, вбирающаяся в Глебовку. На ней, как бусинки, — автомашины, танки, тягачи, бронетранспортеры…

Вот в дальнем конце ее вспухли серо-голубые кусты — это группа Стародуба приступила к работе. Наш ведущий, капитан Балин, мастерски выдерживает курс, группа идет, как в одной связке. Огня зениток нет. То ли фашисты еще не подтянули их сюда, то ли попросту прозевали нас.

— Сброс! — голос Димыча.

— Точно по цели! Отличная фотография получится, — со знанием дела докладывает Лубинец. — Снабдили металлоломом фашистов!

Бросаю взгляд на землю — плотная завеса дыма накрыла всю дорогу. На западной окраине станицы пожар, над ним взлетают искристые головешки рвутся снаряды, мины…[119]

На обратном пути, у Туапсе, встретили немецкую летающую лодку «Дорнье-24». Балин решил с ходу атаковать ее. Эскадрилья перестроилась, стрелки открыли огонь из всех стволов. Трассы наших ШКАСов буквально хлестали по черной махине, но «дорнье» медленно отвернула и ушла в сторону моря. Встреча не была неожиданностью. В полку много слышали о появлении этой новинки, мы имели указание уничтожать До-24 всеми имевшимися у нас средствами.

На Черном море эти трехмоторные двухкилевые гидросамолеты появились в августе 1942 года. Они стали активно

действовать на всем протяжении наших коммуникаций от Поти до Новороссийска, выслеживая подводные лодки, корабли и ударные группы авиации. Мощно вооруженные, с надежной броневой защитой, немецкие летающие лодки стали опасными соперниками наших морских разведчиков типа МБР-2, превосходили их по своим летно-тактическим данным. В первые же дни несколько МБР-2 были сбиты ими. Взаимодействуя с итальянскими торпедными катерами, До-24 создали напряженную обстановку на наших коммуникациях. Командованием ВВС ЧФ были приняты экстренные меры для борьбы с летающими лодками и торпедными катерами противника. На аэродромах вдоль всего побережья Кавказа в постоянной готовности к вылету находились группы наших Пе-3, Ил-2 и истребителей.

Итак, первая наша встреча с «дорнье» к успеху не привела. Что ж, будем надеяться на следующую.

Проявив фотоснимки, узнали результаты удара. Эскадрилья Стародуба уничтожила двенадцать автомашин противника, наша — пятнадцать. Командир полка объявил всем участникам вылета благодарность.

Однако стрелки все не могли успокоиться после встречи с «дорнье».

— Эх, если бы нам вместо ШКАСа пушчонку какую-нибудь захудалую поставили! — сокрушался Никифоров.

— Послушай, а если влупить этой каракатице в баки? — предположил Лубинец.

— А ты знаешь, где они расположены?

— Не расстраивайтесь, друзья, — подошел майор Пересада. — В ближайшее время на нашу машину поставят крупнокалиберный пулемет Березина.

— Вот это здорово! Это же и в самом деле почти пушка![120]

Капитан Балин тут же дал указание срочно выучить материальную часть нового пулемета, при первой возможности пострелять из него на земле.

— Вот если бы еще и «эрэсы» поставить… — мечтательно проговорил комэск.

— Да, это была бы сила! — подхватил Пересада. — Наверно, думают и об этом. На всякий случай доложим твое предложение в бригаде. Летающие «катюши»! Да мы бы тогда из их «дорнье» лепешку сделали! И из катеров…

На следующее утро узнали, что 4 сентября на рассвете немцы вышли к северо-западным окраинам Новороссийска. Был получен приказ: уничтожить войска противника в Гайдуке и Владимировке. На Гайдук идет первая эскадрилья, на

Владимировку — вторая.

Обе группы взлетели, взяли курс на северо-восток. Погода ясная, видимость отличная. Стрелки начеку, бортовое оружие снято с предохранителей.

Соединившись с группой истребителей, обходим Новороссийск справа. Белый город проглядывается сквозь мглу, окраины и вовсе заволакивает густой дым…

Владимировка встречает нас сильным заградительным огнем, но она — не наша цель. Балин маневрирует, проходит дальше. Вот и Гайдук.

— Два "сто десятых" заходят в атаку! — взволнованный голос Лубинца.

Дробно застучали пулеметы, красные нити протянулись к истребителям врага. Оттуда сноп строчек хлестнул по нам.

Маневрировать поздно — боевой курс. Каждая секунда кажется вечностью. Наши истребители завязали бой, в небе стало тесно. Сколько их, «мессеров»? Трассы хлещут со всех сторон, куда ни взгляни — огонь. Руки изо всех сил сжимают штурвал, за ними приходится следить, как за чужими, чтобы против воли не отвернули от опасности, не бросили самолет в сторону, вниз. За хвостом самолета комэска пронеслась очередь, следующая полоснула по левому крылу нашей машины. От мысли, что снаряд может угодить в бомбы, холодеет в груди. Тогда от нас останется один дым. Скорей бы бросал черт Димыч! Никитин то и дело вытирает рукой пот, целится. Над нами черной тенью проносится «мессер», и в этот момент чувствую, что бомбы оторвались от машины…[121]

Истребители прикрытия прочно связали «мессеры» боем, дают нам возможность уйти. Над морем даже дышать становится легче.

— Правда, Дима, жарковато было над Гайдуком?

— А тут на Кавказе всегда жарко.

Ишь ты, как будто бы я не видел, как он парился в своей кабине! Штурман угадывает мои мысли, не скрываясь стаскивает шлемофон, отирает лицо.

— Конечно, в это время года могло быть попрохладней…

Атака была настолько внезапной, что штурманы не успели открыть огонь. Вереницы светлячков потянулись к нашим машинам. Боевой разворот, и снова атака. Но на этот раз мы встретили их плотным огнем. Балин повел группу с набором высоты, чтобы увеличить носовым пулеметам сектор обстрела. Три раза Ме-109 заходили на нас, и каждый раз дружный, организованный огонь стрелков и штурманов вынуждал их отойти ни с чем. Затем подоспели наши истребители, связали их

боем и обеспечили нам выход из опасного района.

Дома нас ждало задание: повторить налет на тот же район, после чего прибыть на новое место базирования — на более отдаленный аэродром, в пятнадцати километрах восточнее Сухуми. На наш прежний аэродром на мысе перелетит 40-й авиаполк, поскольку у Пе-2 и СБ меньший радиус действия, чем у наших ДБ-3ф.

Штурман полка капитан Тимохин указал на карте варианты захода на новый аэродром, сообщил прогноз погоды на вторую половину дня, опознавательные сигналы. Самолеты тщательно проверили, дозаправили горючим, снабдили боеприпасами. Моторы взревели, и аэродром опустел.

На первом же развороте Балин собрал группу в строй. Незаурядное мастерство нашего комэска восхищало каждого, кто хотя бы раз вылетал вместе с ним на задание. Мне-то оно было известно еще с довоенного времени, когда мы вместе служили в 4-м минно-торпедном авиационном полку на Тихоокеанском флоте.

На траверзе Геленджика соединились с группой истребителей прикрытия. Обойдя окутанный дымом Новороссийск, легли на боевой курс и сразу же попали в зону зенитно-артиллерийского огня. Огненная паутина перекрыла небо. Хлопья черной ваты вспухали справа, слева, впереди. Но группа строго выдерживала строй, отбомбилась прицельно.

Вглядываемся в землю: взрывы, столбы густо-черного дыма. Метров на пятьсот ниже нас висит «рама» — фашистский разведчик ФВ-189 — корректирует огонь своей артиллерии.

— Эх, наши «ястребки» задержались, — жалеет Никифоров. И тут же: — Командир, прямо по курсу четыре «мессера»![122]

Первым, кого мы увидели на новом аэродроме, был наш техник Иван Варварычев.

— Ты как тут очутился?

— По щучьему велению, командир. На транспортном самолете.

Иван обошел машину, присвистнул:

— Кто это вас так отделал?

— Фрицы решили проверить нашу психику на лобовых.

Обычно истребители противника старательно избегали лобовых атак при нападении на наши бомбардировщики: заходили с задней полусферы — так и безопаснее, и выгоднее, большая площадь попадает под прицельный огонь. На этот раз фашисты, видимо, и впрямь захотели испытать наши нервы. Только у самих пороха ненадолго хватило.

Я присмотрелся к машине. Ага, вот, значит, отчего в полете

на меня тянуло ветерком: в кабине штурмана пробоины. При более детальном осмотре много их обнаружилось и в других местах.

Доложив о выполнении задания, пошли осматривать новый аэродром. Расположен на пологом мысу, протянувшемся от гор к морю. С одной стороны небольшой поселок, с другой, за железнодорожным полотном, — населенный пункт побольше. Там в школе должен разместиться летный состав.

В школе нас встретил комиссар эскадрильи Ермак.

— Располагайтесь, ребята, кто на чем стоит! Коек интенданты еще не подвезли.

Через четверть часа мы уже спали крепким сном, подстелив под бока комбинезоны.

За Жору Соколова!

С сентября части 9-й пехотной дивизии противника прорвались на северную окраину Новороссийска. Завязались упорные уличные бои. Немецкая авиация наносила удары по порту, железнодорожной станции, нефтехранилищам, элеватору.

В полк беспрерывно поступали боевые приказы. Мы стали вылетать не девятками, а звеньями.

Седьмого утром звено во главе с майором Стародубом вылетело на бомбежку войск противника на рубеже Гайдук, Глебовка. При наборе высоты я почувствовал, что левый мотор стал давать перебои. Из патрубков выбивались струи белого дыма.

— Командир! Что с мотором? — заметил и Димыч.

Вспоминаю доклад техника перед вылетом. В бак левого мотора Варварычев добавил масла, сменил все свечи зажигания на новые.

— Наверное, дело в свечах.

Увеличиваю обороты, чтобы прожечь их. Слышны хлопки, появляется тряска. Самолет дрожит, точно катится по булыжной мостовой на тележных колесах. Сбавляю обороты — хлопки и тряска не уменьшаются. Ведущий ушел далеко вперед. Что делать? Досадно, но единственный выход — вернуться. Приказываю связаться с ведущим и с КП полка, доложить решение. Разворачиваюсь, ложусь на обратный курс. Нагруженный самолет начинает терять высоту, не хватает мощности моторов.

— Димыч, сбрасывай бомбы в море!

Начала подниматься температура головок цилиндров. А до аэродрома еще целых пятнадцать минут. Из правого мотора выжимаю все, что могу. Наконец сажаю машину и, зарулив на стоянку, выключаю моторы. От наступившей тишины звенит в ушах. Смахнув со лба капли пота, еще раз проверяю положение сектора опережения газа. Вдруг не в технике дело? Нет, сектор стоит правильно, до упора назад. К машине уже бегут инженер эскадрильи Жданов и техник Варварычев.

— Что стряслось, Минаков?

Объяснил, избегая взгляда Ивана.

— Что за чертовщина?

Жданов полез в самолет. Подошел комиссар эскадрильи. Варварычев виновато помогал Жданову открывать капот. Комиссар ободряюще положил мне руку на [124] плечо:

— Ничего, бывает! Хорошо, что не над территорией

противника…

Я переживал за Ивана. Неужели мой техник дал маху? В боевом напряжении последних дней это было немудрено. Наверно, забыл уж, когда и спал ночью… Взревели моторы, Жданов вывел обороты на взлетный режим. Затем проверил работу моторов на одном магнето. После больших перебоев они заглохли. Варварычев вывинтил свечи, Жданов осмотрел их, покачал головой.

— Производственный дефект.

Я вздохнул облегченно.

— Сейчас заменим.

— Ставьте старые, — попросил я. — Ничего, что вытерпел срок.

Пока мы разбирались, звено вернулось с задания. Подошел майор Пересада.

— Минаков, самолет исправен?

— Так точно! Готов выполнять боевую задачу!

— Одному звену твоей эскадрильи, — повернулся начштаба к Балину, — приказано перелететь на соседний аэродром, в гвардейский полк. Там им подвесят торпеды. Задача — атаковать корабли противника, обнаруженные на переходе у Крымского побережья.

— Ясно!

— Ну, раз ясно, решай, кого посылать. Минаков, Андреев и Артюков. Ведущий — Минаков.

— Есть! — поспешил я ответить.

После ухода начальства спросил Никитина:

— Не забыл, как выходить на торпедирование?

— На Балтике приходилось, в мае в Махачкале немного тренировался.

— Ну тогда порядок!

Штурман Артюкова имел опыт сбрасывания торпед на полигоне, а третьему штурману, Соколову, не приходилось иметь с ними дело. Его инструктажем занялся Никитин.

Наскоро подзаправившись бутербродами с чаем, вылетели.

Через несколько минут после посадки к нашим машинам подкатили на тележках шестиметровые стальные сигары, вместе с торпедистами мы принялись проверять и подвешивать их. Закрепив торпеды в замках, прикрепили контейнеры с тормозными парашютами. Все готово, можно взлетать. Но команды не поступало. [125]

Минут через двадцать подкатила машина, вышел коренастый, широкоплечий подполковник Токарев, командир 5-го гвардейского авиаполка.

— Торпеды подвесили?

— Так точно!

Подполковник снял фуражку, отер лоб.

— Обстановка изменилась. Под Новороссийском критическое положение. Снимайте торпеды, берите сотки, вылетайте в район Кирилловки…

Снова закипела работа. Больше всех трудился Варварычев, который прилетел вместе с двумя другими техниками.

— Товарищ командир, разрешите слетать с вами? — взмолился, когда все было готово.

— Да ты что? У меня ж для тебя даже парашюта нет!

— Возьмите, товарищ командир! А то так за всю войну и фронта не увижу. Одни заплаты да гайки…

Вступился Никитин:

— А что, командир? Была не была! Пусть понюхает пороху. Лучше будет машину потом готовить.

— А отвечать будет кто?

— Ну, если что… так и некому будет.

— Черт с вами! — разозлился я. — Иван, парашют у штурмана забери, раз он такой сердобольный!

Варварычев сел рядом с Димычем. Ему было приказано наблюдать за воздухом. Над Геленджиком к нам стали пристраиваться два ЛаГГ-3. Иван принял их за истребители противника, но трассы «эрликонов» и разрывы зениток быстро разубедили его.

Отбомбились удачно, но машина получила повреждение. Израненный самолет кренился, вздрагивал, плохо слушался рулей.

— Пробито остекление штурманской кабаны, — доложил Димыч. — Осколок прошел рядом с головой Варварычева!

— В рубашке родился!

— Не рано ли поздравлять?

Действительно вскоре стрелки доложили:

— "Худой" слева, командир!

"Худой" — Ме-109. Так его прозвали за тонкий фюзеляж.

Раздался треск пулеметных очередей, но наши истребители моментально зажали хищника в клещи, и он еле сумел убраться. [126] Пролетая Лазаревскую, мы стали очевидцами ожесточенного боя наших истребителей с Ю-88, которые пытались бомбить аэродром, и сопровождавшими их «мессерами». На земле рвались бомбы, бушевали пожары, над ней проносились двухмоторные «юнкерсы». А выше крутилась огромная карусель. На максимальных оборотах взвывали моторы, вспарывали воздух трассы скорострельных пушек и пулеметов. Вот один из

«мессеров» вывалился из круга, полыхая, пошел вниз. Через минуту «юнкерс», оставляя за собой шлейф черного дыма, потянул к земле.

— Молодцы ребята! — ликовали наши стрелки. — Так их!

Пришлось остудить.

— Смотрите за воздухом! В такой свалке нас могут прошить и свои и чужие.

Самолет хоть и слушается рулей, но идет тяжело, на пределе. Но вот и родной аэродром. Выпустил щитки и с первого захода посадил машину.

— Ну как впечатление? — спросил Варварычева.

Но тот уже обходил самолет, сосредоточенно считая пробоины.

— Не меньше двадцати. Опять латать всю ночку…

— Ну теперь жаловаться не на кого. Сам летал, сам чини, — подковырнул Никифоров.

— Каждый раз теперь будем тебя брать, как поставишь новые свечи, — не удержался и Димыч.

Это была, кажется, первая его шутка за весь полет. Что-то он начал в последнее время скисать, мой штурман. Побледнел, осунулся, глаза неестественно блестят.

— Ты не болен? — спросил я, когда все отошли.

— Ничего, знобит немножко… Сейчас вот приму свои-то…

Но фронтовые сто граммов не помогли. Полковой врач тоже обратил внимание на нездоровый вид штурмана, пригласил к себе, осмотрел.

— Ну, что? — я ждал Димыча у крыльца.

— Направляет в санчасть. Говорит, нервное истощение. Конечно, никаких нервов не хватит каждый раз переживать, чтобы ты не сошел с боевого курса.

И тут не обошелся без подначки. Вот черт! Даже и мои переживания себе присвоил.

Прощаться, однако, было грустно. Постояли, поглядели на небо, где сгущались мрачноватые сумерки.

— Дождь будет, должно быть.

— Возможно, сентябрь.

— Ну, сентябрь для Кавказа еще не осень…

"Выручил" комиссар полка Свиногеев:

— Ага, вот они, голубчики! Тебе кто, Минаков, разрешил брать техника в воздух? Ну-ка пойдем, пойдем…

Я пожал плечами. Димыч тоже: иди, мол, получай.

— Подлечись там как следует… Не торопись.

— Постараюсь подольше не видеть ваших физиономий.

— Ну-ну. Не такие уж они противные. В общем, ждем.

Возвращайся скорей!

Должно быть, сцена прощания тронула комиссара. Взбучка была сравнительно мягкой.

— В следующий раз, Минаков, со мной посоветуйся, прежде чем внедрять новые методы воспитания. Даже если и смысл в них есть…

На следующий день спросил комэска, кто из штурманов будет летать со мной.

— А ты кого предлагаешь?

— Соколова!

— А кто с Андреевым будет?

— Лисечко.

— Не пойдет, — отрезал Балин. — Лисечко уже слетался с Осиповым. Чехарду в эскадрилье устраивать не буду. Через три дня из санчасти выйдет Колосов. Вот тогда и дам тебе Соколова. А до этого ищи штурмана сам. Вернусь с задания — доложишь, что надумал.

— Есть!

Жаль было, что не удался маневр с Соколовым. Отличный штурман, участник обороны Севастополя и Одессы. К тому же прекрасный товарищ, любимец всей эскадрильи. О таком штурмане мечтает каждый летчик. Может быть, стоило попросить понастойчивее? Если бы я мог знать, что случится с Жорой Соколовым через несколько часов…

Звено под командой майора Стародуба вылетело на бомбежку автоколонны противника, движущейся от Гайдука на Новороссийск. Для его прикрытия было выделено звено ЛаГГ-3, но в районе встречи истребители вступили в бой с налетевшими «мессершмиттами», и бомбардировщики пошли к цели без сопровождения. К тому же у [128] старшего лейтенанта Казанчука забарахлил мотор, и он вынужден был вернуться на аэродром. За Новороссийском Стародуб и Андреев попали в зону сильного зенитного огня, тем не менее разыскали цель и удачно отбомбились. Стали разворачиваться на обратный курс. В это время один из снарядов разорвался в непосредственной близости от самолета Андреева, в правой плоскости образовалась большая дыра.

Летчик сумел справиться с машиной, однако на этом не кончилось. У Мысхако на пару бомбардировщиков набросилось звено Ме-109. Завязался тяжелый воздушный бой. Четыре «мессера» беспрерывно атаковали, в результате им удалось прошить уже поврежденную снарядом плоскость машины Андреева. Враг не остался безнаказанным. Меткая очередь стрелка Сидоренко настигла один из «мессеров», он задымил и

потянул в сторону берега. Бой еще более ожесточился. Особенно доставалось израненной машине. Появились новые пробоины в плоскостях и фюзеляже, очередь прошила маслобак. Осколками тяжело ранило штурмана Соколова. В жаркой схватке, резко маневрируя, уходя от перекрестных трасс, Андреев потерял из виду ведущего. Пока машина слушалась рулей, ему еще удавалось держаться. Но вот снаряд угодил в один мотор, вскоре был поврежден и второй. Машина стала резко терять высоту. Стрелок-радист Сидоренко был ранен, его пулемет заклинило. «Мессеры» зашли в хвост и стали в упор расстреливать беспомощную машину. Пулеметные очереди стучали по бронеспинке пилота, пробивали фюзеляж, крылья, хвостовое оперение…

В районе Туапсе немцы прекратили преследование, израсходовав боезапас и заметив наших истребителей, прикрывавших порт.

Самолет Андреева держался в воздухе буквально на честном слове. Температура единственного работающего с перебоями мотора возросла до двухсот сорока градусов, машину трясло, высота неумолимо уменьшалась. О том, чтобы дотянуть до своего аэродрома, не могло быть и речи. Садиться в море нельзя: на борту двое раненых. Андреев решил приземлиться в Лазаревской. С первого захода не получалось — зашел с перелетом. Пошел на второй круг. Но скорости нет, тяга падает из-за перегрева мотора. На развороте самолет свалился со скольжением на крыло, зацепился за верхушки деревьев, рухнул в лес, загорелся. Раненый и обожженный стрелок Сидоров [129] первым выкарабкался из обломков, помог Андрееву выбраться из разбитой кабины. Жору Соколова спасти не удалось, при ударе о землю он погиб и сгорел вместе с машиной…

Говорят, что на фронте люди привыкают к гибели товарищей. Не знаю. Может быть, кто-то и привыкал…

На другой день, 9 сентября, пятерка, ведомая Балиным, совместно с группой майора Чумичева из 5-го гвардейского авиаполка нанесла удар по кораблям противника в Ялте. Налет оказался внезапным, бомбардировщики зашли со стороны моря, умело использовав густую дымку. Отправились на дно два торпедных катера врага, сгорел танкер, получил повреждение тральщик.

— Это им за Жору Соколова! — сказал, возвратившись, комэск.

Двое в море

Особым уважением у нас пользовался экипаж старшего лейтенанта Осипова. Штурманом у него был младший лейтенант Прилуцкий, стрелком-радистом краснофлотец Андреев, воздушным стрелком младший сержант Воинов. Мы удивлялись выносливости этих ребят. Осипов, как правило, назначался ведущим группы, а это не только накладывало особую ответственность на него лично, но и влекло за собой дополнительную нагрузку на весь экипаж.

10 сентября, во второй половине дня, была поставлена боевая задача: уничтожить скопление гитлеровских войск в предместье Новороссийска Мефодяевском. В воздух поднялись три самолета — Стародуба, Пашуна и Осипова. Осипов на этот раз летел ведомым, командовал звеном майор Стародуб. Вместо заболевшего Прилуцкого с Осиповым полетел начальник минно-торпедной службы эскадрильи старший лейтенант Лисечко, тоже хороший штурман, имевший немалый боевой опыт.

Для прикрытия звена было выделено четыре ЛаГГ-3. Предусмотрительность нелишняя: вдоль Черноморского побережья рыскали «мессеры», за день до этого нашим бомбардировщикам пришлось вести с ними бой.

На этот раз обстановка сложилась еще тяжелее. Подробности мы узнали лишь через месяц, когда Степан Осипов возвратился из госпиталя. Вот что он рассказал:[130]

"…Подходим к цели. Противник почему-то не открывает огня. Это насторожило. Приказал стрелкам внимательнее следить за воздухом. Через минуту Андреев докладывает:

— Командир, шесть «мессеров» справа!

Вот это понятно.

— Приготовиться к отражению атаки!

"Мессеров" перехватили наши истребители, закрутилась обычная карусель. Но вскоре мы поняли, что эта атака — только демонстрация. Со стороны солнца появились еще четыре Ме-109, набросились непосредственно на нас.

Атаки следовали одна за другой. Стрелки отбивались, но гитлеровцы, разделившись попарно, наседали сверху и снизу. Как минимум, хотели вынудить нас сбросить бомбы куда попало. А мы пробивались к цели.

В плоскостях уже появились пробоины. Спрашиваю штурмана:

— Скоро сброс?

— Еще чуточку, идем на боевом курсе.

Вдруг Андреев кричит:

— Командир, горим! Взгляните на левое крыло!

Да, вся плоскость охвачена огнем. Видимо, пробит бензобак.

К счастью, штурман докладывает:

— Бомбы сбросил по цели!

Пытаюсь сбить пламя резким скольжением. Не удается. Должно быть, до аэродрома не дотянуть.

Снизившись на скольжении, мы потеряли зрительную связь со своим звеном, летим в одиночку над Новороссийском.

— Будем прыгать? — спрашивает Лисечко.

— Придется.

Передаю остальным ребятам:

— Приготовьтесь прыгать, как только дотянем до Цемесской бухты. На город нельзя, попадем еще в лапы к фашистам…

"Мессершмитты" не отстают, продолжают расстреливать горящий самолет. Наши пулеметы огрызаются. Задымил и один из «мессеров», быстренько отвалил. Остальные продолжают нас поливать, но близко уже не суются.

Вдруг Андреев кричит:

— Командир, тяжело ранен Воинов!

— Держитесь! Скоро прыгать. Поможешь ему покинуть машину…

Но не проходит и полминуты, снова доклад:

— Я тоже ранен!

На этом связь со стрелками прекращается, замолкают и пулеметы. А пламя уже добирается до кабины, обжигает нам со штурманом руки, лицо. «Мессершмитты» расстреливают нас в упор. Меня тоже ранило в обе ноги. Левая плоскость от перегрева начинает с треском загибаться вверх.

Подаю команду:

— Экипажу покинуть самолет!

Лисечко выпрыгнул первым, через открытый им люк поток воздуха хлынул в кабину, пламя раздулось, все окутало дымом. Стрелки, по моим расчетам, тоже должны были вывалиться. Пора и мне, еще минута, и будет поздно.

Отстегнув привязные ремни, рванул на себя колпак — на счастье, он не был заклинен, — резко отдал штурвал и оказался снаружи.

Парашют раскрывать не тороплюсь, а то попаду под обломки своего самолета, да и «мессеры» расстреляют.

Наконец раскрываю, осматриваюсь. Подо мной два купола. А где третий? Значит, кто-то не смог покинуть машину…

Прикидываю: приводнимся метрах в восьмистах от Мысхако, туда и придется добираться, до противоположного берега много

дальше.

Мысли перебивает рев «мессера», рядом проносится трасса. Перевожу взгляд вниз — товарищей тоже расстреливают стервятники.

"Мессершмитт" снова заходит на меня. Подтягиваю стропы, начинаю скользить и раскачиваться, чтобы сбить у него прицел.

Чем бы это закончилось, гадать не стоит, но вдруг появился спаситель наш «лаг».

А тут и вода. Лямки уже подготовлены для сброса.

Вынырнул, освободившись от парашюта. Теперь вся надежда на спасательный жилет. Порошок сработал мгновенно, жилет наполнился газом, но так же быстро и выпустил его. Оказывается, прогорел.

Сбрасываю бесполезный жилет. Заодно и шлемофон, кожаный реглан, ботинки, комбинезон. Осматриваюсь. Вижу, ко мне плывет Лисечко. Третьего не видно. Значит, расстрелян в воздухе…

Подплывает штурман:[132]

— Держись за меня! Ты что, ранен? Ничего, доплывем, отремонтируют в госпитале…

Плывем. На берегу появляются люди на мотоциклах. Неужели фашисты?

Доносится дробь автоматов. Точно, они!

Пули до нас не долетают, шлепаются метрах в двухстах. Немцы прекращают стрельбу, совещаются. Потом два мотоцикла: срываются с места. Минут через пятнадцать, смотрим, гитлеровцы подкатывают к берегу… противотанковую пушку.

— Ну, теперь достанут! Все же решили доконать нас, — вздыхает Лисечко.

— Ничего, Вася, — утешаю без особой уверенности, — не так-то легко им будет попасть. Цель-то ведь точечная.

Снаряды начинают бурунить воду.

— Слушай, штурман, давай рассредоточимся! Усложним задачу фашистам.

— Ты же ранен и без жилета. Возьми тогда мой!

— Не надо! — отказываюсь, зная, что Лисечко пловец не очень важный. Отваливай метров на триста.

Лисечко отплыл. Гитлеровцы стали обстреливать нас поочередно: несколько снарядов по штурману, столько же — по мне.

Добились своего гады! Рядом с Лисечко разорвался снаряд, Василий ушел под воду и больше не появился.

Остался я один. Поплыл в сторону противоположного берега. Боль в ногах часто заставляла отдыхать на спине. Не обращал

внимания на снаряды. Кружилась голова, в ушах — звон. Подташнивало. Видимо, от потери крови. Главное — не потерять сознание, продержаться до темноты. А там подберут моряки, видели ведь, как мы спускались…

Фашисты не унимаются, бьют и бьют. Более пяти часов продержался. А в сумерках подобрал меня наш торпедный катер…"

Одиссея одного экипажа

О подвиге экипажа Осипова много говорили в полку. Восхищались стойкостью и взаимовыручкой отважных ребят; вспоминали подобные эпизоды. Особенно запомнился рассказ штурмана Алексея Зимницкого о случае, происшедшем в самом начале войны. [133]

Утром 25 июня 1941 года с аэродрома поднялось дежурное звено ДБ-3ф 2-го минно-торпедного полка 63-й авиабригады. Экипажам поставили задачу: нанести первый удар по складам и нефтехранилищам в румынском порту Констанца. Зимницкий был штурманом на машине, пилотируемой лейтенантом Мизаиром Абасовым. В полете неожиданно отказал мотор, новый, который поставлен был накануне.

Самолет стал терять скорость, высоту. Товарищи уходили все дальше и дальше. А на горизонте, подернутом легкой дымкой, уже просматривался румынский берег.

— Штурман, сколько до цели? — спросил Абасов.

— Километров шестьдесят — семьдесят.

— Пойдем на одном моторе со снижением, после бомбежки сядем в Измаиле. Дотянем?

— Попробуем.

Пилот до максимума увеличил обороты левого мотора. Он натужно взревел, работая с перегрузкой.

Тут же в наушниках раздался возглас стрелка-радиста Виктора Щекина:

— С задней полусферы «мессер»!

Очереди пулемета бомбардировщика и нападавшего врага прозвучали одновременно. Точно горохом обсыпало правое крыло, в нескольких местах продырявило капот. Самолет тряхнуло, и второй мотор захлебнулся. Наступила оглушающая тишина. Блеснув желтым брюхом, пронесся «мессер», разворачиваясь для повторной атаки. Щекин поймал момент и влепил в него меткую очередь. Фашист свалился на крыло и, волоча за собой черный хвост, рухнул в море.

Тяжело нагруженный бомбардировщик также быстро терял высоту. До катастрофы оставались считанные минуты.

— Сбрасывай бомбы по-аварийному! — приказал командир.

Штурман рванул рукоятку, бомбы понеслись к морю. Но это только немного оттягивало развязку.

— Что будем делать, штурман?

— Тяни, сколько можешь, к своим берегам и садись на воду. Иного выхода нет.

— Хорошо! Готовьтесь к посадке!

Теперь они жалели, что столько времени тянули к цели на одном моторе. Летчик развернулся и стал планировать, стараясь сохранить высоту как можно дольше. [134]

— Ребята, — напомнил Зимницкий стрелкам, — готовьте шлюпку, бортпаек, анкерок не забудьте! Как только сядем, сразу выбирайтесь на крыло. Машина продержится на воде пару минут, не больше!

Когда до воды осталось метров двести, Абасов довернул против ветра и пошел на посадку. Состояние моря позволяло посадить самолет "на брюхо", навстречу бежали небольшие зеленые волны.

— Держитесь, ребята!

Самолет затрясло, как на ухабах, все скрылось в белой пене брызг. Попрыгав на волнах, машина замерла. В наступившей тишине отчетливо послышалось журчание десятков ручейков: сквозь щели в фюзеляж устремилась вода…

Когда штурман с командиром выбрались на крыло, стрелки уже возились со шлюпкой. Рядом плавал ящик с бортпайком и анкерок. Сообща присоединили к шлюпке мех, несколько раз качнули. Остальное пришлось доделывать на плаву.

— Скорей отходите от самолета! — предупредил Зимницкий, вспомнив, что от тонущего корабля моряки отплывают подальше, чтобы не затянуло в воронку.

Абасов, лежа на спине, торопливо работал мехом, штурман поплыл за бортпайком, который уже отнесло метров на двадцать. Самолет высоко задрал хвост и ушел под воду. Осталась безбрежная гладь моря, маленькая резиновая посудина и на ней четыре человека, тесно прижавшиеся друг к другу…

Когда проверили, что удалось взять с собой с тонущей машины, то обнаружился ряд серьезнейших промахов. Никто из экипажа не был знаком с морем, кроме Зимницкого, которому приходилось ходить на шлюпке во время учений в 1935 году на Балтике и затем в Николаевском военном училище морских летчиков.

— А где весла? — спросил он у стрелков. Весел не было. Проверили анкерок и только сейчас обнаружили, что в нем нет ни капли воды.

— А парашют зачем взяли? Собираетесь к Нептуну на нем спускаться?

Стрелки смущенно улыбнулись.

— По привычке…

Делать нечего, пустой анкерок выбросили в море, а парашют оставили, может пригодится на что-нибудь. Измученный и

огорченный экипаж угомонился, притих. Бесконечная [135] морская равнина подавляла, заставляла осознать свою беспомощность. В маленькой шлюпке, рассчитанной на троих, четверым в меховых комбинезонах было тесно. На несколько минут каждый ушел в свои мысли. Самым большим несчастьем было отсутствие питьевой воды. Для людей, не привычных к морю, это казалось каким-то бессмысленным парадоксом: вокруг миллионы кубометров воды, а приходится тосковать о незаполненном анкерке в несколько литров. Положение было отчаянное, помочь мог только случай.

Старшим по возрасту в экипаже был штурман Зимницкий. Все комсомольцы, он — коммунист.

— Ну, что ж, друзья, — обратился он к остальным. — Еще не все потеряно. Мы живы, у нас отличная посудина, на такой можно плавать долго. Давайте-ка разберемся, для начала, что у кого в карманах.

Самой ценной находкой оказались три бутылки нарзана, которые штурман купил перед самым вылетом в военторговской автолавке и передал стрелкам. Выпить не успели, засунули в комбинезоны и забыли о них. Проверили оружие — два пистолета, два нагана и ракетница с подмокшими ракетами. Кроме того, было найдено две пачки галет, две банки консервов, восемь плиток шоколада.

— Ну что ж, жить можно. Нарзан будем пить по норме — глоток в день.

Унты и два мокрых комбинезона выбросили в море, оставили два сухих, шлемы и, конечно, спасательные жилеты.

Подходил к концу первый день плавания. Солнце опустилось к горизонту, стало прохладно. Ветер усиливался, волны росли на глазах, обдавали лицо солеными брызгами. Зимницкий распорядился, чтобы все привязались парашютными стропами к шлюпке: сонных могло смыть за борт. Однако никто в эту ночь не мог уснуть. Ждали утра, как надежды на спасение. К рассвету ветер задул еще сильнее, нагнал сплошную облачность. К счастью, шлюпка вела себя великолепно, легко взлетала на волну, плавно соскальзывала с нее, не черпая воду бортами. Экипаж привык к качке и опасался лишь дальнейшего усиления шторма: у резиновой шлюпки есть предел прочности. Волны и ветер гнали легкое суденышко неизвестно куда. Только к полудню, когда в прореженных облаках на миг обозначилось светлое пятно, стало понятно, [136] что шлюпка дрейфует куда-то на юг или юго-запад. Если ветер не изменит направление, ее вынесет к берегам Турции или Болгарии. Об этом открытии штурман, понятно, умолчал. К счастью, к вечеру стало стихать, волна улеглась.

Измученный экипаж забылся тяжелым сном.

Проснулись с восходом солнца. Полный штиль, море играет тысячами слепящих зайчиков, блещет, искрится. Но неподвижность вскоре начала раздражать. Надо что-то предпринимать, действовать. На глаза штурману попался ящик с бортпайком.

— А ну, ребята, разбирайте ящик!

Сняли крышку, к двум дощечкам привязали половинки третьей, получилось два коротких весла.

По очереди работая изо всех сил, кое-как двигались вперед, по направлению к своему берегу. По крайней мере, это отвлекало от мыслей о безнадежности положения.

Солнце начало припекать, усилилась жажда. Осталось две бутылки нарзана.

Через час заметили на поверхности моря какой-то предмет. Подплыли. Это оказался щит из трехметровых досок. В результате дружных усилий удалось оторвать от него три доски с гвоздями. Из двух сбили мачту, третья пошла на руль. Вот когда пригодился бесполезный, казалось бы, парашют. Он послужил парусом. Основание мачты приходилось держать, прижимая спиной к носовой части борта.

Все готово. Теперь дело за ветром. Но его, как назло, долго не было. Только после полудня зеркальная поверхность моря чуть зарябилась. Постепенно ветер начал крепчать, он дул в сторону севера. Команда ликовала. Штурман вступил в права капитана парусника, обучил управлению шлюпкой Щекина. Остальные удерживали мачту. Зимницкий прикинул: при благоприятных обстоятельствах шлюпка причалит к родным берегам дня через два-три. Команда встретила это сообщение дружным "Ура!". Пошли шутки, смех, разговоры. За шумом не сразу услышали нарастающий гул моторов. На малой высоте на них шли две летающие лодки.

— МБР-два! — определил воздушный стрелок Кузнецов.

Все закричали, замахали руками. Но когда самолеты развернулись, стало ясно: «дорнье»!

— Прячьте нашивки! — крикнул Абасов. [137]

— Сейчас полоснут из пулеметов, и все, — почти равнодушно проговорил Кузнецов.

Все невольно сжались.

Но самолеты без единого выстрела ушли. Это было совершенно непонятно. Если приняли за своих, то должны были бы подобрать, за чужих — расстрелять. Но ни произошло ни того, ни другого.

— Черт их поймет! — выругался Абасов, распрямляясь. —

Никакой логики!

— Может, еще вернутся, — задумчиво глядя в ту сторону, куда ушли «дорнье», предположил Зимницкий.

Часа через два снова услышали рокот моторов. Моментально убрали парус, притаились. Это были те же «дорнье». Пролетев в стороне, они сделали два круга, очевидно, разыскивая шлюпку. Не обнаружив, снова улетели.

Экипаж продолжал свой путь. Все сильнее мучила жажда. Нарзана оставалось совсем немного. Попробовали полоскать рот морской водой, но это лишь вызвало тошноту. Близились сумерки. Парус сняли. Ночью решили поспать, чтобы сберечь силы на день.

На рассвете 28 июня, когда приготовились ставить парус, опять услышали звук самолета. Немецкий «хеншель» прошел в стороне, ничего не заметив.

— Счастье, что не успели поставить парус, — порадовался Зимницкий. — Этот бы сделал из нас окрошку!

За ночь ветер не изменил направления, и шлюпка ходко шла к родным берегам. На большой высоте стали часто пролетать и свои, и немецкие самолеты. Признак, что берег не так далек. Посоветовавшись, решили идти и ночью. Вахту несли по двое: один на руле, второй держал мачту. Прошли еще сутки. Жажда не давала покоя даже во сне.

Наступило 30 июня. Днем дожевали последний шоколад, запили глотком воды. Ее осталось еще полбутылки. После обеда Саша Кузнецов, устраиваясь на очередную вахту у мачты, вдруг заметил на горизонте тонкий крест, торчавший из воды. Постепенно выросла рубка, затем и корпус корабля. Он казался огромным, спокойно стоящим в лучах предвечернего солнца. Но затем у форштевня появились белые бурунчики — корабль шел в сторону шлюпки. Свои или враги?

— Приготовиться к бою! — скомандовал Абасов. — Живыми не дадимся! Допьем воду, это прибавит сил.

Бутылка пошла по рукам. Затем достали наганы, пистолеты. Несколько минут напряженно вглядывались в выраставший на глазах корабль.

— Ура! Наши! — обнимая друг друга, закричали вдруг разом.

В воздух полетели шлемы. На мачте морского охотника развевался советский флаг.

Катер подошел на большой скорости, лихо застопорил ход, с борта на шлюпку уставился крупнокалиберный пулемет.

— Кто такие? — раздался зычный, усиленный мегафоном голос.

— Свои! Свои! Советские!

И вновь гремит мегафон:

— Подойдите к борту!

Через несколько минут счастливых авиаторов подняли на борт крепкие матросские руки.

Это произошло на шестой день их одиссеи, в двадцати километрах юго-восточнее Тендровского маяка.

Над перевалами

В середине августа 1942 года горнострелковые части 49-го корпуса вермахта захватили важнейшие перевалы Центрального Кавказа — Санчаро, Клухорский, Марухский, — а также несколько перевалов Эльбрусской горной гряды. Нависла угроза над Сухуми и Кутаиси. Благодаря срочно принятым мерам враг был остановлен. Дальнейшие усилия наших войск направлялись на то, чтобы отбросить противника обратно за перевалы.

Военный совет Закавказского фронта поставил перед авиацией Черноморского флота задачу систематическими бомбардировочными ударами воспрепятствовать закреплению гитлеровцев, не допустить переброску подкреплений их прорвавшимся частям. Командующий 46-й армией генерал-майор Леселидзе специальным приказом определил способы обозначения наших войск, целеуказания, опознавательные сигналы.

Резко пересеченная лесистая местность и прерывистая линия фронта сильно затрудняли действия авиации. Личный состав нашего полка опыта ведения боевых действий в горах вообще не имел. Потребовалась дополнительная подготовка летчиков и штурманов в ходе боевых действий. [139] Перед каждым вылетом полк получал от штаба армии задачу с конкретным указанием целей, основных ориентиров, начертания линии фронта. Получив эти данные, штурманы тщательно изучали по карте район удара, маршрут. Объекты ударов находились на высоте шестьсот — две тысячи восемьсот метров над уровнем моря. Бомбежка осуществлялась с нескольких заходов. Первый заход пристрелка, остальные — на поражение.

7 сентября было приказано нанести удар по живой силе и технике врага в селении Псху. Экипажи 36, 40 и 5-го гвардейского авиаполков совершили сорок самолетовылетов. В результате было уничтожено не менее четырехсот солдат и офицеров противника, взорван склад боеприпасов, разрушены оборонительные сооружения. Вслед за бомбовым ударом наши наземные войска освободили это селение.

По отзывам командования 46-й армии, действия авиации в этот период решали успех сухопутных войск. Стоит отметить хотя бы психологическое воздействие наших ударов на гитлеровцев. При бомбежке фугасными бомбами в горах поднимался немыслимый грохот, который длился двадцать — тридцать минут. Обвалившиеся скалы загромождали дороги, камни обрушивались на головы оглушенных фашистов…

Однажды мы заступили на боевое дежурство. Предполагалась разведка в море, но задания не поступало, и несколько экипажей, собравшись у нашей «семерки», вели оживленную беседу. Особенно разговорчивым был молодой штурман сержант Евгений Джинчелашвили, а попросту Джан. Он сегодня летел со мной, в свой первый боевой вылет, вместо заболевшего Никитина. Джан был в ударе и забавлял нас, рассказывая смешные истории, расхваливая на все лады свою солнечную родину.

— Па-а-сматри, какая красота вокруг! А воздух? Его же пить можно, есть! Одним воздухом можно питаться! Верь слову!

— Значит, с завтрашнего дня ты будешь передавать свой паек мне, — послышался сзади знакомый голос.

— Коля? Панов! — раздалось сразу несколько голосов.

— Что, не узнали?

— Как тебя не узнать! По одному трепу…

— Ну, в трепачах у вас, кажется, и без меня недостатка нету. [140]

Поздравив стрелка с возвращением, я предложил ему отдохнуть.

— Нет, командир, хватит, наотдыхался! Чуть с тоски не помер. Разрешите лететь!

— Ну что ж, готовься!

Немного погодя, подошел командир полка:

— Разведка отменяется. Летим бомбить минометную батарею и мортиры на Санчарском перевале. Я, вы и Балин. На подготовку сорок минут.

Техсостав принялся за подвеску бомб, мы со штурманами разобрали предстоящий вылет, установили порядок бомбежки.

— Джан, со сбросом не спеши, — предупредил я. — Осмотрись, выбери наиболее важную цель…

— Будет порядок, товарищ командир! Не беспокойтесь!

Это, конечно, хорошо, что он так в себе уверен. Но еще лучше бы было, если бы в нем был уверен я. Первый боевой вылет, а цель, считай, точечная…

— На маршруте будем вписываться в рельеф местности, — проинструктировал нас майор Ефремов. — Удар наносить с трех заходов, посамолетно, с малой высоты. Для подавления цели использовать и пулеметы…

После взлета командир полка затягивает первый разворот, и мы с Балиным успеваем пристроиться к нему. С набором высоты летим вдоль побережья на Гудауту. Чтобы ввести в заблуждение посты наблюдения противника, заходим к перевалу Санчаро не с юга, а с севера. Миновали Сухуми. Я лечу с принижением на интервале двадцать — тридцать метров от ведущего. Вдруг

замечаю под фюзеляжем машины Ефремова разноцветные светлячки. Скользя, они подбираются к бомбам на внешних подвесках. Никак не могу сообразить, что это такое…

Слышу доклад Панова:

— Командир! К нам пристроился «И-шестнадцать» и обстреливает ведущего!

Черт возьми, пулеметные трассы! Поворачиваю голову вправо — в самом деле «ишак» врезался в наш строй.

— Разрешите, чесану по нему, чтобы опомнился!

— Только не по мотору! Дай впереди заградительную очередь.

Панов выпустил трассу, она прошла перед самым носом истребителя подействовало. «Ишачок» стремительно развернулся и ушел в сторону берега. Потом узнали, что [141] это была машина из авиаполка, несколько дней назад перебазировавшегося для прикрытия сухумского порта. Горячий, но неопытный летчик принял наши машины за немецкие Хе-111, силуэтом напоминавшие ДБ-3ф.

Всякие случайности возможны на войне. Но страшно было подумать, что из-за этой ошибки мы могли лишиться своего командира полка, ветерана морской авиации, одного из тех, кто в сорок первом бомбил Берлин…

Повернув от Сухуми на север, снизились и летели над самыми вершинами елей и кедров. Наш выход на цель явился полной неожиданностью для немцев, их зенитки не успели сделать ни одного выстрела. На переднем крае наших войск были выложены белые полотнища — опознавательный знак, обозначавший, что позиции противника в пятистах метрах впереди.

Мой штурман стал заметно нервничать. Ежесекундно просил довернуть то вправо, то влево.

— Не волнуйся, спокойнее, — пытался советовать я.

Но уже чувствовал, что промажем.

Так и получилось. На первом заходе проскочили цель.

— Один — ноль, в пользу фрица, — невесело пошутил Панов.

Ефремов и Балин отбомбились нормально. Противник опомнился, открыл огонь.

— Ты хоть цель-то видел? — спросил я штурмана.

— Видел… Теперь они от меня не уйдут!

На втором заходе Джан сбросил бомбы прямо на батареи мортир. Черные султаны дыма закрыли их огневые позиции.

— Молодец, штурман!

— Спасибо, командир!

Под огнем вражеских зенитчиков делаем третий заход на

минометы. И эту серию Джинчелашвили положил удачно. Азартный парень! Хороший получатся штурман. Зашли еще раз, и последние бомбы легли в расположение батарей. Лубинец и Панов поливали перевал из пулеметов, настигая разбегавшихся гитлеровцев.

Боезапас кончился, можно возвращаться домой.

— Как впечатление, Джан?

— Нормально.

Ишь ты, какой стал солидный! Но мы-то знаем, что сейчас творится в твоей душе. Первый боевой вылет, первая удача, на миг утраченная и вновь обретенная уверенность в себе…[142]

— Смотри за ориентирами, — напоминаю, как бы напомнил и Димычу.

— Есть!

Ну вот. Никакой обиды, никакого балагурства. Великая школа — бой.

После разбора Ефремов подошел ко мне, протянул руку.

— А тебя должен поблагодарить особо.

— Панова благодарите, товарищ майор. Он первый понял, в чем дело.

— Ну и Панова. Если б не вы, мог бы срезать меня тот «ас». Сам виноват, увлекся маскировкой подхода. А летчик должен видеть вокруг на все триста шестьдесят градусов…

Дальний маршрут

Наступление фашистских полчищ на новороссийском направлении выдыхалось. Их отчаянные попытки прорваться в район Туапсинского шоссе неизменно разбивались об упорное сопротивление мужественных советских воинов. Несмотря на то, что гитлеровское командование бросало в бой все новые и новые части и соединения, дальше цементного завода им продвинуться не удавалось. Путь на Кавказское побережье был прегражден. Однако положение еще оставалось серьезным. Противник не отказался от своих планов захвата Новороссийска и Туапсе, на перевалах Главного Кавказского хребта шли ожесточенные бои. Не добившись успеха на сухопутном фронте, враг все чаще обращал взоры к морю. Не исключалось, что он попытается высадить морской десант на побережье Кавказа. Стало также известно, что итальянская эскадра готовится войти в Черное море через Босфор. Политика Турции становилась явно враждебной. К лету 1942 года в районах, граничащих с Советским Закавказьем, сосредоточилось около двадцати шести турецких дивизий.

Чтобы исключить внезапное появление десантных сил врага, штаб Черноморского флота организовал в шести секторах южной части бассейна Черного моря постоянную воздушную и морскую разведку.

Два экипажа нашего полка впервые вылетели на это задание 12 сентября. Перед капитаном Балиным и мной [143] стояла задача провести дальнюю разведку с целью поиска кораблей и транспортов противника в море. Вместо бомб самолеты вооружили торпедами. Балину предстояло обследовать сектор номер три, по маршруту: Сухуми — Босфор — побережье Турции — Сухуми. Мне — сектор четыре, по маршруту Сухуми — Варна — Бургас — Сухуми. Протяженность моего маршрута над морем составляла две тысячи двести километров. Штурманом ко мне назначили недавно вернувшегося после болезни Николая Колесова.

Хотя оба мы были не новички — о Балине нечего и говорить, но и я уже сделал не один десяток боевых вылетов в различных погодных условиях, — к этому необычному заданию готовились с особой тщательностью. Дело в том, что полеты над открытым морем во многом отличаются от полетов над сушей. Во-первых, лететь приходится без ориентиров, преимущественно на малой высоте, в быстро меняющихся метеорологических условиях. Направление выдерживается в основном по приборам, малейшая неточность летчика, ошибка штурмана, неверное показание

прибора приводят к значительному отклонению от заданного маршрута. Во-вторых, экипаж летит в одиночку. Оторванность от родных берегов, отсутствие "чувства локтя" накладывают дополнительную нагрузку на психику. Как и сознание того, что в случае отказа моторов или другой аварии придется совершить вынужденную посадку или прыжок с парашютом на воду, а в открытом море помощи ждать неоткуда.

Все это требовало от летного состава крепкого морального духа и хорошей специальной подготовки. Кроме своего летного дела мы должны были знать морской театр военных действий, тактику ведения разведки, классификацию кораблей и судов противника, их боевые возможности нести вооружение, сильные и уязвимые стороны. Наконец нам предстояло освоить торпедную атаку на корабли, с чем раньше дела иметь не приходилось. Таким образом назначение на выполнение этого задания было и большой честью и накладывало на нас огромную ответственность.

Погода стояла скверная. Тяжелые свинцовые тучи, пронзительный ветер. По маршруту метеорологи также не предсказывали ничего хорошего.

Закончив последнюю подготовку, мы направились в аэродромную теплушку, чтобы обогреться, перекурить. [144] Лубинец подбросил в «буржуйку» дровишек, в избушке стало веселей, повеяло родным, домашним. Однако мысли вертелись вокруг предстоящего полета. Казалось, все проверено, рассчитано, разобраны различные варианты обстановки, которая может сложиться в длительном полете. И все же все молчали, не было ни шуток, ни смеха. За время совместной фронтовой жизни мы настолько узнали друг друга, что я бы мог безошибочно угадать, о чем думает каждый.

Отворилась дверь, вошел командир полка. Я доложил о готовности, Андрей Яковлевич кивнул.

— Верю, что задание выполните с честью. Уверенность в машине, в своих силах, в умении — ведь это у вас есть? Ну, значит, и все будет в порядке. Желаю счастливого полета по первому дальнему маршруту!

И вот мы выходим к старту. Механик Саша Загоскин прячет нос в ворсистый воротник куртки. Самолет Балина уже набирает скорость. Форсирую моторы, плавно отпускаю педали тормозов, и машина устремляется вперед. Взлет. Глаза различают только два цвета: свинцовый — низких облаков и темно-серый — моря. Через двадцать минут Панов перехватывает радиограмму Балина на берег: обнаружена подводная лодка. Вражеские лодки постоянно патрулируют у Кавказского побережья с целью поиска и торпедирования наших надводных кораблей. Были случаи, когда

обнаглевшие фашисты после неудачной охоты всплывали и обстреливали пушечным огнем железнодорожные составы на берегу. Летим на высоте пятьдесят — сто метров, под нижним слоем облаков. Дождь, сильный боковой ветер. Местами приходится обходить грозовые заряды. Через полчаса узнаем, что Балин был вынужден вернуться на аэродром из-за интенсивной грозовой активности по маршруту.

Мы продолжаем полет. Каждый член экипажа занят своим делом. Летим не на своей «семерке» — на ней меняют моторы, — а на том самолете, который в конце августа потерпел аварию, столкнулся на взлетной полосе с другой машиной. Тогда у него отвалилось крыло, и вот сегодня он впервые поднялся в воздух после ремонта.

Время идет. Позади уже более тысячи километров. По расчетам, должны выйти к Варне, но из-за дождя берега не видно. Разворачиваюсь к Бургасу. Пролетев положенное время, ложусь на обратный курс.

— Штурман, сколько до нашего берега?[145]

— Три с половиной часа.

Проскочили очередную полосу дождя, и вдруг вижу — на нас наползает берег. Резко развернул самолет, мимо крыла промелькнула огромная темная скала.

— Штурман, где мы находимся?

Николай не отвечает. Видимо, сам ошеломлен происшедшим.

— Ну, определился?

— Ничего не понимаю, командир. Никакого берега по расчетам быть не должно. Похоже, попали к туркам…

— Ориентируйся быстрее!

Пока мы препирались, показался пролив Босфор.

— Вот это да! Ничего себе ошибочка, двести километров!

— Очевидно, непорядок с компасами, — недоуменно разводит руками Колесов. — Других причин не вижу.

— А куда смотрел, когда готовили машину?

— Ничего не понимаю… Лично проверял, на аэродроме все было в норме.

— В норме… А бензина знаешь, сколько осталось? Что теперь делать? К туркам лететь заправляться?

— В самом деле, тяни вдоль их побережья, так будет ближе!

Придется так и сделать. Сначала до Синопа, оттуда кратчайшим путем на Сухуми. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, сообщаю штурману остаток бензина, приказываю произвести точный расчет маршрута. Дорого может обойтись эта экскурсия к одному из красивейших проливов мира…

— Командир! — обрывает раздумья Колесов. — Горючего

тютелька в тютельку, в самый обрез!

— Чему же ты радуешься?

— Что все-таки может хватить.

Что тут скажешь? Подбираю наиболее экономичный режим. Кто летал, тот знает, что такое килограмм топлива, когда оно на исходе, а впереди не видно аэродрома. Летим в ста метрах от берега, вода мутная после обильных дождей. Мелькают дома в непривычном стиле, люди, одетые в длинные цветные одежды…

— Ну вот тебе, Коля, экскурсия! Расскажешь после детишкам, если, конечно, останешься жив.

— Шутишь, командир, у меня из головы не выходят: что случилось с компасами?

— Чего теперь гадать? Долетим — разберемся. Если, конечно, долетим. В чем я не так-то уж и уверен.

В районе Зонгулдак встретились с летающей лодкой До-24. Немец шел встречным курсом, видимо, тоже просматривал коммуникации. Слава богу, на нас не обратил внимания, наверно, принял за своих. Показался Синоп с характерным очертанием мыса и бухты. Спрашиваю штурмана, сколько лететь до ближайшего аэродрома, где базируются наши истребители.

— И до них, и до Сухуми час лету, командир.

Да, дела… Взглянул на топливомеры — горючего едва ли хватит. Через полчаса стрелки приборов легли влево до упора, топливо в основных и консольных баках кончилось. Оставалось еще минут на тридцать в аварийном баке, но я не спешил переключаться на него, старался насухо выработать консольные.

— Панов, дай радиограмму на берег: кончается горючее. Сообщи, где нас искать.

На земле слово «горючее» приняли как «горим». Начался переполох, запросы. С трудом объяснили им ошибку.

Еще десять минут моторы работали на консольных баках, выбрали все до капли. Переключился на маленький аварийный бак — последняя надежда. И как раз показался берег и слева по курсу мыс Баглан, наш аэродром.

На стоянке ждали нас Балин, Ефремов, штурман полка Тимонин и инспектор ВВС ЧФ майор Буркин. Командир полка терпеливо выслушал доклад и только после этого выразил свои чувства:

— Фу, черт! Наделали шуму! Сколько находились в воздухе?

— Восемь часов!

— Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Капитан Тимонин, проверьте девиацию компасов.

Когда начальство ушло, Лубинец спросил Колесова:

— А что такое девиация?

— Отклонение стрелки компаса от магнитного меридиана.

— А почему она отклоняется?

— Влияние электромагнитных полей, больших масс железа… Постой-ка, командир! А не повлияла ли торпеда на показания компаса?

— Возможно. Скажи Тимонину. [147]

На другой день установили, что, действительно, подвешенные к самолету торпеды увеличивали девиацию. Ошибка в показании компаса доходила до двадцати пяти градусов. На будущее было принято решение размагничивать торпеды перед подвеской, а с компасов списывать остаточную девиацию и учитывать ее при нахождении на маршруте.

Наступил новый день, 13 сентября. Экипаж готовился к повторному разведывательному полету. Сегодня летел со мной штурман Коля Прилуцкий. Он тщательно изучил маршрут, долго беседовал с Колесовым. После подвески торпеды списали остаточную девиацию, с особым пристрастием проверили все навигационные приборы. Метеосводка не радовала: по всему маршруту грозы, низкая облачность, сильный ветер. Однако отбоя не последовало, мы своевременно поднялись в воздух. Коля уточняет поправку курса, замеряет скорость ветра, рассчитывает время прохода очередной точки маршрута. Работает быстро, уверенно. Все члены экипажа наблюдают за морем. Время бежит быстро, нас уже отделяет от родного берега более тысячи километров. Развернувшись у конечной точки, возвращаемся назад. После почти семичасового полета чувствуется усталость. Как и в прошлый раз, мы не обнаружили в море кораблей и транспортов противника. Экипаж капитана Балина также не встретил врага.

В последующие дни мы с Балиным еще несколько раз вылетали на воздушную разведку. Однако дождь, туман, почти полное отсутствие видимости вынуждали с полпути возвращаться назад. За это время наша «семерка» прошла ремонт и даже частичную модернизацию: в башню вместо пулемета ШКАС поставили крупнокалиберный — 12,7 миллиметра.

— Теперь фрица будем угощать метров с четырехсот! — ликовал Панов.

— А какой боекомплект к нему?

— Маловат, командир. Один ящик, двести пятьдесят патронов.

— Мало! Давайте, ребята, в кабину стрелков брать еще один боекомплект.

— Попробуем!

Готовили машину к полету особенно тщательно, соскучились

по ней, как по хорошему фронтовому другу. [148]

Вечером зашел к комэску. Балин был один. Желтый свет керосиновой лампы падал на непривычно печальное лицо. На столе несколько убористо исписанных листков бумаги. Я уж хотел повернуть обратно. Но Николай Андреевич поднял взгляд.

— Садись. Письмо вот пишу… Сколько отправил, счет потерял. Все без ответа…

Что тут сказать? Я знал, что у комэска жена, дети. Затерялись то ли в эвакуации, то ли на оккупированной территории…

— У меня тоже…

— Знаю.

Помолчали.

— Доволен своей «семеркой»?

— Доволен.

— Завтра опробуй на дальнем маршруте. Не подведет старушка?

— Не подведет. Я к вам, Николай Андреевич, с просьбой.

— Выкладывай.

— Разрешите на обратном пути уклониться от курса, осмотреть побережье Крыма от мыса Тарханкут до Севастополя.

— Проявление инициативы? Ладно, можешь не говорить. Добро! Только смотри, будь осторожен. Противовоздушная оборона Крымского берега организована так, что и муха не пролетит.

— Так то — муха.

— А горючего хватит?

— Все рассчитано, Николай Андреевич.

— Тогда ни пуха, ни пера!

И озорно рассмеялся. Таким и запомнился мне на всю жизнь…

Утро 15 сентября не предвещало ничего ни хорошего, ни плохого: хмурое, сырое, обыкновенное. Николай Андреевич шагал рядом со мной, как всегда, подтянутый и собранный. Кажется, только был чуть задумчивей, чем всегда. Еще не рассвело, ориентировались по огням фонариков — это наши техники готовили самолеты. Пожелав друг другу удачи, разошлись к своим машинам. Через несколько минут взлетели. Почти по всему маршруту моросил дождь, дул сильный ветер.

На обратном пути у траверза мыса Тарханкут я повернул к крымскому берегу. Погода испортилась окончательно, [149] видимость сократилась до ста метров. Набрал высоту, пробил облачность, до самого берега летел в голубом просторе. С приходом в расчетную точку сбавил обороты, снизился до нижней кромки облаков. Внизу показалось море, черное, с седыми

барашками на гребнях волн, видимость улучшилась, и мы сразу заметили торпедный катер. На такую малую цель торпеды пожалели, обстреляли катер из пулеметов и повернули домой. Остаток маршрута прошли на малой высоте в зоне дождя. На аэродроме я первым увидел штурмана полка Тимонина.

— Балин еще не вернулся?

— Ждем с минуты на минуту…

Но прошел час, другой, а комэска не было. Обзвонили все близлежащие аэродромы, ответ был один: не видели, не садился. Мы знали, что Николаю Андреевичу не раз приходилось выкарабкиваться из серьезных переделок. Но чем больше проходило времени, тем и больше росла тревога. В конце концов стало ясно — беда.

Трудно терять боевых друзей. Тем более так вот: пожал руку, пожелал удачи и ушел. Ушел навсегда.

Скупы фразы военных документов. В боевом донесении командиру 63-й авиационной бригады за 15 сентября 1942 года сообщается:

"…С боевого задания не возвратился экипаж командира 1-й авиаэскадрильи в составе капитана Балина Н. А., штурмана капитана Кочергина Г. П., стрелка-радиста сержанта Колосовцева В. А., стрелка краснофлотца Торопова А. Н.".

Всего несколько строк, а за ними — жизни…

В прицеле — корабли

В связи с активизацией перевозок фашистских войск и техники по Черному морю перед нашим полком была поставлена задача наносить удары по кораблям и судам противника на его морских коммуникациях и в портах Крыма.

Бомбометание по морским целям представляет большую сложность. Корабли и суда — малоразмерные подвижные цели, способные к широкому маневрированию; так называемый противовоздушный зигзаг, применяемый ими, весьма эффективен при защите от нападающих самолетов. Зенитная артиллерия транспортных судов и кораблей охранения способна создать мощную завесу огня. [150]

Наш полк со дня его сформирования имел дело с наземным противником, и новая задача требовала от летного состава тщательной подготовки. Особое внимание уделялось тактике, обсуждались вопросы разведки противника, варианты подхода к цели, взаимодействия на боевом курсе и во время бомбометания.

28 сентября мы получили приказ уничтожить плавсредства противника в порту Керчь. На это задание было выделено шесть самолетов. Ведущими звеньев летели Гаврилов и Трошин. Наш экипаж был весь в сборе: как раз накануне из лазарета выписался Никитин.

Подготовившись к вылету, все отдыхали под своими самолетами на краю аэродрома. Рядом переплетались виноградные лозы. Ребята лакомились виноградом, Овсянников с Мишей Петроченко делились воспоминаниями о боях за Одессу, Крым и Севастополь, где им обоим пришлось хлебнуть лиха. Воевали они с первых дней войны, имели более сотни боевых вылетов, ранения и контузии, неоднократно попадали в переделки. Например, в конце сорок первого над Керчью самолет, где штурманом был Овсянников, атаковали несколько неприятельских истребителей. Благодаря умелому маневрированию, удалось уйти от наседавших врагов. Но машина получила серьезные повреждения. Оставить самолет нельзя, летчик Беликов был тяжело ранен. Овсянников сам привел на аэродром изрешеченную машину. С тех пор Беликов с Овсянниковым никогда не расставались и в нашем полку летали вместе, но сегодня Беликов заболел и Овсянникова назначили штурманом звена к Трошину.

Погода выдалась на редкость хорошая. Ярко светило солнце, небо и море сливались в одну бесконечную лазурную даль.

Дробно застучал телеграфный аппарат, установленный тут же

под деревьями. Задремавший было майор Пересада вскочил, прочитал ленту.

— Уничтожить транспорты противника у мыса Меганом. Следуют курсом восемьдесят градусов со скоростью десять узлов…

Быстрым шагом направляемся к самолетам. По дороге Овсянников предупреждает летчиков и штурманов звена:

— На боевом курсе сомкнуть строй до предела, чтобы разброс бомб был минимальным. Сбрасывать по ведущему. [151]

— Ясно!

— Ни пуха, ни пера!

— К черту!

Взлетела тройка Гаврилова, затем наша. Набрав высоту, легли на курс. На борту тишина. Бросаю взгляд на Димыча — как он после болезни? Сосредоточенно колдует над картой, лицо еще желтое, осунувшееся, но движения точны и рассчитано скупы. Да, здорово война меняет людей, вчерашние мальчишки за несколько месяцев становятся зрелыми, опытными воинами. За время болезни Никитина мне пришлось летать с тремя штурманами, и хотя все они хорошие специалисты, ни с кем не было так спокойно, как с Димычем. Что это, привычка или родства душ? Вспомнились слова Николая Андреевича Балина: "Экипаж — это боевая единица. Единица! Объединить в одно целое нескольких разных людей со всеми привычками, взглядами, достоинствами и недостатками, скоординировать их действия, научить понимать друг друга с полуслова…"

Воспоминание о погибшем командире отозвалось в сердце острой тоской. Чтобы отвлечься, принялся разглядывать землю. Позади Сухуми, Гудаута, Адлер. От Сочи повернули налево. Видимость до самого горизонта отличная, но беспокоит боковой ветер. Никитин то и дело вводит поправки. Вот оно, Крымское побережье. Не долетев километров пятнадцать, группа развернулась на запад.

На траверзе Судака обнаружили противника — десять кораблей в кильватерной колонне шли курсом на восток. Позиция для нас выгодная, заходим со стороны солнца. Звено Гаврилова легло на боевой курс, атакуя флагмана, мы нацелились на второе судно. Теперь разглядели: отряд противника состоит из трехсотпятидесятитонных быстроходных барж. Кораблей охранения нет. Правда, и сами баржи обладают хорошим зенитным вооружением: два двадцатимиллиметровых автоматических орудия типа «эрликон», два спаренных крупнокалиберных пулемета, семидесятипятимиллиметровая пушка. Все это, умноженное на десять, для шести наших

самолетов — вовсе не шутка.

Действительно, на боевом курсе нас встретил такой огневой заслон, что все пространство вокруг зарябило разрывами, пулеметными трассами. "Симфония смерти", как называет Димыч. [152]

Трошин передал по радио, что будем делать два захода. При таком огне!

— Первое звено начало бомбометание, — доложил Панов.

Все внимание на ведущего. Высота строго заданная, скорость постоянная, курс определенный. С ослепительными вспышками рвутся перед глазами снаряды, светящиеся трассы пронизывают наш строй.

Во что бы то ни стало курс и скорость выдерживать. Во что бы то ни стало!

Трошин с Овсянниковым начали сбрасывать бомбы. Пошли вниз и наши. Через несколько секунд ликующий крик Лубинца:

— Товарищ командир, прямое попадание в баржу!

Фашисты начинают маневрирование. Маневренность у этих судов отличная. Мы делаем второй заход. Трошин идет на головную баржу, по которой неудачно отбомбилось звено Гаврилова. Весь огонь переносится на нас. Небо кипит. Трассы прошивают крылья всех трех машин, но атака продолжается. Боевой курс. Минуты, равные вечности…

Все-таки Овсянников чуть поторопился, бомбы легли в десяти метрах от баржи, подняв огромные водяные столбы. Резким разворотом со снижением Трошин выходит из зоны обстрела, уводит звено в сторону моря.

— Жаль, поспешили, — досадует Никитин.

— Оттого, что прицеливались звеном. Нужно учесть на будущее.

— Ничего, — успокаивает нас Панов. — Все-таки одна баржа пузыри пускает. И страху на фрицев нагнали порядочно, больше не будут разгуливать среди дня!

Четыре с половиной часа полета позади. Мы на земле. Короткий разбор, и снова в воздух. Летим бомбить плавсредства в Керченском порту. Два звена наши, третье — соседей-гвардейцев.

Ясно, что встреча будет горячей. Девяткой трудно строить противозенитный маневр, а главное, поражать рассредоточенные корабли противника. Поэтому решено атаковать звеньями. К Керченскому полуострову подходим с моря, со стороны солнца. Вот уже видны обрывистые склоны горы Митридат. Еще десять минут, и мы над целью. Строй разомкнулся, каждое звено стало выходить [153] на свой объект. Наши — на плавсредства у Генуэзского мола. Прорываемся сквозь заградительный огонь,

внизу хорошо видны баржи, понтоны, тральщики, катера. Серии бомб накрывают цели, на берегу взрывы, пожары, вокруг кораблей, у причалов — султаны воды, озаряемые огнем…

Круто развернувшись, берем курс на Таманский полуостров. По пути на аэродроме Керчь-2 обнаруживаем до полусотни вражеских самолетов, в Таманском порту — десятки десантных катеров, барж, сейнеров. По дороге на Вышестеблиевскую — сотни автомашин, танков, орудий…

— Командир, «худой» со стороны солнца! — докладывает Панов.

Наша девятка быстро перестроилась для боя. Когда фашист приблизился на пятьсот метров, к нему густым пучком протянулись огненные трассы. Словно огромный барабан, загрохотал пулемет Панова. Не долетев двухсот метров, «мессер» отвернул, зашел в атаку еще раз, проскочил на предельной скорости наш строй, но, встретив плотную завесу огня, ушел в сторону берега.

Остальной путь прошел спокойно.

На аэродроме, доложив о выполнении задания, всей гурьбой отправились в столовую. Появился комиссар полка Свиногеев:

— Только что проявили пленку. В результате вашего удара потоплено три тральщика, четыре десантных катера, три сейнера, две десантные баржи, уничтожено двадцать автомашин. От души поздравляю! Так держать!

Столовая ответила радостным гулом.

— За это не грех и выпить! За победу! — провозгласил тост комиссар.

Дружно звякнули алюминиевые кружки.

День ознаменовался еще одним событием — баней. Только фронтовик может знать, чем она являлась в то время. Набитая до отказа полуторка, возглавляемая командиром полка, с песнями въехала на окраину поселка Дранды. Тут уже все было готово.

— Эх! Еще бы по кружечке пива! — мечтал кто-то, натягивая чистое белье в предбаннике.

— Немного придется потерпеть. Выпьешь баварского под Берлином.

— Только сначала Берлин надо взять!

— Ну, за этим дело не станет!

На ночь полеты отменили, и мы получили долгожданный отдых. [154]

Бомбы под эшелоном

Серое утро 18 сентября. Мелкий дождь. Семь самолетов с подвешенными бомбами заступили на боевое дежурство. Готовность к вылету — двадцать минут. Никитин снова слег, штурманом ко мне назначили старшего сержанта Сергея Одинокова, до этого он летал с Артюковым. Белобрысый, с добрым взглядом серых, чуть не девичьих глаз. В эскадрилье его любили за мягкость, дружелюбность характера. Однако боец отважный и мужественный. Окончил Чкаловское авиационное училище, служил в авиации Краснознаменного Балтийского флота. Более четырех десятков успешных боевых вылетов.

Как всегда, к стоянке дежурных самолетов первым подошел майор Пересада с разведсводкой в руках. Зачитав ее, перешел к боевому заданию.

— В порту Балаклава воздушной разведкой обнаружено до десяти кораблей и транспортов противника. Двум звеньям нашего полка совместно со звеном пятого гвардейского приказано нанести по ним бомбовый удар. Гаврилов — ведущий девятки. Вылет по готовности.

Старший группы установил порядок взлета, строй на маршруте, очередность бомбометания.

— До Гудауты летим вдоль побережья на высоте пятьсот метров, затем вне видимости берега. На цель заходим со стороны моря. Бомбометание — с первого захода, прицельно, звеньями с высоты две пятьсот — три тысячи метров. Ведущее звено наносит удар по целям в глубине бухты, правое — в центре, левое — в начале.

Через полтора часа полета сплошная облачность скрыла впереди идущие машины. Группа снизилась, полетела под нижним краем облаков. В кабине стало холодно и сыро.

— Как настроение? — спрашиваю штурмана.

— Неуютно, командир, ни одного ориентира. Как бы не проскочить цель…

Снизились до восьмисот. Показался скалистый берег Крыма с мысами Айя и Феолент. Как ни старались подойти скрытно, нас встретил смерч огня. Вскоре открылась бухта и стоящие в ней корабли. Ведущее звено начало бомбометание. Огонь врага стал еще плотнее, трассы то и дело скользили по плоскостям. Легкий толчок — сброшены бомбы. Выхожу из района цели, я вдруг слышу виноватый голос [155] Одинокова:

— Товарищ командир, не все бомбы оторвались, пять висят в люках!

Что делать? Впереди уже видна Сапун-гора. Ведущее звено ложится на курс отхода. Круто разворачиваюсь, снова иду на порт. Над бухтой стелятся космы черного дыма, горят суда, склад горючего на берегу…

— Командир, — докладывает Лубинец, — за нами на повторный заходит звено Казанчука!

Видно, и у них с первого раза не получилось. Компанией веселей идти навстречу завесе огня. Пулеметная очередь прошила плоскость, обшивка вспучилась, самолет резко кинуло влево. Штурман доложил, что бомбы сброшены.

"Не по цели…" — мелькнуло в голове. Маневрирую, чтобы сбить немецких зенитчиков, на максимальной скорости вырываюсь из зоны огня, ухожу в сторону моря.

— Как отбомбились второй раз?

— Трудно сказать, командир, — отвечают Лубинец и Панов. — Над целью сплошной дым, не разобрать…

— Ладно, на земле разберемся!

На душе неприятный осадок. Два раза прорываться через заслон и так неудачно отбомбиться! Причина одна — недостаточная слетанность. Молчим до самого аэродрома.

Возвращения группы с нетерпением ждали. Гаврилов, как всегда спокойный, доложил командиру полка:

— Задание выполнено. Визуально наблюдали прямое попадание в транспорт и десантную баржу. В районе причала лично видел большой взрыв, предполагаю, что склад с боеприпасами.

— Молодцы, если так! — пожал ему руку Ефремов. — Григорий Степанович, после проявления пленки составьте списки на награждение отличившихся.

— Есть! — ответил начальник штаба.

Через час узнали результат. Взорван склад боеприпасов, уничтожено два транспорта, три быстроходные баржи, буксир, пять катеров. Один транспорт горит. Кроме того, разбомбили железнодорожный состав у причала. Бомбы рвались под вагонами.

— Ума не приложу, как вы их могли с такой высоты туда положить? — удивлялся майор Пересада.

— Виноват наш экипаж, — догадался я. — Мы бросали бомбы из-за угла…[156]

Все расхохотались. Мы с Одиноковым рассказали, как на втором заходе, имея левый крен на развороте, сбросили добавку.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло! — рассмеялся Григорий Степанович. — Побольше бы таких промахов!

В эту ночь я долго не мог уснуть. То ли от холода, то ли от

беспокойных мыслей. Вокруг слышалось мирное посапывание, ребята спали, поджав под себя ноги. "Как перочинные ножи", по выражению одного из остряков. В углу класса вполголоса переговаривались Гаврилов и Казанчук, вспоминая перипетии сегодняшнего вылета.

А мои мысли то и дело возвращались к родному дому, родному городу, оккупированному фашистами. Картины одна мрачнее другой сменялись перед глазами. Мать, отец, бабушка, брат, Тамара… Живы ли они? Что с ними? Только теперь я по-настоящему понял, как они мне дороги, как мало успел я сделать для них…

В разведке

Во второй половине сентября боевые задания по бомбежке плавсредств и портов мы, как правило, стали выполнять только по получении данных воздушной разведки. Рано утром самолеты уходили к берегам Крыма, выслеживая корабли и транспорты, укрывшиеся на день в портах под защитой береговых средств противовоздушной обороны. К полудню начинали поступать сведения, и тогда дежурные экипажи поднимались в воздух.

День клонился к закату, а аэродром гудел точно улей. С боевого задания возвращались и наши машины, и самолеты гражданского воздушного флота. Начиная с 26 августа летчики 8-го отдельного транспортного полка ГВФ с нашего летного поля снабжали войска, сражавшиеся на перевалах, оружием, боеприпасами, фуражом и продовольствием, делая по шесть-семь вылетов в день. Возвращаясь назад, вывозили раненых. На легких машинах По-2, Р-5, АнТ-9 они творили чудеса. Садились на такие пятачки, что просто уму непостижимо, летали под непрерывным обстрелом врага.

Мы восхищались мужеством и неутомимостью этих ребят. [157] Вот приземлил свой Пе-2 Петр Лебеденко. Соскочил с крыла, стащил шлем, отирает пот. Лицо усталое, глаза красные…

— Как там дела?

— Трудно, братцы! С первого захода не сядешь, считай, что второго не будет. Нам трудно, а там… Идут в бой — паек оставляют. Вместо него патроны в вещмешок… — Петр вздохнул, усмехнулся. — Сегодня сам с ними в атаку ходил. Подлетаю, вижу — отходят. Стреляют редко, значит, боеприпасы кончились. Присмотрел пятачок. Фашисты бьют вовсю, патронов не жалеют. Эх, думаю, пан или пропал! Приземлился, выхватил пистолет и навстречу. "Давай, ребята, — кричу, — вытаскивай ящики, занимай оборону, отобьемся!" Принесли патроны, огонь сильнее стал. Потом в контратаку пошли, перевал отбили. Ну, говорят, теперь лети, не беспокойся, перевала им, как своих ушей, не видать. Только боеприпасов подкидывай. Не тот уже немец стал, выдыхаться начал…

С рассветом 20 сентября вылетели на разведку дальних морских коммуникаций противника. Через час показался Крым. Все внимание на море. Прямо по курсу — торпедный катер. Штурман уточняет место, курс, скорость. Панов передает на землю радиограмму.

В районе Феодосии, курсом на Керчь — две десантные баржи в сопровождении сторожевого катера. Сообщаем и о них. Около

Севастополя еще один сторожевой катер…

Проходит три часа полета, на горизонте Одесса. Разворачиваемся на обратный курс. На траверзе мыса Херсонес встречаем три торпедных катера, идущих в сторону Ялты.

— Разгулялись фрицы, — с горечью констатирует Лубинец. — Мало ко дну пускаем.

— Ничего, Алексей, — утешает Димыч. — Скоро промышленность развернется как следует, начнет подбрасывать самолеты, тогда не погуляют!

— Скорей бы!

…Разговор тут же гаснет. Усталость. Седьмой час в воздухе. Подлетая к аэродрому, встретили шесть наших машин. Может быть, полетели на обнаруженные нами цели?[158]

На следующее утро снова получаем то же задание. Никитину не нравится.

— Похоже, что мы превращаемся в штатных разведчиков.

— Что поделаешь, штурман, начальству виднее.

Конечно, ходить на бомбежку почетней. И результат налицо. А длительный, нудный полет на разведку выматывает все силы, вызывает досаду. Видит око, да зуб неймет. Но ведь и правда, начальству виднее, кого куда посылать. И если взглянуть не со своей колокольни, то неизвестно еще, что результативней. От разведки зависит успешность бомбоударов. И что почетней, тоже подумать надо еще. Экипажи воздушных разведчиков должны быть надежны, внимательны, действия всех и каждого слажены, как в хорошем оркестре. Вдали от берегов, где глазу не за что зацепиться, никто не подскажет летчику и штурману место, курс. Экипажу самолета-разведчика приходится входить в визуальный контакт с противником, а зачастую и в огневой, отбиваться от истребителей… И всё — в одиночку.

В этом полете произошло только одно интересное событие: мы встретились с До-24, которая, очевидно, выслеживала наши подводные лодки. Несколько минут шли параллельными курсами, зорко следя друг за другом.

— Ну и корова! — дивился Никитин. — Жаль, что у нас «эрэсов» нет…

— Можно и из крупнокалиберного пощекотать, — загорелся Панов.

— Шустрый ты больно! Она тебя так пощекочет, что и мать родную забудешь. Для нее твои крупнокалиберные — что слону дробина!

— Бросьте! — пришлось оборвать бесполезный спор. — Ввязываться в поединок мы не имеем права. Наша задача — разведка, а не мушкетерские дуэли.

Вскоре летающая лодка изменила курс и скрылась из виду.

Вечером в курилке рассказали о встрече товарищам. Все пожалели, что установка на наших машинах реактивных снарядов задерживается. Пока мы летали на разведку, однополчане тоже не сидели, сложа руки. Стародуб, Беликов и Казанчук два раза бомбили войска противника на перевале Санчаро. Трошин, Андреев и Пульнин — плавсредства в Балаклаве. [159]

Подошел комиссар Ермак.

— Ну, ребята, завтра предстоит горячий денек. Кстати, пришло подтверждение на повреждение транспорта и телеграмма с перевала от командира триста седьмого полка шестьдесят первой стрелковой дивизии, благодарит за помощь…

22 сентября. Мы затемно на аэродроме, готовимся к вылету. Выслушав доклад Варварычева, осматриваю машину, проверяю подвеску десяти фугасных бомб. Молодец Иван, все в порядке. Когда он успевает, ума не приложу. Не только исправить повреждения, устранить неполадки, но и что-то улучшить, усовершенствовать, сделать удобней в обращении. И не затем, чтобы заметили, похвалили, просто это у него в крови.

Направляюсь в штабной домик — уточнить обстановку, получить разрешение на вылет.

За столом майор Пересада, что-то помечает в журнале боевых действий. Оперативный дежурный молча наблюдает из-за спины. Тоже вот и начштаба, когда он спит? И спит ли вообще? Провожает и встречает экипажи, возится с кучей журналов, донесений, приказов, готовит боевые задания…

— Вот познакомься с задачей, — придвинул журнал. — Что не ясно, спроси.

Все ясно. Искать торпедные катера и подводные лодки от Туапсе до Керченского пролива. Немцы активизировали действия на наших коммуникациях, срывая морские перевозки топлива, техники, боеприпасов…

— Разрешите идти, товарищ майор?

— А если встретите лодку под перископом или сидящую на воде «дорнье», какие наши действия?

— Бомбить!

— Но одновременно дать по флоту радиограмму. На побережье дежурят истребители и бомбардировщики, они тоже вылетят на уничтожение этих целей.

Григорий Степанович кивнул на подоконник.

— Возьмите пакет и термос, в столовую не скоро попадете.

Зашипела ракета, прочертив дугу над ночным аэродромом, тени самолетов задвигались, будто бесшумно выруливая на старт. Со стороны прожектора мигнул зеленый огонек карманного

фонарика: взлет разрешен. [160]

В небе уже рассвело. Сегодня со мной штурманом летит Николай Прилуцкий, Никитин опять заболел. С Колей я уже слетался, претензий друг к другу не имеем.

— Как настроение?

— Бодрое, командир!

У входа в Керченский пролив наткнулись на сторожевой катер. Панов успел выпустить несколько очередей, с борта тоже протянулись пулеметные трассы. Бомбить катер не имело смысла, он шел на большой скорости, вероятность попадания в такую посудину ничтожно мала. Остальные четыре часа прошли вообще впустую.

— Не везет! — сетовал Прилуцкий. — И видимость хорошая, а ни фига!

— Это же охота. А на охоте разве всегда везет?

— С такой охотой с голоду подохнешь!

Так ни с чем и вернулись.

А в тот день Ефремов водил четыре самолета бомбить урочище Умпыр, Стародуб громил войска противника на перевале Санчаро. Беликов, Алексеев и Казанчук потопили транспорт, взорвали склад боеприпасов в Феодосии…

К вечеру полк облетела весть о подвиге воздушных стрелков Смоленского и Фадеева.

При бомбежке перевалов на самолете Трошина отказали замки бомбодержателей. Две бомбы зависли под центропланом. Все попытки освободиться от них ни к чему не привели. Садиться с бомбами — больше половины шансов снова взлететь на воздух, но уже в виде мельчайших осколков, обломков, липкой, розоватой пыли…

Выход нашли стрелки. Проникли в бомболюк, невероятными усилиями сняли несколько бомб, перетащили в фюзеляж самолета. Вывернули взрыватели. Снова вернулись в бомболюк. Повторили все с остальными бомбами. Затем, пробив аварийным ломом дыры в полуоткрытых створках, Смоленский ощупью вывернул взрыватели из бомб, зависших на внешней подвеске.

Скромные, до сих пор незаметные ребята.

— С такими можно в огонь и в воду! — сказал майор Стародуб.

Командир полка представил обоих к правительственным наградам.

Вечером на открытой веранде школы Гриша Сергиенко [161] давал импровизированный концерт. У него был приятный, выразительный голос. Аккомпанировал на гитаре и подпевал Миша Петроченко. Знакомые довоенные и военные песни. Их

слушали так, что могли бы позавидовать и профессиональные артисты. Действительно, "после боя сердце просит музыки вдвойне", как говорилось в одной из фронтовых песен. Кто мог подумать тогда, в тот ласковый сентябрьский вечер, что вскоре одного из двух этих певцов не будет с нами…

К ночи погода испортилась, по крыше забарабанил дождь. Снова я долго не мог заснуть. Неужели нервы? Душу охватил страх. Что за летчик с растрепанными нервами? Изо всех сил старался внушить себе "Спать, спать, спать"!

Утром первым вышел на крыльцо, взглянул на небо. Дождь кончился, но все вокруг заволокло туманом. Значит, вылетов сегодня не будет. Пожалуй, и к лучшему. Но через час поднялся ветерок, туман поредел, и мы вылетели на разведку. Машина с трудом оторвалась от липкого, расквашенного чернозема, послушно легла на заданный курс. Прилуцкий уткнулся в карту, деловито орудуя навигационной линейкой.

— Над чем колдуешь? — попытался я разговором рассеять смутное беспокойство, оставшееся в душе после полубессонной ночи.

— Проверяю расчеты, — как всегда бодро откликнулся Коля. — Погодка-то не балует! Лучше сейчас потрудиться, чем после плутать.

Мешать ему не стоило.

— Ну ладно, колдуй!

— У нас не колдовство — математика!

Подошли к заданному сектору. Для начала решаю проверить толщину облаков — на случай встречи с истребителями. Предупреждаю Прилуцкого. Слой оказался не толстым, через несколько минут мы уже в чистом небе. Глаза слепнут от ярких лучей, внизу белоснежные дюны.

— Командир, через пять минут точка начала поиска!

— Иду вниз!

Поверхность моря ровная, светлая. Вывожу машину в горизонтальный полет, приступаем к поиску. Стальная, безжизненная гладь. [162] Неужели опять вернемся, ни с чем? Правда, майор Пересада говорит, что в разведке отрицательный результат — тоже результат. Но это мало утешает.

— Командир! Справа на дистанции семисот метров — перископ!

На светлой родной глади четко, как на контрастном фотоснимке, виден черный колышек. Перед ним невысокий бурунчик, позади белая пенистая полоска. Сомнения нет!

— Штурман, приготовиться…

Пока разворачиваюсь, перископ исчезает.

— Тоже не дремлют! Вот шельма! — ругается Лубинец. — Ну подожди, я тебя подкараулю…

Бомбить предполагаемое место бесполезно: фугаски взорвутся у поверхности, а лодка наверняка ушла на глубину.

— Были бы противолодочные бомбы… — досадует Прилуцкий.

— Ладно, штурман, мечты потом. Дай радисту координаты!

Панов берется за ключ, на далекую землю летят сигналы морзянки.

Галс за галсом продолжаем утюжить море. Час, другой, третий…

— Слева перископ! — голос Лубинца.

Начинаю разворот, до боли в глазах всматриваюсь в море. В самом деле, что-то есть. Может, на этот раз не упустим? Штурман открывает бомболюки, припадает к прицелу.

Сближаемся и вдруг видим — обыкновенный топляк, торчком плывущее бревно.

— Фу, черт…

Общий хохот.

— Перископ без лодки! Где лодка, Лубинец?

— А что я ее… носом чуять должен? Что я, кот, что ли?

— Не кот. Ты сокол! Должен видеть и сквозь воду.

Вскоре нам на смену прилетел экипаж Андреева. Берем курс к дому. Зорко следим за воздухом. Это стало законом — бдительность до самого аэродрома. Истребители противника шарят повсюду. На днях «мессершмитты» сбили Пе-2, когда он заходил на посадку. Экипаж чувствовал себя уже дома, беспечность оказалась роковой…[163]

Пока мы вели разведку, звено, возглавляемое летчиком Трошиным и штурманом Зимницким, с ведомыми Казанчуком и Алексеевым, летало бомбить плавсредства в Феодосии. Враг встретил нашу тройку сосредоточенным огнем еще на дальних подступах, прицельно отбомбиться не удалось, бомбы попали в пакгаузы и причалы, вызвав многочисленные пожары на территории порта.

Экипажи Стародуба и Беликова нанесли удар по войскам противника на перевале Санчаро, а затем дважды успешно заходили на штурмовку, поливая гитлеровцев пулеметными очередями.

Еще полетаем вместе!

На земле, на море и в воздухе шли ожесточенные бои. Они не прекращались ни на минуту. Ни днем, ни ночью не смолкали пулеметные очереди, грохот пушек, завывание авиационных моторов. Воздух пропитался тротиловой гарью, дымом пожарищ, тленом. Тонули корабли, взрывались самолеты, горели танки. Израсходовав резервы и убедившись в бесплодности дальнейших атак, враг в конце сентября перешел к обороне. На земле наступила оперативная пауза, но для нас передышки быть не могло. Бомбоударами мы поддерживали наши закрепляющиеся войска, громили колонны техники и живой силы противника, эшелоны на железнодорожных станциях, наносили удары по перевалам Кавказского хребта, по кораблям в портах и в море, ставили минные заграждения, вели ближнюю и дальнюю разведку…

25 сентября на рассвете вылетели на воздушную разведку вдоль Кавказского побережья с целью поиска кораблей и подводных лодок противника. Стояло прозрачное осеннее утро с легкой дымкой у горизонта. Коля Прилуцкий внимательно всматривался в рябоватую поверхность моря, искрящуюся тысячами солнечных бликов. Через час заметил перископ, а еще через полчаса все мы увидели субмарину, шедшую в надводном положении. Атаковали. После нескольких пулеметных очередей лодка погрузилась, исчезла под водой. У Керченского пролива обнаружили две быстроходные баржи, выпустили по ним весь боекомплект.

Только приземлились — очередное задание: нанести удар по противнику у Чернореченской. Вылетаем тремя [164] звеньями. Первое ведет Стародуб, второе Казанчук, третье — я.

Чтобы ввести в заблуждение вражеские наблюдательные посты, заходим не справа, откуда они привыкли нас ждать, а с противоположной стороны.

— Цель вижу! — докладывает Прилуцкий.

Секунды на боевом курсе, и вниз устремляется стая бомб. Красно-черные кусты распускаются на земле. Еще дважды заходим на цель, уже в качестве штурмовиков, пустив в ход пулеметы.

— Сфотографировали?

— Порядок! — отвечает Лубинец. — Можно для самого Гитлера экземпляр отпечатать на память.

В этот день поднялись в воздух еще раз. Уже вечерело, когда полетели к урочищу Умпыр, около одного из горных

перевалов, — здесь были обнаружены артиллерийские позиции противника. Возглавлял звено Андреев, Артюков и я были ведомыми.

Штурманом у меня снова Никитин: только приехал из лазарета, и сразу в полет.

Прошли над морем, затем, набрав высоту, повернули в горы. Величественный пейзаж: черные, теснящие друг друга громады в белоснежных остроконечных шапках. Высотомер показывает четыре тысячи, а вершины под нами метрах в пятистах. Перед целью расходимся, самостоятельно выбираем объект атаки. Димыч уверенно выводит машину на боевой курс, не отвык на больничной койке. Противник молчит, безмолвие гор ощущается даже сквозь гул моторов. Кажется, что звенят туго натянутые нервы. Пара-другая кнутов «эрликонов» послужила бы сейчас успокоительным средством. Но нет, молчат…

— Пошли, родимые! — слышу опять привычное.

Ну вот, уже легче.

— Куда легли?

— В южную часть урочища! — сразу отвечает Панов.

— Командир, разворачивайся на второй заход! — кричит Димыч. — Засек позицию мортир, вижу вспышки выстрелов!

Снова: "Пошли родимые!".

— От фрицевских мортир — один ориентир! — это Лубинец, конечно.

— Командир, заходи на третий!

В третий раз устремились бомбы на головы мечущихся гитлеровцев. [165] Четвертый и пятый заходы — штурмовые. Утюжим урочище, прочесывая его пулеметным огнем.

— Патроны кончились!

Увеличиваю скорость, набираю высоту, догоняю ведущего.

— Какой ты там ориентир заметил? — спросил Димыч у Лубинца, когда приземлились на аэродроме.

— Мокрое место! — приглаживая соломенный чуб, ответил тот.

После разбора меня задержал майор Пересада. Протянул телеграмму из штаба ВВС. Предписывалось немедленно откомандировать штурмана Никитина на академические курсы.

— Ну, что скажешь?

— Жаль, слетались… Друг друга без слов понимаем…

— Ничего не поделаешь, война предстоит еще долгая. И с фронта нужно посылать людей учиться. Спорить не приходилось.

— А кого ко мне определите?

— Кого хочешь. Разумеется, из безлошадных.

— Пока Осипов лечится, разрешите летать с Прилуцким?

— Сегодня же подготовлю приказ.

Узнав новость, Димыч только растерянно развел руками. Приказ есть приказ.

Вечером эскадрилья устроила проводы боевому товарищу. Вспомнили о трудных вылетах, удачах и промахах, пожелали Димычу после учебы стать флаг-штурманом эскадрильи, а то и полка. Нашлись шутники, принялись подбирать разные высокие тыловые должности.

— Бросьте друзья, мы еще на Берлин вместе бомбочки покидаем, — отбивался как мог бедный Димка.

Потом умолк. Слишком уж неожиданно свалилась на него эта перемена.

Нечего греха таить, не все сразу пошло у нас с ним ладно и гладко. Бывали и просчеты, и минутная растерянность, и непонимание. И вот, когда позади тысячи и тысячи совместно налетанных километров, огромная школа боевого опыта, взаимодействия… Да разве только в этом дело? Дружба, ведь она тоже фактор в бою. Еще и какой![166]

— Ничего, Вася, еще полетаем вместе! — будто угадал он мои мысли.

— Твоими бы устами…

Мы обнялись.

Засыпая, я старался получше запомнить друга. Вот он, невысокий, ладный, в короткой летной курточке, с копной русых, спадающих на лоб волос, шагает к самолету, весело махая рукой техникам. Или сидит при коптилке, усталый и бледный после дневных полетов, уткнувшись в свою потрепанную карту…

Наутро он уехал.

Всякое случается на войне. И не только, плохое. "Еще полетаем вместе…" Конечно, это было сказано так, не всерьез. Какова же была наша радость, когда спустя двадцать месяцев после этого вечера мы с Никитиным встретились вновь. И много раз еще в самом деле летали на боевые задания вместе…

Фронтовая академия

К концу сентября погода окончательно испортилась. С неба не сползали тяжелые, непроницаемые тучи, целыми днями моросил дождь, дул холодный, порывистый ветер. Метеорологи предсказывали затяжное ненастье. Полеты на время пришлось прекратить. Командование решило использовать это время для проведения конференции по обмену опытом боевой работы. Собрались в школьном зале.

Конференцию открыл командир полка. Охарактеризовав положение на фронте, кратко остановился на наших задачах.

— Целей у нас много, товарищи, и на земле, и в воздухе, и на море. А задача одна: уничтожать фашистов, где бы они ни находились. Как мы выполняем эту задачу? Вчера мы с комиссаром беседовали с членом Военного совета сорок шестой армии. Командование армии высоко оценивает боевые действия частей шестьдесят третьей авиационной бригады. Наши бомбежки перевалов имели очень большое значение для успешных действий сухопутных войск. Слышать это, конечно, приятно. Но мы собрались не за тем. Необходимо проанализировать боевую деятельность полка, обменяться опытом, вскрыть характерные ошибки и отыскать пути их устранения. [167]

Андрей Яковлевич назвал ряд успешных, эффективных ударов и ряд досадных промахов, остановился на работе инженерно-технического состава, упомянул несколько случаев, когда самолеты вынуждены были вернуться, не долетев до цели из-за технической неподготовленности.

В заключение командир полка сказал:

— План выполнения боевого задания следует разрабатывать на земле, а в воздухе решительно осуществлять его. Под огнем зениток и истребителей размышлять некогда.

Заранее подготовленных выступающих не было. Первым из «добровольцев» вышел штурман Петроченко. Он рассказал, как они с летчиком строят обманный маневр у цели.

— Находим какой-нибудь второстепенный объект и ложимся на ложный боевой курс. Когда зенитки сосредоточат на нас огонь, резко переходим на фактический курс, притом со стороны солнца. Рассчитываем так, чтобы вражеские зенитчики не успели пристреляться снова…

— Как, Минаков? — остановил на мне взгляд майор Ефремов. — Неплохо придумали ребята?

Пришлось выступать. Ребята, конечно, действуют толково, нужно у них поучиться. Но было у меня и свое, наболевшее.

— Нельзя после сбрасывания бомб задерживаться над целью для фотографирования результата. Это увеличивает вероятность попадания для фашистских зенитчиков. Суть в том, что сделано, а не в фиксировании успеха. Слишком дорогой ценой могут обойтись фотографии, противник как раз в это время переходит на поражение. Кроме того, плановая фотосъемка при отходе не всегда получается. Перспективная нисколько не хуже. Очень удобно фиксировать бомбоудары перспективным фотоаппаратом АФА-27, установленным на качалке в люке для нижнего пулемета.

Еще меня волновал вопрос о противоистребительном маневре группой. При встрече с вражескими истребителями наши шестерки и девятки не маневрируют, боясь нарушить строй. Вся надежда на стрелков. По-моему, навыки пилотирования большинства наших летчиков уже позволяют перейти к маневру строем по высоте и курсу. Это будет сильно затруднять атаки вражеским истребителям. [168] Выступивший за мной летчик Беликов поделился опытом противозенитного маневрирования.

— Когда самолет идет по прямой, он — мишень. По первому залпу немецкие зенитчики стараются определить курс, высоту, скорость. Поэтому, увидев первую группу разрывов, следует сразу же приступать к маневру. Если разрывы справа — идти влево. Чем ближе разрывы, тем круче уводить машину в противоположную сторону. Кроме того, увеличивать скорость, менять высоту. Необходимо также запоминать расположение зенитных батарей, чтобы при повторных ударах уже не ждать первого залпа, а начинать маневрировать на подходе к цели. Что касается противоистребительных маневров, то здесь наш союзник — облака. Особенно сейчас, осенью. Еще хочу сказать о соблюдении места в строю. Противник только и мечтает, чтобы разбить строй и разделаться с нами поодиночке. А если строй крепкий, истребители не страшны. Однажды наш командир эскадрильи майор Стародуб вел на задание два звена. По пути к цели на нас напало пять «мессершмиттов». Но строй не дрогнул. Дружным огнем штурманов и стрелков все атаки противника были отбиты. А если бы хоть один из летчиков вильнул, уклонился, то поплатился бы за это не только он…

Штурман Овсянников предложил создать учебный полигон для тренировки в бомбометании. Поставить щит в море, и тренируйся сколько угодно, заходи хоть по десять раз, меняй высоту, направление, маневрируй.

Предложение Овсянникова было встречено бурным одобрением всех присутствующих. Штурман эскадрильи Кордонский поделился опытом бомбометания по малоразмерным

целям, отыскания их в гористой местности.

Выступили многие. Стрелки-радисты Панов и Зигуля, техники Беляков и Варварычев… Комиссар полка Свиногеев остановился на вопросах морально-политической и психологической подготовки экипажей, привел ряд примеров стойкости, мужества, мастерства. Командир полка подвел итоги.

— Часто приходится слышать споры, какой тактический прием лучше. Споры не бесполезные, если дело касается определенных условий боя. Но универсального приема не ищите. Выбор того или иного способа действий зависит от конкретной обстановки и индивидуальных качеств летчика. Нет и не должно быть летчиков, которые бы действовали по шаблону. Бой нужно творить! А для [169] этого требуются опыт, знания, навыки владения всеми возможными приемами. День ото дня, от полета к полету необходимо искать, совершенствовать свои тактические навыки. Все выступавшие говорили дельно. Теперь каждому надо подумать, выбрать полезное для себя, постараться освоить новое. Что касается обеспечения — будет все, что возможно. Для тренировки в меткости бомбометания организуем у побережья полигон, а для стрельбы по воздушным целям будем буксировать конус…

Задача у нас одна

После трехдневных обложных дождей погода поправилась. Небо поголубело, сквозь поднимающийся туман проглянуло солнце.

2 октября в полк поступил приказ: поставить мины в Керченском проливе. Враг интенсивно переправлял морем технику и живую силу, пополняя свои части на Северном Кавказе. Необходимо было сорвать его планы.

Во второй половине дня экипажи, участвующие в ночной минной постановке, были отпущены на отдых. Придя в школу, мы легли спать. Проснулся я от грохота. Самого взрыва не слышал, но эхо еще долго грохотало в горах. Сначала мы подумали, что немцы бомбят аэродром тонными бомбами. Но, выбежав на улицу, не услышали ни гула моторов, ни хлопанья наших зениток.

— В чем дело? — спрашивали друг друга.

Вскоре все выяснилось. Запыхавшись, подбежал белый, как полотно, техник Михаил Беляков.

— Ребята, английская мина взорвалась на минно-торпедном складе!

Его окружила плотная толпа. Беляков взахлеб рассказывал:

— Толком и сам ничего не знаю. Мы с Загоскиным вышли от стоянки в штаб, чтобы доложить о готовности машин к полету. Вдруг в саду как шарахнет! Нас взрывной волной… Метров десять кубарем катились!

После узнали, что при подготовке мин одна из них сработала. Как это случилось, никто не мог объяснить. На следующий день побывали на месте взрыва. Страшная картина! Торпеды и мины весом более тонны каждая, как папиросы от ветра, как мячики, были разбросаны по всему саду. Искореженные тягачи и автокраны отбросило [170] метров на пятьдесят… Отчего взорвалась мина, можно было только догадываться. Видимо, в электрической цепи произошло замыкание. Сказалась спешка…

Несмотря на чрезвычайное происшествие, мы вылетели на минную постановку вовремя. Первым взлетел Беликов, ему было приказано бомбить Керчь, чтобы отвлечь внимание противника от нашей группы. В условленное время над портом заполыхали взрывы. Прожекторы фашистов метались по небу, а в это время наши самолеты-миноносцы, зайдя со стороны Черного моря, с малой высоты сбрасывали мины в пролив. Скрытность имела решающее значение. Дело в том, что фашистские транспорты, боясь нашей авиации, днем отстаивались в портах под

прикрытием береговых средств противовоздушной обороны, а ночью торопливо перевозили войска и технику на Таманский полуостров.

Отвлекающий маневр удался, мы поставили мины под носом врага и улетели незамеченными.

На другой день воздушной разведкой было обнаружено большое скопление кораблей и судов противника в портах Ялта и Тамань. Командир полка послал на бомбежку Ялты звено во главе с майором Стародубом. К цели самолеты подошли под прикрытием облаков. Немцы обнаружили их, когда они уже отбомбились и легли на куре отхода. Застучали «эрликоны», но поздно. Когда проявили снимки, стало ясно, что уничтожены две быстроходные баржи, буксир, подожжен танкер, предположительно поврежден тральщик, на берегу возникло два очага пожаров.

Отличный результат! Фамилии штурманов Кордонского, Петроченко и Маркина появились на доске Почета: "Черноморец! С них бери пример!" Боевые листки были посвящены отважному звену.

А ночью бомбить Тамань пошла группа капитана Гаврилова. Несмотря на крайне неблагоприятную погоду и сильный заградительный огонь, Гаврилов прорвался к порту. За ним отбомбились и остальные. Только Беликов не смог выполнить задание: его самолет обледенел, пришлось вернуться, сбросив бомбы в море. За успехами последовала досадная неудача. Темной ночью 6 октября, взлетая на бомбежку плавсредств в Тамани, Всеволод Гаврилов потерял ориентировку, уклонился от взлетной полосы. Самолет зацепился левым крылом за дерево, перевернулся, упал и загорелся. Сам Гаврилов получил тяжелые ранения, штурман капитан [171] Миша Петроченко, стрелок-радист младший сержант Юрий Цыганюк и воздушный стрелок младший сержант Юрий Фадеев — погибли. Славные ребята! Сколько бы они могли еще сделать…

На следующий день в полк прилетел подполковник Токарев. После расследования аварии собрали весь летный состав. Разобрав ошибки Гаврилова, командир бригады обратился к штурманам:

— А вы что делаете, когда летчик взлетает и садится? Довольствуетесь ролью пассажиров?

Николай Маркин встал и, бледнея, сказал за всех:

— Товарищ подполковник, маскировка, конечно, необходима. Но в кромешной тьме любой может потерять ориентировку. Какой у нас аэродром? Пятачок! Ночью надо хотя бы выставлять элементарные направляющие огни, хоть "летучую мышь". Случай

с Гавриловым не первый, при ночной посадке разбил машину Пашун. Оба опытные пилоты…

— Пожалуй, ты прав, — подумав, согласился комбриг. — Товарищ Ефремов, придется поступиться маскировкой. На время взлета и посадки обозначайте полосу. Но штурманам, повторяю, следить за направлением взлета и, если надо, подсказывать пилоту. Бдительность всего экипажа при взлете и на посадке!

Вскоре после отъезда комбрига поступила команда: уничтожить транспорт в порту Ялта. В воздух поднялась четверка во главе с Андреевым. Экипажи Алексеева, Дулькина и мой летели ведомыми. Погода была благоприятная — редкие облака, хорошая видимость до самой цели. На траверзе Керченского пролива самолет Дулькина стал отставать, забарахлил мотор. Летчик был вынужден вернуться на свой аэродром, освободившись от бомб над морем.

При подходе к Ялте Прилуцкий несколько раз тщательно замерил ветер, скрупулезно определил снос. Цель единичная, требует особой точности.

Самолеты растянулись в цепочку, обеспечивающую свободу маневра. Зашли с моря, легли на боевой курс. Гитлеровцы открыли интенсивный огонь, мы продирались, как сквозь паутину.

— Командир, прошит фюзеляж! — докладывал Панов.

— Терпенье, друзья, терпенье![172]

Прилуцкий нажал на кнопку. Освободившись от груза, самолет будто вздохнул, как живой. Резко отворачиваю, увеличиваю скорость, пристраиваюсь к ведущему. У Прилуцкого хмурое лицо. Очевидно, неудача.

— Николай! На каком расстоянии от транспорта легли бомбы?

— Черт их знает…

— А все-таки?

— Метрах в десяти — двадцати… Одна у самого борта. Надо было зайти под углом…

— Ну, если в десяти… Мне кажется, пароход не стоял на месте, двигался в сторону рейда.

— Возможно. И все-таки неплохо бы влепить ему прямо в брюхо…

— Многого хочешь! А как отбомбились остальные?

— Примерно так же.

До самого аэродрома Николай молчал, нахохлившись.

А через некоторое время в полк пришло разведдонесение: транспорт водоизмещением две тысячи тонн после удара авиации с серьезными повреждениями выбросился на берег и был

полностью разрушен налетевшим штормом.

— Ну вот, а ты скучал! — напомнил я Прилуцкому.

Николай смущенно улыбнулся:

— Шторм помог…

12 октября пять экипажей в бомбардировочном варианте заступили на боевое дежурство. Старший группы — командир второй эскадрильи майор Стародуб.

Василий Иванович Стародуб к тому времени был уже опытным командиром, с успехом водившим на задания большие группы самолетов. Под его руководством эскадрилья бомбила переправы на Дону, железнодорожные узлы на Кубани, порты Керчь, Мариуполь, Ялту, Феодосию, фашистские войска под Новороссийском, Туапсе, на Керченском полуострове, на перевалах Главного Кавказского хребта. Под стать командиру был и штурман эскадрильи капитан Кордонский, непревзойденный мастер бомбометания.

Вообще эскадрилья была боевая. Начальник связи старший лейтенант Тележкин еще в финскую совершил в качестве штурмана более тридцати вылетов, в одном из воздушных боёв лично сбил самолет противника. Отличались не только опытные бойцы. Штурманом в одном из [173] экипажей был сержант Сергиенко, комсорг эскадрильи. Молодой, но очень способный. Веселый, цыгановатый, с копной густых черных волос, Гриша был неутомим. Даже после самого напряженного дня его можно было видеть с гитарой. Энергии этого парня хватало на все, он был и отличным специалистом, и душой коллектива. Впоследствии в течение четырех месяцев мне пришлось летать с ним, и я был всегда доволен своим штурманом.

Перед обедом получили приказ: уничтожить плавсредства противника в порту Балаклава. Погода не благоприятствовала полету, добрую половину маршрута прошли в низких дождевых облаках. Кордонский точно вывел группу на порт, фашисты открыли яростный огонь, но плохая видимость мешала и зенитчикам, снаряды рвались ниже нас метров на пятьсот. Майор Стародуб вывел свой самолет на боевой курс — бомбили по сигналу ведущего. Разрывы наблюдались вблизи транспортов и на причале, но прямых попаданий не было. Только бомбы, сброшенные штурманом Александром Сергеевым из экипажа Каванчука, угодили в зенитную батарею.

— Как впечатление? — спросил Прилуцкого, когда вышли из зоны огня.

— Надо было бомбить не группой, а самостоятельно. Отбомбились бы эффективнее, наверняка!

— Ну да, все условия были. Скажи на разборе.

Между мысом Форос и Ялтой обнаружили две шхуны, а на траверзе Феодосии — перископ подводной лодки. Немедленно сообщили на землю.

В столовой нас ждал сюрприз. Еще на подходе услышали необычный шум. В зале было людно. Наши ребята сидели вперемешку с летчиками 40-го бомбардировочного и 6-го гвардейского истребительного авиаполков.

Первый, кого я узнал из гостей, был Володя Клюков. Бросились навстречу друг другу, обнялись.

— Ого! — кивнул я на орден Красного Знамени, блестевший на его новеньком кителе.

— Ну, так ведь с самого начала, считай. Шестьдесят штурмовок, десятки воздушных боев…

— К нам-то каким ветром?

— Прибыли на переформирование. Завтра полетим в местечко, где поуютней, получим новенькие «яки» и снова на фронт![174]

Подошел Жора Москаленко, тоже однокашник. Над карманом его кителя сияла Золотая Звезда.

— Рассказывай! — потребовал я.

— Да что рассказывать… Приехал к нам в эскадрилью командующий авиацией флота генерал Ермаченков, знаете. "Кто, — говорит, — у вас самый глазастый?" Оказалось, по личному приказу Гитлера переброшена под Севастополь восьмисотмиллиметровая пушка «Дора». Надо непременно ее разыскать. Я посмотрел на комэска, капитана Спирова, тот — на меня. Делать нечего, выхожу: "Товарищ генерал, мы с лейтенантом Петровым готовы выполнить ваше задание". — "Это у вас самый глазастый?" — уточняет генерал у комэска. «Самый». — "Тогда пусть готовится".

О «Доре» я ничего не знал. Потом выяснилось, что эта «Дора» весит полторы тысячи тонн, ствол — тридцать метров, высота больше десяти, бьет на сорок километров. Ничего себе дура! Предполагалось, что укрыта где-то в лесной чаще в Мекензиевых горах. Полетели с ведомым моим, Петровым. Линию фронта пересекли на большой высоте, потом снизились до бреющего. Зенитки колотят, как бешеные… Маневрируем, сверлим глазами каждый квадратный метр — заросли там, ущелья. Ходили, ходили — ни фига. Вдруг огонь так усилился — деться некуда! Ну, думаю, если не здесь… И точно, блеснул под лучом металл вроде. Присмотрелся — маскировочная сетка. Зашли еще раз она! Вернулись, доложили. Навел я шестерку «илов» на то место, замолчала «Дора». Вот в все. А сейчас выписался из госпиталя…

— Из-за «Доры» попал?

— Да нет, уже после подшибли меня. Спустился на парашюте между нашими и фрицами. Спасибо матушке-пехоте, выручила. Целое сражение из-за меня устроили…

К столику подошел еще один наш товарищ, Иван Филатов, капитан. Он летал на «пешке», как любовно называли пикирующий бомбардировщик Пе-2. Штурманом у майора Корзунова.

— Замечательный командир! Век бы с ним воевать! — восхищался Иван. Из каких только переплетов ни выходили…

Как раз в это время из комнаты старшего комсостава вышел наш командир полка и с ним еще два майора.

— С Золотой Звездой — Михаил Авдеев. А второй — он, Корзунов Иван Егорович. Видишь, прихрамывает. [175] В одном из боев перебило сухожилия… Летает! Да еще как, дай бог каждому! Собирается пикировать девятками. Представляешь, какой шум будет!

Мог ли я предполагать в тот вечер, что через два десятилетия мне доведется служить вместе с генералом Корзуновым. Иван Егорович командовал авиацией Краснознаменного Северного флота, а я был его первым заместителем и возглавлял штаб авиации флота…

14 октября меня вызвал командир полка.

— Минаков, сколько раз ты перегонял самолеты с Дальнего Востока?

— Дважды, товарищ майор.

— Ну вот и отлично! Сутки на подготовку. Послезавтра полетишь в Москву с начальником политуправления флота дивкомиссаром Арсением Львовичем Расскиным. С ним и назад вернешься. Ясно? Готовься. Со штурманом разберите подробно маршрут. Машину заправить до пробки. Задание ответственное, сам понимаешь…

Да, задание непростое. Необходимо обеспечить максимальную безопасность пассажиров.

Прикидывая варианты маршрута, штурман полка капитан Тимонин советовал нам лететь сначала на восток, затем по восточному берегу Каспийского моря и далее вдоль Волги. Нам с Прилуцким не очень понравился такой путь, ведь немцы были уже в Сталинграде. Предложили свой вариант: обогнув восточный берег Каспия, идти вдоль Заволжья. Эта трасса была более безопасна. С нашими доводами согласились, и мы принялись склеивать карты, производить расчеты, прокладывать маршрут.

Тем временем Варварычев со своими помощниками готовил самолет, Панов хлопотал об указаниях по связи.

В конце дня я направился к старшему лейтенанту Осипову,

временно исполнявшему обязанности командира эскадрильи. По дороге встретил Тимонина.

— Ты куда, Минаков?

— Докладывать о готовности к вылету. — А вы что, проверить хотите?

— Нет, пока. Только что звонили сверху, передали, что вместо Прилуцкого с тобой полетит флаг-штурман ВВС ЧФ подполковник Васильев. [176]

— Почему?

Тимонин пожал плечами.

— Пути начальства неисповедимы…

— Доложите командиру полка, что я хочу лететь с Прилуцким. Мы уже слетались, отлично понимаем друг друга.

— Торгуешься? Это же приказание командующего.

— Время есть. Прошу довести мою просьбу до командования.

Тимонин поморщился, как от зубной боли.

— Хорошо, доложу. Только вряд ли что изменится. После окончательного решения жди в гости, приду с инженером и начальником связи «копать».

На том и расстались. На другой день подошел Осипов, отозвал меня в сторону.

— Твой полет в Москву отменяется. Полетит Казанчук.

— Ну что ж, сверху виднее…

— Да ты не унывай, на войне всяко бывает, — в свою очередь поговоркой утешил он меня.

Через несколько дней мы узнали печальную новость: Казанчук потерпел катастрофу. На обратном пути по маршруту Москва — Сухуми, в районе Гори, экипаж встретился со сложной метеорологической обстановкой: низкая облачность, дождь, плохая видимость. При развороте в горах самолет задел стабилизатором за дерево. В дальнейшем от вибрации он постепенно стал разрушаться в воздухе и, пролетев пятнадцать километров, упал и сгорел. Погибли все, и экипаж, и пассажиры…

Опять разведка

К вылетам на дальнюю разведку в море мы готовились с особой тщательностью. Едва светало, уже хлопотали у своей машины. Прилуцкий с Пановым проверяли фотоаппаратуру, навигационные приборы, прицелы, Лубинец аварийную оснастку, пулеметы, боезапас. Я замерял бензин и масло, осматривал моторы, шасси, крылья, фюзеляж, рулевое устройство, рассчитывал центровку…

15 октября задолго до рассвета ушел в разведывательный полет экипаж Андреева. Наш самолет остался на аэродроме в качестве запасного дежурного разведчика. [177]

Мы продолжали хлопотать у машины. Невдалеке майор Пересада попыхивал своей неразлучной трубкой. Исключительный случай, обычно он сразу же исчезал, проводив самолет в воздух. Не было в полку хлопотней должности, чем у Григория Степановича.

Я подошел, доложил о готовности к вылету.

Сжатые губы его тронула легонькая улыбка.

— Ну-ка давай проверю, как вы понимаете задачу. Задав каждому несколько вопросов и убедившись, что задачу мы понимаем в основном правильно, пояснил:

— Месяц назад главной целью воздушной разведки было обнаружение и фотографирование десантных средств противника в базах и на переходе. Теперь — обнаружение транспортов и конвоев, определение их состава, ордера, координат и элементов движения — курса, скорости. Опыта у нас еще маловато. Путаем классы и типы кораблей и судов, эсминцы со сторожевиками, транспорты с самоходными баржами. Надо по фотоснимкам изучать силуэты, использовать справочники. Разведданные должны быть точными, от них зависит успех. Вообще дело, за которое берешься, надо знать досконально!

— Муторное это дело, Григорий Степанович, лучше на бомбежки летать. Там работа налицо! Вы уж нас периодически сменяйте.

— Вот я и говорю, не понимаете, что такое разведка! Разведка — один из важнейших элементов боевых действий. И ведется для всех наших сил, действующих на Черном море. От ее результатов зависит планирование и успех больших операций. Морских, воздушных, сухопутных…

Я понял, что задел больное место Григория Степановича. Уже и не рад был, что ляпнул некстати. Начальник штаба сел на своего любимого конька.

— Вот вам пример. В ноябре сорокового года английская воздушная разведка сфотографировала итальянскую военно-морскую базу Торонто. Проявили снимки — крупные силы итальянского флота! Авианосцы нанесли массированный удар — и плакали фашисты. А вот обратный случай — бой у мыса Мотопан в марте сорок первого. Те же англичане из-за плохой воздушной разведки упустили главные силы итальянцев во главе с линкором "Витторио Венето". Я бы вам таких примеров знаете сколько привел? По сути дела, любой бой, любое сражение — иллюстрация к нашему разговору. Жаль, говорить [178] некогда. Готовьтесь, как следует. И своевременно доносите обо всем, что обнаружите.

— Наш радист не подведет!

— Знаю, Панов — отличный специалист. С ним связь всегда надежная.

Григорий Степанович взглянул на часы, пыхнул трубкой и заторопился к штабу.

В середине дня одно из наших звеньев вылетело на уничтожение четырех торпедных катеров, обнаруженных в бухте Киик-Атлама, маневренной стоянке небольших кораблей противника. Однако опоздали, катеров и след простыл. Видимо, гитлеровцы засекли наш самолет-разведчик и вовремя сманеврировали. Делать нечего, экипажи отбомбились по складам на берегу, подожгли шесть объектов. Но от огня зенитной артиллерии сильно пострадал и один из наших самолетов. На обратном пути обнаружили торпедные катера, они на предельной скорости спешили к Феодосии. Но бомбы были уже израсходованы.

После посадки летчики и штурманы шумно обсуждали неудачу.

— Сориентировались фрицы! А мы вынуждены были бомбить какие-то склады…

— Нужно назначать запасные цели!

— И разведку вести более скрытно…

— Если бы запасной целью были плавсредства в Феодосии, тогда бы и катера накрыли…

Да. Вообще с каждым днем становилось заметней, что рядовые летчики и штурманы начинают думать не только о своих конкретных обязанностях, но и об успехе группового полета, о задачах эскадрильи, полка.

В тот же день экипаж Андреева произвел разведку портов Ак-Мечеть, Евпатория и линии коммуникации Евпатория — Севастополь. В Ак-Мечети штурман Колесов обнаружил у берега пять шхун, в южной части бухты Сасык — транспорт

водоизмещением пять тысяч тонн, на аэродроме Саки — пятнадцать самолетов противника. Все цели были зафиксированы плановой и перспективной съемкой.

Экипаж был доволен результатом разведки. Однако на разборе выяснилось, что из пяти радиограмм, переданных с самолета, ни одна не была принята на КП полка. [179] Стрелок-радист Евгений Никифоров работал не на той волне, градуировка передатчика оказалась сбитой.

— Элементарная халатность! — ругался майор Пересада. — Как вы готовились к вылету? Разведчики!

Случай был разобран со всеми радистами полка.

Вечером из штаба ВВС поступило приказание: к утру 16 октября иметь в пятнадцатиминутной готовности самолет для ведения разведки у западного побережья Крыма. Подвесить десяток стокилограммовых фугасных бомб.

Затемно мы уже были на аэродроме, с рассветом вылетели на это не совсем обычное задание — разведку, совмещенную с бомбежкой. Накануне всем экипажем тщательно изучили район, места возможных встреч с истребителями противника, нанесли на карты предполагаемые маршруты движения кораблей.

Как и предсказали метеорологи, погода выдалась неважная — видимость ограничена дымкой, многоярусная облачность.

Давно скрылись из виду родные берега, вокруг безбрежный морской простор. Чтобы побороть чувство одиночества, штурман то и дело докладывает о местонахождении самолета. Одиночество обманчиво, врага можно встретить в любую минуту. До района разведки лететь еще порядочно, набираю высоту, пробиваю облачность. Яркое солнце прогоняет наплывающую по временам сонную одурь, вместо однообразной водной пустыни под крылом сказочные замки, снежные города…

— Командир, вправо пять по компасу! Приближаемся к Севастополю, — направляет Прилуцкий.

— Подготовить фотоаппараты!

Снижаюсь, пробиваю облачность, выхожу на мыс Херсонес. Бухты Севастополя. Кораблей в них нет. Только в Казачьей стоит одинокая шхуна. Зенитки молчат, наше появление из облаков — полная неожиданность. А мы уже снова в море, курс на Евпаторию. Там-то уж встретят, служба оповещения сработает. Резко разворачиваюсь на юг, ухожу дальше в море с расчетом выйти к Каркинитскому заливу с запада. Выходим на Ак-Мечеть. В порту — транспорт водоизмещением две тысячи тонн, несколько мелких посудин. Сфотографировав их, продолжаем полет к Евпатории. На ее рейде восемь шхун. Зенитки и здесь не успели, маневр удался. Под [180] крылом — Саки. На аэродроме

более сорока бомбардировщиков и истребителей. Разворачиваемся вправо, обнаруживаем в море четыре транспорта в кильватерном строю.

— Командир, бомбы?

— Давай, выводи на боевой!

Прилуцкий уточняет скорость, корректирует курс, прилипает к прицелу. Противник подозрительно молчит.

— Пошли пять штук! Маневрируют, гады! Действительно, два транспорта начали циркуляцию вправо, два — влево.

— А ты думал, они будут подставляться под твои бомбы?

— Давай еще заход! — Прилуцкий не на шутку разозлился.

— Уточни снос!

Начинаю разворот, приказываю Панову сообщить об обнаруженных транспортах. Пока штурман вносит поправки, с земли приходит ответная радиограмма: сфотографировать транспорты.

— Командир, боевой!

Изо всех сил стараюсь вести самолет по струнке. Противник не стреляет. Видимо, на судах нет зенитного вооружения.

— Пошли!

Через несколько секунд слышу ругань Николая. Бомбы опять не попали в цель, легли у носа переднего транспорта.

— Ругайся, не ругайся, — говорю Прилуцкому, — одного желания мало. Нужно учиться бомбить маневренные цели, угадывать замысел противника, брать упреждение…

Николай не отвечает. В шлемофоне слышно, как он сопит. Досадно, конечно.

— Не огорчайся, штурман, — успокаивает Панов. — Подучишься — врежешь прямо в трубу.

— Пошел ты к черту!

На обратном пути Панов заметил на горизонте точку.

— Командир, по курсу транспорт! Приблизились — сторожевой катер.

— Двойка тебе, Панов, не умеешь распознавать корабли по силуэту. Учит, учит вас начальник штаба…

Я тоже зол и несправедлив. Будто мог он, Панов, на таком расстоянии различить силуэт. Хорошо, что хоть обнаружил. [181]

— Командир, это опасная посудина. Наверняка, караулит наши лодки. Разреши, я ему из пулемета…

— Давай!

Снижаюсь до пятидесяти метров, прохожу рядом с катером. Стрелки бьют из пулеметов. В ответ с катера тянутся нитки пунктиров.

— Огрызаются, собаки!

— Передай его координаты на берег! — напоминаю радисту.

— Ну что, снайпер, врезал? — в свою очередь подначивает Прилуцкий. Со стороны каждый — стратег!

— Пулька не бомба, разрыва не видно, — меланхолично парирует Панов.

Длительный разведывательный полет подходит к концу.

Сколько раз приходилось нам возвращаться из дальних полетов к родным берегам. И почти всегда — с радостью, с сознанием исполненного долга. Сегодня летели молча. Грызла досада, чувство вины.

На земле нас встретил Григорий Степанович Пересада. Усталый, с воспаленными от бессонной ночи глазами. Выслушав подробный доклад и сделав записи в блокноте, неожиданно улыбнулся:

— Молодцы! От имени командира полка объявляю вам благодарность!

— Служим Советскому Союзу! Вот тебе и неудачный полет!

— Поняли значение разведки? — пожимая нам руки, спрашивал майор. — По вашим данным уже посланы самолеты. К транспортам направлены подводные лодки. Что же касается бомбометания… Перехитрил вас противник. Учиться нужно! Ну, ничего, научитесь.

На следующий день вышел боевой листок:

"16.10.42 г. летчик Минаков, штурман Прилуцкий, стрелок-радист Панов и воздушный стрелок Лубинец произвели воздушную разведку в море длительностью 6 часов 40 минут. Задание выполнено отлично. В районе Ак-Мечеть, Евпатория, Севастополь экипажем обнаружено и сфотографировано пять транспортов и других плавсредств противника. О целях было сообщено командованию сразу же после обнаружения. Однополчане, берите пример с экипажа летчика Минакова!"[182]

"Главное — не растеряться!"

Так начинал и так заключал свои сверхпрограммные политбеседы наш комиссар эскадрильи Ермак — под "табачным навесом", где коротали мы часы вынужденного, из-за погодных условий, отдыха или же ожидали команды на взлет. Разные эпизоды рассказывались под этим девизом, порой неправдоподобно курьезные, порой захватывающе увлекательные, но непременно подлинные и всегда бьющие в одну цель. Откуда их добывал комиссар, было его профессиональным секретом, неразрешимой для нас загадкой: из эскадрильи он, как и мы, дальше штаба полка и столовой не отлучался и переписки со всей авиацией флота вести, как понятно, не мог.

Ни наши шахматы, ни домино Николаю Григорьевичу не мешали, даже и помогали — оценить собственную работу, которая, по его мнению, лишь тогда и результативна, когда заинтересован в ней не столько он, сколько его слушатели — мы, то есть. "Главное — не растеряться", — слова эти были условным сигналом, некими позывными, заслышав их, мы замолкали на полуслове, откладывали очередной ход, даже если могли насадить зазевавшегося партнера на «вилку» или «защучить» его ферзя, самонадеянно вышедшего на середину доски в дебюте.

— Если не растеряться, — начал неторопливо и эту историю комиссар, то и на парашюте можно подняться…

— Спуститься, товарищ старший политрук, — услужливо поправил сержант Одиноков.

— Подняться, — настойчиво повторил Ермак и даже ткнул пальцем в небо, не оставляя сомнений в сказанном.

— Ага, — догадался Колесов. — Восходящий поток? Спрыгнул над территорией противника, а его подняло и вынесло к своим…

— Вариант возможный, — согласился комиссар. — Но с Барановым было не так. Ему со дна моря пришлось подниматься.

На Колесова зашикали, чья-то рука с занесенным конем неподвижно повисла над шахматной доской, доминошники беззвучно сложили на стол костяшки.

— Случай недавний, — начал Ермак. — В сентябре это было, в одном из авиаполков нашего флота. Замкомэск старший лейтенант Филипп Баранов возвращался на своем Ил-2 с боевого задания. Летел над морем. Вдруг «мессеры». [183] Со стороны солнца зашли незаметно, одной из первых очередей повредили мотор. Уклоняться от их атак Баранову стало трудно. Он вел машину над самыми гребнями волн, защищаясь огнем и

маневром. Это был еще старый «ил», без кабины воздушного стрелка и крупнокалиберного пулемета в хвосте. Бой, конечно, неравный. Очередной вражеский снаряд окончательно вывел из строя мотор, грузный штурмовик «провалился», сел на воду. Баранов принялся открывать фонарь, но он не поддавался — заклинило. В кабине потемнело, самолет ушел под воду. Он погружался все глубже и глубже, надежд на спасение не оставалось. Однако герметизированная кабина не наполнялась водой, и летчик в кромешной тьме, задыхаясь, не оставлял попыток открыть фонарь…

Наконец самолет вздрогнул, стукнулся о каменистое дно моря. В тот же момент огромным давлением фонарь сорвало, на уже терявшего сознание летчика обрушилась масса воды, страшная сила вырвала его из кабины и понесла наверх. Кроме давления, помог парашют. Воздух, сохранившийся в складках шелковой ткани, вынес летчика на поверхность. Баранов быстро овладел собой, наполнил газом спасательный пояс. Около часа продержался на воде. Потом подошел наш катер и подобрал его…

Комиссар закончил, завязался разговор. Как оценить этот случай?

— Но все-таки он же спасал себя, — говорили одни. — А настоящий подвиг — когда человек идет на самопожертвование, на смертельный риск. И мог бы не идти, а идет, чтобы уничтожить врага, выручить товарища…

Другие возражали. Если проявил недюжинную храбрость, самообладание в критической обстановке, значит — подвиг.

— Конечно, есть разница, — переждав спор, подвел итог комиссар. — Но и спасая себя, человек сохраняет для будущих боев одного воина. А это уже немало. Разные бывают подвиги. Только за последний месяц на нашем фронте их совершено десятки. О таране Мухина слышали? Вот тот пример, когда мог бы и не идти…

Об этом таране, двенадцатом по счету на Черном море мы уже слышали, но попросили рассказать подробно.

Это случилось в сентябре.

Одна из наших береговых батарей изо дня в день била по фашистским войскам из района Геленджика. Громила [184] живую силу и технику врага, не давала ему покоя. Фашисты решили уничтожить ее с помощью своей дальнобойной артиллерии. Расстояние до нашей батареи было большое, поэтому гитлеровцы подняли в воздух «Фокке-Вульф-189», чтобы с него корректировать огонь.

Бронированная, двухмоторная, двухфюзеляжная «рама» висела над огневой позицией батареи. Вражеские снаряды

ложились все ближе к орудиям. Надо было во что бы то ни стало избавиться от наблюдателя. Эта задача была поставлена перед летчиками Мухиным и Масловым. Взлетев на самолетах ЛаГГ-3, они достигли высоты, на которой летал «фокке-вульф» и пошли на сближение. Мухин устремился в атаку, а Маслов, маневрируя вокруг вражеского самолета, отвлекал его огонь на себя. Фашисты бросили корректировку и всю силу огня обрушили на наши «лаги». Искусно маневрируя, Мухин и Маслов взяли противника в клещи и стали обстреливать его. После очередной пулеметной очереди Мухина «рама», отстреливаясь из двух пулеметов, пошла в сторону моря. Очевидно, на свой аэродром.

Проскочив вниз, Мухин вплотную подошел сзади к корректировщику, нажал гашетку, но оружие молчало — вышел боезапас. Тогда мужественный летчик решил пойти на таран. «Лаг» врезался винтом в левый фюзеляж вражеского самолета, в тот же миг своей плоскостью ударил и по правому фюзеляжу. Раздался сильный треск, и оба самолета, потеряв управление, стали беспорядочно падать.

Мухин отстегнул ремни, его выбросило из кабины истребителя. Через несколько секунд он раскрыл парашют и начал спускаться в районе бухты.

Но на этом не кончилось. Два вражеских летчика, покинув свой самолет, тоже спускались на парашютах, находясь ниже Мухина. В бессильной злобе, охваченные отчаянием и безнадежностью, фашисты открыли по нему огонь из пистолетов.

Мухин принял вызов. Не размышляя, скользнул на своем парашюте, приблизился к врагам на сорок-пятьдесят метров, выхватил пистолет и открыл ответный огонь. Сумел застрелить обоих фашистов, а сам благополучно приводнился в бухте. Вскоре наш катер доставил Мухина на берег, где он был радостно встречен боевыми друзьями, наблюдавшими за его мужественной борьбой. [185]

— Да, в воздушном бою, если сложится безнадежная обстановка, единственный выход — это таран, — подхватил кто-то из молодых летчиков. Погибать, так с музыкой!

— Хорошо, если есть такой выход, — возразил комиссар.

— Ну, таран-то…

— И таран не всегда возможен. Но выход настоящий летчик найдет всегда. Решит, как поступить в последнюю минуту…

И рассказал поистине фантастический случай. Однако действительный — произошел он совсем недавно, в октябре, и героем его был летчик Военно-воздушных сил нашего, Черноморского флота.

Ивану Кораблеву шел девятнадцатый год и летал он на У-2,

возил почту. Никто не верил, что этот парень с золотистым пушком на щеках и мальчишечьим озорным взглядом — уже почти готовый боевой летчик, способный драться с фашистскими асами, пикировать, бомбить, прошивать меткими очередями вражеские машины, штурмовать неприятельскую пехоту. Дай ему только боевой самолет. Но ему не давали. И приходилось летать из тыла на фронт и вдоль фронта с письмами, газетами, оперативными документами. На его «уточке» не было никакого вооружения.

Однажды, доставив почту, Кораблев возвращался на свой аэродром. Дело было днем, шел низко, над самым берегом. И вдруг, в районе Сочи, крылом к крылу пристроился к нему «мессершмитт». Гитлеровские асы, вылетающие на "свободную охоту", любили нападать на такие безоружные самолеты — и риска никакого, и боевой счет растет. «Мессер» с выпущенным шасси и закрылками для уравнивания скорости с тихоходной машиной Кораблева — был на расстоянии нескольких метров. Гитлеровец не торопясь открыл фонарь, поднял средний и указательный пальцы вверх, а большим ткнул вниз, что могло означать лишь одно: на втором заходе тебе, сосунок, будет крышка!

"К чему второй заход? — подумал Кораблев за фрица. — Чуть приотстать и нажать гашетку…"

Но гитлеровец, должно быть, не мог отстать на своей скоростной машине. Исчерпал все резервы ее в этом смысле. И на заход не торопился. Продлевал удовольствие, играл, как с мышонком кот. Любовался своим мастерством, [186] держась, как привязанный, в пяти метрах от Кораблева и вместе с ним повторяя неровности берега, как бы обчерчивая его рельеф. Вот сволочь!

И вдруг Кораблев вспомнил: пистолет!

Незаметно отвел назад руку, вынул из кобуры «ТТ» и выстрелил прямо в красную, ухмыляющуюся физиономию аса. Тот вскинул руку, как бы защищаясь, и сразу обмяк. «Мессер» накренился, черкнул крылом по земле, кувыркнулся и взорвался в двадцати метрах позади машины Кораблева…

Так летчик Иван Кораблев открыл свой боевой счет. И бой этот, так неудачно начавшийся для него, принес, вероятно, самую легкую в его фронтовой жизни победу.

Героический десант

В первых числах октября в большом зале школы, где мы жили, была размещена парашютно-десантная рота, сформированная из моряков. Командовал ею волевой, энергичный капитан Орлов. Борьба, рукопашный бой, приемы самбо, метание гранат, стрельба из всех положений, снятие часовых, прыжки с парашютом, подрывное дело — вот далеко не полный перечень того, чем ежедневно занимались наши соседи. В свободные минуты мы с интересом наблюдали за ними.

— Работают ребята! — восхитился Панов. — И днем, и ночью. Не каждый выдержит такую нагрузку!

— Замечательные парни! — согласился и Лубинец.

Старшина роты Соловьев следил, как снаряжались его десантники. На огромном брезентовом полотне были разложены кучками самые разнообразные предметы. Все это моментально разбиралось по рукам и аккуратно размещалось в специальных чехлах, патронташах и сумках десантников. Каждый боец имел автомат, пистолет, кинжал, две ручные гранаты, компас, карманный фонарик, двенадцать плиток шоколада, пачку печенья, флягу со спиртом, две коробки спичек, пять пачек папирос, несколько индивидуальных пакетов. Кроме того, на каждую группу в три-пять человек выдавались килограммовые термитные бомбы, противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью…

Старшина все видел, везде успевал, подходил то к одному, то к другому краснофлотцу, проверял, советовал, показывал, [187] помогал закрепить и подогнать все так, чтобы не мешало в воздухе, при приземлении, в движении по земле. По всему было видно, что он был опытным наставником в этих делах.

Однажды Лубинец не выдержал:

— К чему это вы готовитесь?

Старшина хитро ухмыльнулся.

— Много будешь знать — скоро состаришься!

В самом деле, таких вопросов на фронте не задают. Но вскоре все выяснилось само собой.

В оккупированном Майкопе немцы использовали довоенный аэродром. На нем постоянно базировалось от шестидесяти до семидесяти самолетов. Фашисты нападали на базы и корабли, нарушали наши морские коммуникации, совершали налеты на позиции наших войск под Туапсе и на перевалах Главного Кавказского хребта. Неоднократные попытки ликвидировать эту базу с воздуха не удались, аэродром был хорошо защищен. Тогда

командование ВВС ЧФ решило высадить на аэродром воздушный десант и уничтожить самолеты противника на земле.

В этом дерзком рейде участвовали и самолеты нашей авиабригады: шесть ДБ-3ф 5-го гвардейского, два СБ 40-го авиаполка, транспортные ТБ-3 и ПС-84, штурмовики И-15 с Лазаревской. От нашего полка выделялось четыре ДБ-3ф, из них один — резервный. В резерв был назначен мой экипаж.

Успех боя целиком зависел от внезапности, поэтому высадка десанта готовилась под большим секретом.

23 октября 1942 года все участвующие в выполнении этого задания экипажи собрались на аэродроме Бабушеры. Летчики и штурманы получили карты крупного масштаба и фотоснимки целей, со всеми был проведен подробный инструктаж. На аэродром прибыли командующий ВВС ЧФ генерал-майор авиации Василий Васильевич Ермаченков, член Военного совета контр-адмирал Николай Михайлович Кулаков, командир 63-й авиабригады подполковник Николай Александрович Токарев.

Двадцать два часа. Вечернее небо густо усеяно крупными мерцающими звездами. У самолетов застыл строй десантников. Их лица освещают лучи автомобильных фар. Легкий ветерок колышет ленточки бескозырок. Командир роты капитан Орлов медленно идет вдоль замершего строя, пристально вглядываясь в каждого бойца. Остановившись посредине, [188] спрашивает:

— Все меня слышат?

— Все! — как один, выдыхает строй.

— Боевые друзья! В трехстах километрах отсюда — фашистский аэродром. Уничтожить его с воздуха не удается. Командование поручило нам выполнить особую задачу: скрытно, на малой высоте подойти, десантироваться, уничтожить фашистские самолеты на земле. После этого уходить к партизанам.

Орлов помолчал, снова прощупал пронзительным взглядом весь строй.

— Полетят только добровольцы. Кто не уверен в себе, может остаться.

Выждал еще минуту, скомандовал:

— Кто готов выполнить приказ Родины, шаг вперед!

Обе шеренги, как на параде, шагнули навстречу командиру.

С напутственным словом к десантникам обратился контр-адмирал Кулаков.

— Товарищи, через несколько минут вы отправитесь в логово врага. Задание важное. Помните, что Родина никогда не забудет ваш подвиг, он войдет яркой страницей в историю Великой Отечественной войны. Вы — творцы этой истории. Желаю вам,

друзья, удачи! Смерть немецким оккупантам!

— По местам! — скомандовал Орлов.

Сорок краснофлотцев, разделившись на две группы, начали посадку в самолеты. Первыми взлетели четыре ДБ-3ф, пилотируемые майором Минчуговым, майором Стародубом, капитаном Беликовым и инспектором по технике пилотирования майором Селявко. Три самолета этой группы наносили отвлекающий удар, а Селявко должен был наблюдать за ходом операции и обо всем доносить с места события на землю. В его сборный экипаж входили флаг-штурман полка капитан Тимонин, начальник штаба 63-й авиабригады подполковник Кудин, наши лучшие воздушные стрелки-радисты Панов и Куевда.

Следом за первой группой уходят на Майкоп ПС-84 и ТБ-3 с десантниками. Мы сидим в полной боевой готовности, с запущенными моторами. В случае неудачи со взлетом какой-нибудь машины мы должны немедленно заменить ее. Взлетает последняя группа — пять самолетов. Благополучно берет курс на вражеский аэродром. Мы остаемся. Ну что ж, успеха вам, боевые друзья, в вашем нелегком деле![189]

На другой день узнали все в подробностях.

Первая группа бомбардировщиков в течение сорока минут бомбила огневые точки вражеского аэродрома, подготавливая условия для высадки десанта. Заливались зенитки, метались лучи прожекторов, трассы «эрликонов» вспарывали темноту, но наши бомбардировщики вновь и вновь прорывались сквозь сплошную огневую завесу. Очаги пожаров осветили взлетную полосу. На помощь подоспели два И-15бис. С высоты четырехсот метров они восемнадцать раз заходили на аэродром, пять прожекторов врага были уничтожены. За три минуты до начала высадки десанта два СБ сбросили на железнодорожную станцию Майкоп более трехсот зажигательных бомб. Пожары осветили всю округу. Это позволило самолетам с десантниками на борту точно выйти на аэродром. Тем временем девятка бомбардировщиков обрабатывала подступы к нему. Аэродромная команда в панике металась по полю. Лучи трех вражеских прожекторов осветили один из транспортных самолетов, несколько зенитных батарей немедленно перенесли огонь на него. Из люка посыпались парашютисты. Гитлеровцы поняли наш замысел. Несколько прожекторов стали освещать парашютистов и аэродромное поле. От зажигательных пуль вспыхивали парашюты, некоторые из десантников были убиты еще в воздухе. В течение тридцати секунд самолет ПС-84 освободился от десанта. Свернув в сторону, он вышел из зоны огня и благополучно вернулся на свой аэродром.

Второму транспортному самолету не повезло. Он вышел к аэродрому на высоте шестьсот метров с опозданием на две минуты и сразу же был схвачен со всех сторон прожекторами. Весь огонь зениток обрушился на громадный ТБ-3. Десантники начали покидать его над самой кромкой летного поля. От прямого попадания в бензобак машина загорелась. Несмотря на это, пилот продолжал вести ее в горизонтальном полете, обеспечивая высадку. Пролетев аэродром, объятый пламенем ТБ-3 врезался в землю. В небо поднялся огромный столб огня. Героический экипаж погиб, выполнив свой воинский долг до конца. Чудом удалось спастись лишь командиру корабля старшему лейтенанту Серафиму Гаврилову…

А на аэродроме разгорался бой. Освободившись от парашютов, расчищая себе путь автоматными очередями, краснофлотцы пробивались к «юнкерсам», «хейнкелям» и «мессершмиттам», забрасывали их термитными бомбами, [190] гранатами, бутылками с зажигательной смесью. По всему полю пылали фашистские самолеты, дым не могли пробить даже прожекторы. В разных концах аэродрома завязалась перестрелка, десантники отсекали от самолетов солдат охраны. Становилось трудно дышать. На аэродроме все пылало и взрывалось, в небо взлетали горящие обломки…

Десантники быстро покончили с охраной и с обслуживающим персоналом, целых машин на стоянках не осталось. Взлетела зеленая ракета — сигнал отходить. Но в это время к гитлеровцам подоспело подкрепление — мотоциклисты с собаками. Мотоциклисты носились вдоль стоянок и стреляли, собаки с лаем преследовали десантников. Отбиваясь, краснофлотцы группами и поодиночке прорывались к местам, где их ждали партизаны.

В течение последующего месяца двадцать три уцелевших десантника на легких самолетах были переправлены за линию фронта, на свою территорию. Пятнадцать героев погибли. Все участники героического десанта были представлены к правительственным наградам.

Аэродром в Майкопе надолго вышел из строя, перестал угрожать нашим морским коммуникациям.

Прошли многие годы. Все дальше и дальше отходит война. Но никогда не сотрутся из памяти образы тех отважных ребят в лихо заломленных бескозырках, в бушлатах, туго перетянутых ремнями, с автоматами, пистолетами, гранатами, с кинжалами, торчащими из голенищ сапог…

На месте высадки десанта стоит обелиск с выбитыми на камне именами героев, отдавших свою жизнь за честь и свободу Родины.

Приказ есть приказ

Майор Ефремов вызвал к себе командиров эскадрилий.

— Полку приказано с двадцать восьмого числа прекратить боевую деятельность и отбыть в тыл на переформирование. Восемь экипажей и тринадцать самолетов передаем на пополнение пятого гвардейского авиаполка.

В числе этих восьми экипажей оказался и наш. Перевод в гвардейскую часть следовало понимать как признание боевых заслуг, как большую честь, но мы [191] встретили приказ без энтузиазма. Жаль было расставаться с родным полком, с товарищами, с которыми побратались в боях. Утешало лишь то, что вместе с нами в другой полк переходили экипажи Андреева, Литвякова, Артюкова, Беликова, Алексеева, Дулькина и Трошина. Переводился и заместитель командира нашей эскадрильи Осипов.

Приходилось расставаться с Иваном Варварычевым — весь технический состав оставляли в нашем, теперь уже бывшем, полку.

Оставался и наш боевой друг Алексей Лубинец.

Я обратился к Ефремову, попросил не забирать его из экипажа.

— Не могу, Минаков, понимаешь, не могу! Приказано всех воздушных стрелков до единого оставить в полку. Надо же сохранить опытные, боевые кадры! Хватит с меня, что вас всех приходится отдавать. Легко, думаешь? Но тут не поспоришь — вы ведь остаетесь воевать…

День ушел на оформление документов. Вечером всем экипажем решили устроить прощальный ужин в одном из буфетов поселка Дранды. Разумеется, не поскупились, меню по тем временам составилось богатое. Дружеская беседа затянулась до позднего вечера. Неожиданно в дверях появился новый адъютант нашей эскадрильи старший лейтенант Андреев.

— Пируете?

— Присаживайся, — пригласили и его.

— Не могу. И вам вынужден помешать. Всех вас вызывают в штаб.

— Зачем?

— Полетите на боевое задание.

— Да ты что?

— Серьезно!

— Но нам же разрешили отдыхать! Мы и машину к вылету не готовили.

Адъютант обескураженно развел руками.

— Мое дело передать, а вы уж сами разбирайтесь с начальством. Осипов приказал разыскать и доставить.

Полуторка ждала у крыльца. Забравшись в кузов, затряслись по ухабам осенней разбитой дороги.

В ярко освещенной штабной комнате Ефремов и Пересада что-то оживленно обсуждали. Выслушав доклад, командир полка встал, испытующе оглядел меня.

— Как себя чувствуете?[192]

— Отдыхали, — пожал я плечами. — Ужинали в буфете, прощались…

Андрей Яковлевич еще раз внимательно поглядел мне в глаза.

— В южную бухту Севастополя вошел транспорт противника. Приказано нанести бомбовый удар по нему. Помолчал, покрутил в пальцах потухшую папиросу.

— Я докладывал комбригу, что имею приказание командующего прекратить боевую работу. Но он потребовал выполнить приказ, хотя бы одним самолетом. Хотел послать Беликова, но он нездоров. Полетите на его машине. Самолет подготовлен, подвешены три двухсотпятидесятикилограммовые фугаски.

Да, дела…

— Есть вопросы?

— Все ясно.

— Вылет по готовности. Можете идти.

Самолет находился в дальнем конце аэродрома, двинулись было пешком, но обступила такая кромешная тьма, что пришлось вернуться. Поехали на нашей полуторке.

Встретил техник, доложил о готовности.

— Заправка под пробки, бомбы подвешены!

Стали осматривать самолет. Для меня важно было выявить его индивидуальный «характер». Не только каждый летчик, каждый шофер знает, что это такое. Мало того, что машины одной марки имеют свои особенности, но и характер пилота, его стиль управления накладывают на них свой неповторимый отпечаток. Спрашивать об этом у техника было бесполезно.

— Чужая жена, — пошутил Прилуцкий.

— Похоже, наверно.

Еще раз осмотрел кабину, поставил все тумблеры в исходное положение. Моторы работают ровно. Мигаю аэронавигационными огнями, техники выбивают колодки из-под колес. Включаю фару, начинаю выруливать на старт. Осторожно двигаю рычагами управления, привыкаю.

— Как самочувствие, командир?

— Работоспособен. А ты?

— Транспортабелен, — смеется Николай. — Может, вставить ручку, помочь поднять хвост?

— Обойдусь.

Установив самолет на старте, увеличиваю обороты. [193]

— Кто-то подходит, — докладывает Панов.

Открываю фонарь — Осипов. Поднялся на плоскость, добрался до кабины:

— Как дела, Василий?

— Не верите? Не надо было и посылать!

— А все-таки?

— Все в порядке, до скорой встречи!

Замкомэск крепко стиснул мне руку и так же внезапно исчез, как появился. Всматриваюсь в темноту, постепенно различаю стену справа — сады, что тянутся за границей аэродрома, параллельно взлетной полосе. Значит, самолет установлен правильно. Теперь главное — выдержать это направление, не уклониться.

Медленно набираю скорость, поднимаю хвост. Плавно подбираю штурвал — и мы в воздухе. Каждый нерв обнажен, все обычное в эти минуты кажется необычным. Под нами живая белая полоска — это прибой. Следовательно, мы уже миновали аэродром и береговую черту. Вокруг черная бездна, сверху расцвеченная звездами. Горизонт не просматривается.

Перехожу на пилотирование по приборам. Убираю шасси.

— Штурман, курс на цель?

Прилуцкий отвечает немедленно. Набрав высоту четыреста метров, разворачиваюсь, ложусь курсом на Севастополь. Впереди пять часов полета. Еще чувствую скованность, предстартовую напряженность, но постепенно это проходит. На смену является уверенность: самолет хорошо слушается меня. Николай, не отрываясь от своих многочисленных обязанностей, то и дело заговаривает — то спросит расход бензина, то поинтересуется, как работают моторы, точно ли выдерживается курс…

— Боишься, что засну?

— Ну что ты, командир! Просто выполняю свои скромные обязанности.

— Давай, давай!

Набрал две тысячи метров. Половину маршрута прошел по приборам. Затем взошла луна — верный помощник пилота. В районе Ялты наткнулся на облачность.

— Николай, как решим? Полезем вверх иди будем снижаться?

— Думаю, ни то, ни другое. Пойдем на этой высоте, так

безопаснее, а при подходе к Севастополю снизимся до тысячи пятисот. [194]

Так и сделали. Через некоторое время штурман доложил, что пролетаем Балаклаву. Сбавляю обороты, начинаю снижаться. На высоте тысяча семьсот выхожу из облаков. Прямо впереди — Севастополь. Южная бухта хорошо освещена луной.

— Вижу транспорт! Стоит у причала! — докладывает Николай.

— Выводи на боевой!

— На боевом!

Стараюсь "не дышать", точно выдерживать заданную высоту, скорость, курс. Зенитки молчат. Три часа ночи, должно быть, фашисты спят без задних ног, чувствуя себя в полной безопасности в глубоком тылу.

— Пошли!

Сейчас разбудим! Не очень-то приятное пробуждение их ждет…

— Хорошо! — вскрикивают в один голос Прилуцкий и Панов. — Первая у самого борта, вторая в борт, третья — в причал!

Не меняя курса, проскакиваем бухту. Через три минуты, когда мы уже были далеко, небо над Севастополем расцветилось зловещим фейерверком. Трассы, шары «эрликонов», разрывы…

— Салют в нашу честь! — спокойно заметил Лубинец. — Проспали, голубчики. Ай-я-яй! Где ваша хваленая бдительность?

— Панов! Доложи на землю: задание выполнено.

— Есть, командир!

Путь назад всегда короче. Тем более, что до самого аэродрома нас сопровождала яркая луна — верный помощник штурмана и пилота.

Сделав круг над аэродромом, захожу на посадку. К самолету подбегает Осипов.

— Ну? Как себя чувствуешь?

— Ничего, спасибо. Хоть вообще-то желательно в будущем узнавать о полете пораньше…

— Сам не спал всю ночь! Здесь и ждал, на аэродроме. Честно говоря, ведь это я предложил Ефремову послать ваш экипаж.

— Спасибо. Все хорошо, что хорошо кончается. Подъехал Пересада.

— Молодцы, ребята! Поддержали на прощание честь полка! Ну, а сейчас отдыхать. Завтра вас беспокоить не будем. [195]

Утром в столовой Беликов с Артюковым полюбопытствовали:

— Куда это вас ночью носило?

— Немцы будильник забыли завести. Пришлось слетать,

разбудить…

— Ну и дела! Может, и еще будут посылать?

— Кто его знает. Во всяком случае в буфет меня больше не тянет…

После обеда зашли на стоянку проведать свою «семерку». Варварычев был не весел. Доложил о проведенных регламентных работах.

— Сегодня полетите?

— Не знаю…

— Сегодня никуда! — заверил подошедший Осипов.

Этот день для однополчан стал прощальным. Друзья вспоминали совместные вылеты, бои над Донскими, Сальскими, Кубанскими степями, огненное новороссийское направление, удары по перевалам Кавказа, изнуряющие полеты на разведку в море, забавные и трагические эпизоды…

Вспоминали погибших товарищей. За время активных боевых действий, с июня по ноябрь 1942 года, полк уничтожил более тридцати плавединиц — боевых кораблей и транспортов, — пятнадцать самолетов противника, более ста автомашин, около шестидесяти железнодорожных вагонов, разрушил четыре переправы, десяток портовых сооружений, столько же складов с горючим и боеприпасами… Более пяти тысяч гитлеровских солдат и офицеров нашли свою бесславную смерть под ударами наших бомбардировщиков.

За успешную боевую работу полк имел благодарность от Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного, благодарности Военного совета Черноморского флота, 46-й армии, неоднократно отмечался в приказах командования Черноморского флота, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Десятки летчиков, штурманов, стрелков и техников удостоились правительственных наград.

На другой день наш экипаж летел на воздушную разведку. После выполнения задания было приказано произвести посадку на будущий наш аэродром, где базировались гвардейцы.

— Выжимают… — незлобиво ворчал Прилуцкий. — Мы уже чужие, вот и используют…[196]

— Эх, штурман! — вздохнул Панов. — На нашу долю выпала честь совершить последний вылет…

Да, это был последний боевой вылет 36-го минно-торпедного авиационного полка в ту осень. Через полгода, заново укомплектованный техникой и личным составом, он снова вольется в строй черноморцев. Но нам уже станет родным другой полк.

Год сорок второй подходил к концу. Боевой, тревожный,

бессонный.

Впереди нас ожидали новые дела, новые друзья, новые трудности и победы…

О друзьях-товарищах (Вместо эпилога)

Четверо нас покидало родные Минводы, как, может быть, помнит читатель, — четверо из пятидесяти выпускников местного аэроклуба, живших той же мечтой, что и мы. Осенью тридцать восьмого года мы поступили в заветное Ейское авиационное училище и вышли из него в новенькой форме военно-морских летчиков в начале сорок первого, за несколько месяцев до войны.

Вот о троих друзьях детства и однокашниках по училищу и хочется в заключение рассказать.

Саня Разгонин…

Помните луг над Кумой, эпизод со свечой — драгоценным подарком залетного командира? Это он тогда, Саня, стучал кулаком в свою щуплую грудь и говорил о железе, что надо иметь вместо сердца тому, кто мечтает летать. И скромно умалчивал о своей мечте и о собственном своем сердце. А именно оно-то и оказалось железным…

Неподалеку от Ленинграда, на светлой поляне, в глубине живописной сосновой рощи расположено небольшое — по сегодняшним нашим масштабам двухэтажное здание. Выглядит оно новым, но, присмотревшись, заметишь массивные стены, широкие каменные ступени, выщербленный местами тяжелый цоколь.

Здесь пионерлагерь, это легко угадаешь, едва войдя в рощу, по звездным лучам-дорожкам, посыпанным свежим песочком линейкам, по флагу на мачте и красочным транспарантам на стойках-шестах, — даже и раньше еще, [197] на подходе, по звукам веселого горна, по кликам девчоночьим и мальчишечьим, еще с дороги, за километр. С той самой дороги, что всходит на Румболовские высоты, пересекая здесь Колтушское шоссе, и по которой бегут сейчас верхом нагруженные машины окрестных совхозов, везущие овощи в Ленинград, — той самой Дороги, по которой когда-то, буксуя и зарываясь по радиатор в сугробы, натужно взбирались закамуфлированные известкой полуторки с Ладоги, с простреленными мешками в залатанных свежими досками кузовах, с обмерзшими, навалившимися на руль шоферами…

Теперь она выглядит по-иному, Дорога жизни, гладкая и прямая, мощные грузовики не замечают подъема, и только взлетев на высотку, нездешние водители невольно сбавляют газ при виде посеребренной ограды братского воинского кладбища с

бюстом летчика в центре — Героя Советского Союза Ильи Шишканя…

Однако вернемся в пионерлагерь, к нарядному дому в пронизанной солнцем сосновой роще, в окружении зелени, ярких цветочных клумб. Тридцать пять лет назад, каждое утро, задолго до того часа, когда бодрые звуки горна возвещают начало веселого дня его нынешним звонкоголосым хозяевам, к дому подъезжал посеревший от пыли, когда-то голубой автобус и по ступеням сбегали похожие друг на друга, как братья, плечистые парни с обветренными до смуглоты лицами, с большими целлулоидными планшетами, свисающими до колен, со шлемами и перчатками, наскоро заткнутыми в карман или за борт полузастегнутой куртки…

Здесь жили летчики трех авиационных полков Балтфлота — жили, спали, писали письма, ждали и получали их, принимали гостей из блокадного Ленинграда, артистов, еле державшихся на ногах, угощали их чем могли из своего «летного» — тоже по названию только — пайка. Утром уезжали на аэродром, вечером возвращались — осунувшиеся, но возбужденные и веселые. Или молчаливые и задумчивые — если возвращались не все…

Не только на подступах к городу, на ближних и дальних позициях врага, но и в глубоком его тылу, на палубах и в трюмах его кораблей рвались торпеды и бомбы, метко нацеленные экипажами 1-го гвардейского Краснознаменного минно-торпедного авиаполка, которым командовал полковник Евгений Николаевич Преображенский. Лишь за один 1943 год полк потопил пятьдесят [198] шесть фашистских кораблей и транспортов общим водоизмещением двести пятьдесят тысяч тонн. Тридцать пять воинов этой части стали Героями Советского Союза. И среди них…

…Летчик Александр Разгонин потопил пять вражеских кораблей, летал бомбить военно-морские базы Котка, Хельсинки, Таллин, мастерски ставил минные заграждения в базах и на фарватерах в тылу противника, бомбил эшелоны с войсками и техникой на станциях Гатчина, Мга, Тосно, Луга, Волосово…

Это — из наградного листа, сохранившегося в архиве.

"…Экипаж гвардии старшего лейтенанта А. И. Разгонина не вернулся с боевого задания…" — Из записи в журнале боевых действий полка от 16 ноября 1943 года.

И — из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1944 года:

…Александру Ивановичу Разгонину присвоить звание Героя Советского Союза…

Значит, посмертно?

Значит, погиб?

В 1-м минно-торпедном полку, куда младший лейтенант Разгонин прибыл по окончании училища, он оказался в эскадрилье Ефремова — того самого Андрея Яковлевича Ефремова, который полгода спустя прославился знаменитыми полетами на Берлин, а еще через год стал командиром вновь сформированного 36-го минно-торпедного полка на Черном море.

Под Ленинградом, в Клопицах, встретил полк весть о войне, отсюда вылетал на первые боевые задания. В сорок втором перебазировался восточнее.

К этому времени Саша Разгонин, самый молодой летчик полка, успел стать одним из лучших пилотов Балтики. За успешный бомбоудар по скоплению войск противника был награжден орденом Красного Знамени. Третьим в полку, вслед за опытнейшими командирами воздушных кораблей Балебиным и Шимановым, освоил полеты с торпедой.

6 июля 1943 года, на следующий день после вручения ему второго ордена Красного Знамени, с тридцатиметровой высоты торпедировал и послал на дно фашистский транспорт водоизмещением пять тысяч тонн…

Одна за другой следовали торпедные атаки Разгонина [199] и его штурмана Чванова, один за другим отправлялись на дно вражеские корабли с грузами и войсками…

…Хмурый осенний день, низкая облачность, дождь. Часами галсировал торпедоносец в поисках цели, и вот сквозь завесу тумана прорисовались контуры огромного двухтрубного транспорта. Быстро произведены необходимые расчеты. Спустя двадцать минут тяжело нагруженное вражеское судно скрылось под волнами Балтики…

На имя Разгонина в полк пришла телеграмма:

"Горячо поздравляем Вас и Ваш славный экипаж с дерзкой победой. Входим с ходатайством в Военный совет о награждении Вас высшей правительственной наградой — присвоении звания Героя Советского Союза. Желаем множить счет Ваших славных побед. Точный здравый расчет в сочетании с дерзостью всегда обеспечивает успех.

Генерал-полковник авиации Жаворонков. Генерал-лейтенант авиации Самохин".

И снова крейсерские полеты, разящие удары по врагу, точный расчет и дерзость. Шестой транспорт… Потом — 16 ноября — самый большой, седьмой.

И — скорбная запись: "Не вернулся с боевого…"

…В тот день экипаж вылетел на "свободную охоту". Долго утюжили небо, вглядываясь сквозь дождь и туман в черную,

вспаханную свирепым ветром поверхность моря. Подходило время возвращаться на базу. Но лететь домой с пустыми руками… Возникла поистине дерзкая мысль — идти не на свою, а на вражескую базу. Военно-морскую! Там-то наверняка найдется достойная цель…

Как очутился в Либавском порту советский крылатый торпедоносец, для фашистов осталось неразрешимой загадкой. Самолет будто выпрыгнул из воды, вихрем пронесся над стволами корабельных и береговых зениток и, мгновенно выбрав цель, развернулся для смертоносной атаки. Гитлеровские зенитчики опомнились лишь тогда, когда, сбросив торпеду на стоящий в порту огромный транспорт, краснозвездная машина взмыла ввысь, уходя в открытое море…

Окруженный густой сеткой разрывов, самолет стремительно набирал высоту. Полторы тысячи, две…

— Командир, началось обледенение! — передает стрелок-радист Мигунов. На стволах пулеметов корка…

Разгонин видит и сам: начинают опасно поблескивать крылья…[200]

Остановился один из моторов. Катастрофически падает высота. Кое-как перетянули через Рижский залив. Заглох и второй мотор. Планируя, машина протащилась еще километров тридцать и упала в лесу. Тридцать километров от побережья, семьдесят от Пярну. Все живы, хотя и помяты сваленными самолетом деревьями.

Кой-как оправились, двинулись в путь, помогая друг другу. Шли к линии фронта. На третий день набрели на группу каких-то не то лесорубов, не то лесников, которые назвались партизанами. Те привели их, измученных, изголодавшихся, на хутор, напоили молоком, а после обманом и силой разоружили. «Лесники» оказались предателями, полицаями.

На следующий день весь экипаж — Разгонин, Макаров, Мигунов и Гасанов был доставлен в Пярну. Всех рассадили по одиночным камерам, начались допросы…

Из Пярну перевезли в город Остров. Снова допросы, уговоры, провокации, побои. Фашистская контрразведка пыталась завербовать их, но ничего не добилась. Тогда всех бросили в лагерь уничтожения. Из Острова эшелоном перевезли в Ригу, а через некоторое время Разгонина перевели в польский город Лодзь.

Гитлеровцы намного раньше, чем сам Александр, узнали о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Это и не удивительно: фашистские разведчики читали наши газеты, слушали радио, что совершенно было немыслимо для пленного.

Заставить перейти на свою сторону прославленного советского аса, понятно, явилось бы ценной находкой для их пропаганды. Разгонина задабривали, обещали дать самолет. Запугивали, грозили, провоцировали. Били смертным боем. Когда становилось невмоготу, Александр вспоминал опаленный войной Ленинград, почерневших от голода и холода, но не сдающихся его защитников.

Все время плена — более года — Разгонин жил одной мыслью: бежать! Но это долго оставалось невозможным: все лагеря, в которых он перебывал, располагались в глубоком тылу фашистов. Но вот положение изменилось: наступала весна сорок пятого, на западе Германии находились союзные войска…

Труден был путь восьми беглецов из фашистского лагеря в Ашаффенбурге. Месяц смертельных опасностей, холода, голода, ночей без сна. Разгонину и двум оставшимся с ним товарищам удалось найти лодку без весел, [201] переплыть на ней Рейн, выйти в расположение американских войск.

После победы они были переданы советской миссии.

И вот Разгонин в Москве. Ни документов, ни знакомых. Как доказать, что ты не погиб, что ты есть ты?

"В библиотеке удалось раздобыть «Правду» с Указом о присвоении мне звания Героя Советского Союза, — рассказывает Александр Иванович. — С этим «документом» и принялся за свое воскрешение из мертвых…"

Пятнадцать лет проработал бывший летчик мастером на заводе. И все время мечтал вернуться в авиацию. И вернулся! Через пятнадцать лет! После упорных, многократных ходатайств гвардии капитан Герой Советского Союза Александр Иванович Разгонин снова стал в строй военных авиаторов. И продолжает служить до сих пор — гвардии подполковник Разгонин. Мы с ним по-прежнему дружим, часто встречаемся в Ленинграде, ставшем для нас вторым родным городом, вспоминаем детство, солнечный берег быстрой Кумы и свечу, осветившую нам путь в небо…

Заканчивался третий год войны, у меня за плечами было уже около двухсот боевых вылетов. Время от времени удавалось получать письма от двух других друзей детства — Ивана Алефиренко и Саши Черняховского. Оба были истребителями, оба продолжали служить на Дальнем Востоке. "Ты воюешь вовсю, а мы дежурим, и, очевидно, конца этому не будет, — горько сетовал Иван. Эх! Если бы попасть на фронт…"

Уж кого-кого, а Ивана-то можно было понять. В своем месте, рассказывая об учебе в аэроклубе, я умолчал о некоторых его «художествах». Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Да и не только характером Вани можно было их объяснить. Каждый

из нас в те годы чувствовал приближение главного испытания в жизни — такого, какое не каждому поколению приходится пережить. И каждый по-своему стремился подготовить себя к этому.

Вот отсюда — от нетерпения поскорей овладеть мастерством, подготовить себя к будущим воздушным боям, а также от неуемного темперамента, не всегда подчиненного рассудку, — и брали начало некоторые «издержки» в процессе самовоспитания этого на редкость [202] способного и целеустремленного молодого летчика. Иван быстрее других овладевал полетами, фигурами высшего пилотажа и вообще был талантливым парнем. Отличный спортсмен, рисовальщик, автор смешных и зубастых фельетонов для стенгазеты, лирик, влюбленный в природу родимого края…

Однажды мы полетели вдвоем на «спарке», на отработку техники пилотирования. Набрали заданную высоту, Иван начал выполнять задание. Вдруг говорит:

— Махнем, Вася, в облако?

Я огляделся — с аэродрома нас не видно. Облако — вот оно, рядом, не очень большое, но плотное.

— Может, не стоит? — возразил для очистки совести.

Иван понимающе усмехнулся, большой комок ваты, быстро разбухая, понесся нам навстречу. Вот серая масса закрыла горизонт, встала сплошной вертикальной стеной. Еще секунда, и мы с головой окунаемся в топленое молоко. Я буквально почувствовал, что тону, захлебываюсь в мутной реке, не в силах вспомнить, где берег…

К счастью, облако оказалось небольшим. Выскочили, жадно вдохнули воздух. Бросили взгляд на землю и увидели под собою бездонную синь с ослепительно белым солнцем…

Придя в себя, Иван выровнял самолет и сразу пошел на снижение. Договорились никому не говорить о нашей рискованной проделке. Однако долго молчать не могли. Не умели таиться, скрывать, это считалось почти равнозначным трусости.

На всю жизнь запомнилась взбучка инструктора. "Сосунки! Хотите летать и не уважаете небо! Оно само задаст столько уроков, что вам и не расхлебать…"

Иван был не местный, приехал из-под Ставрополя, и приходилось ему потруднее, чем нам. Мы учились в школе, он работал в депо, часто оставался на сверхурочную. В дни полетов приходил на аэродром чуть свет, торопился первым выполнить задание, чтобы успеть на работу к восьми. Инструкторы шли ему навстречу, но это не всегда оказывалось возможным. В таких случаях Алефиренко упрашивал:

— Разрешите хотя бы слетать пассажиром!

— Ну ладно, — сдавался инструктор. — Лети. Хоть воздухом неба подышишь. [203]

Возвращался Иван довольный. На контрольных полетах показывал отличную технику пилотирования.

— Вот что значит, как следует вникать в дело! — ставил его нам в пример инструктор. — Летает вместо мешка, а усваивает больше многих из вас…

И никто не замечал, что летает Иван каждый раз с одним и тем же учлетом. Нашел выход из положения. Подобрал себе в напарники такого же отчаянного парня, и, отлетев подальше от аэродрома, они менялись местами перелезали из кабины в кабину по крылу самолета. Успевали поочередно выполнить задание и возвращались как ни в чем не бывало.

Когда об этом стало известно, обоих едва не отчислили из аэроклуба. Спасло, кажется, то, что вскоре прибыла к нам комиссия из Ейского авиаучилища…

Иван все же вырвался на фронт. "Прибыл на Северный флот, — сообщил вдруг в одном из писем. — Вчера схлестнулись с «мессерами»… Уже заходил в хвост фашисту, но он нырнул вниз, бежал…" Дальше — описание природы Северного края, такое, что хоть в хрестоматию включай. Потом сожаление, что "хочется подраться по-настоящему, а фриц уже стал не тот…"

Встретились мы после победы. По состоянию здоровья Ивану пришлось уволиться в запас. Поселился в родном Ставрополье, где трудится и по сей день.

С Сашей Черняховским я встретился в сорок четвертом, на аэродроме Кача.

— Сбылось! — кричал он взахлеб в промежутках между дружескими объятиями. — Пока прикрываем Севастополь… Но Крым освобожден, враг откатился далеко! Может, еще пошлют на Балканы… Героем, как ты, уже стать не надеюсь, но фашистам еще жару дам…

Мы теперь служили на одном флоте, аэродром Саши располагался в семидесяти километрах от моего. Расстались в полной уверенности, что еще встретимся. Но вскоре я узнал, что летчик-истребитель Александр Черняховский погиб в одном из воздушных боев…

Далеко не обо всех друзьях и товарищах, ребятах моего поколения, с которыми в разное время и в разных местах столкнула меня судьба, удалось упомянуть в этой повести, ограниченной рамками одного полка, одного из этапов его боевой деятельности. [204]

Многими путями вела нас жизнь. Сводила вместе — в одной

части, в одном бою, на одном случайном аэродроме, в небе, на море или на суше. И разводила так же нежданно — по разным морям, по флотам и фронтам, на сотни и тысячи километров.

И так — всю войну. Сводила и разводила. Но совсем развести не могла. Совсем, навсегда разводила лишь смерть. Как это и вообще бывает на свете, в любой дружной большой семье.

Одна большая семья…

Где каждый обязан другому. И всем вместе. И все — каждому. Выручкой, опытом, дружеским чувством, родственным, теплым участием. Пусть и в разлуке, за тысячи километров, в разных боях и на разных морях…

Помните, как разлучили в Москве нашу девятку тихоокеанцев? Шесть экипажей во главе с капитаном Поповичем направили на Север, а нам предстоял еще долгий путь к фронту. Но мы не потеряли друг друга из виду. С кем-то переписывались, чьи-то имена встречали в газетах, о ком-то узнавали от друзей.

На пятый день по прибытии в прославленный гвардейский сафоновский полк, в конце марта сорок второго года, группа Поповича в составе вновь созданной эскадрильи нанесла ощутимый удар по фашистской военно-морской базе Лиинахамари. Первый успех, первая боевая потеря: с задания не вернулся экипаж в составе старшего лейтенанта Сидорова, капитана Иошкина, младших сержантов Быковца и Назарова. Болью отозвалась в сердцах друзей эта утрата. Жгучей болью и яростным желанием отомстить…

В апреле — мае на мурманском направлении создалась напряженная обстановка. Эскадрилья совершала по нескольку вылетов в день, громя гитлеровские войска на суше. Умело действовал летчик Зубков; его штурман Ефимов еще на Дальнем Востоке прослыл снайпером бомбовых ударов. День ото дня рос боевой счет отважного экипажа: уничтоженные зенитные и минометные батареи, танки, автомашины, сбитый в воздушном бою «мессершмитт»…

В конце мая Зубков получил задачу атаковать вражеский аэродром Хейбуктен и обеспечить выход на него всей эскадрилье. Задание было выполнено блестяще. [205]

В скором времени группа Зубкова в составе трех боевых машин совершила налет на Банак, уничтожав на земле несколько вражеских истребителей. На отходе завязался неравный воздушный бой. Гвардейцы стойко оборонялись, сбили один из «мессеров». Но от прямого попадания снаряда самолет Зубкова взорвался в воздухе. На базу вернулся лишь экипаж Ильи Косиченко, который и рассказал о героической гибели товарищей.

В июле эскадрилья переключилась на удары по конвоям. Счет

торпедных атак открыли бывалые североморцы капитаны Гарбузов и Громов — потопили большой транспорт противника. В одном из последующих крейсерских полетов в паре с Гарбузовым действовал наш бывший однополчанин лейтенант Ткачев. Ни стена заградительного огня, ни атаки Ме-110 не помешали отважным экипажам пустить на дно фашистский танкер водоизмещением десять тысяч тонн.

Гитлеровцы усилили прикрытие своих конвоев с воздуха, стали применять противосамолетные маневры. Гвардейцы искали наиболее эффективные варианты атак. Помните «настоящие» полеты, которым учил нас на Дальнем Востоке комэск капитан Попович? Теперь он разработал и первым применил новую тактику торпедной атаки. В основу ее была положена знаменитая "сафоновская очередь" — поражать цель внезапно, с кратчайшей дистанции. Сафонов разработал ее для истребителей. Попович — для торпедоносцев. Они стали сбрасывать свой смертоносный снаряд с высоты тридцати — сорока метров, а затем, еще более снизясь, проскакивали между кораблями противника, совершая таким образом самый надежный противозенитный маневр.

Этим приемом блестяще овладели Володя Агафонов и его штурман Ваня Жихарев. В январе сорок третьего года Володя писал мне: "Вчера задали немцам жару: потоплены три транспорта… А сегодня утром еще три отправили на дно экипажи Балашова, Трунова и мой. Прибыли к нам с Тихоокеанского флота Шкаруба, Трунов, Скнарев [уточнить фамилию по бумажному изданию — *Прим. lenok555*], а майор Ведмеденко теперь командует гвардейским полком…"

Николай Никитович Ведмеденко — наш бывший командир полка, который провожал нас на фронт. А Слава Балашов — тот молоденький лейтенант, которому Попович в вагоне желал заслужить столько наград, сколько у Буденного…[206]

Догнать Семена Михайловича по наградам Вячеславу, понятно, не удалось, однако он стал одним из лучших летчиков эскадрильи, водил в боевые полеты большие группы машин. Его экипаж потопил восемь транспортов, уничтожил на аэродромах и в воздушных боях одиннадцать самолетов противника. Однажды, летя на тяжело поврежденной, уже обреченной машине, Балашов атаковал и потопил головной транспорт вражеского конвоя. Затем посадил самолет на воду и вместе со штурманом Уманским и остальными членами экипажа спасся на шлюпке.

Друзья говорили: "Везет тебе, Славка!" Он только улыбался на это. Балашов был прекрасным тактиком, знал все повадки врага, тщательно анализировал успехи и ошибки — и свои собственные, и товарищей. Вскоре он вместе со штурманом Юрием

Кончаловским и стрелком-радистом Михаилом Бадюком удостоился звания Героя Советского Союза.

Это лишь несколько слов о начале боевого пути некоторых из однополчан-тихоокеанцев. Подробнее рассказать здесь не представляется возможным. Добавлю только, что больше половины летчиков и штурманов дальневосточной эскадрильи Поповича стали впоследствии Героями Советского Союза. В том числе и сам командир. Уже после войны с гитлеровской Германией. Во второй половине сорок третьего года Григорий Данилович был снова направлен на Тихоокеанский флот — вооружать боевым мастерством новые пополнения для фронта. А в августе сорок пятого, во время войны с империалистической Японией, звено, ведомое майором Поповичем, обнаружило и отправило на дно вражеский миноносец…

Да, многими путями вела нас судьба. Сводила вместе и разводила. Но совсем развести не могла. И до сих пор: кто остался в жизни — остался и в нашей большой семье. А кто ушел — в нашей памяти, в сердце…

ОГЛАВЛЕНИЕ

Красный самолет [5]
Завал [9]
Настроение бодрое [14]
Тихий фронт [26]
Кому-то надо [29]
Новые однополчане [39]
Боевое крещение — не ритуал [44]
Сквозь огонь [49]
Экипажи уходят в ночь [54]
«Порядок, командир!» [58]
Ни шагу назад! [66]
Мы вернемся, Белореченская! [72]
«Ваш вопрос легче» [77]
«Мессер» пошел вниз [80]
Живы, черти! [84]
Хватило и на зенитки [89]
Разнообразить ассортимент [92]
Благодарность Буденного [97]
Памятный день [101]
Зоркость от злости [105]
Из-под крыла летучего авианосца [111]
Испытание на лобовых [118]
За Жору Соколова! [124]
Двое в море [130]
Одиссея одного экипажа [133]
Над перевалами [139]
Дальний маршрут [143]
В прицеле — корабли [150]
Бомбы под эшелоном [155]
В разведке [157]
Еще полетаем вместе! [164]
Фронтовая академия [167]
Задача у нас одна [170]
Опять разведка [177]
«Главное — не растеряться!» [183]
Героический десант [187]
Приказ есть приказ [191]
О друзьях-товарищах (Вместо эпилога) [197]